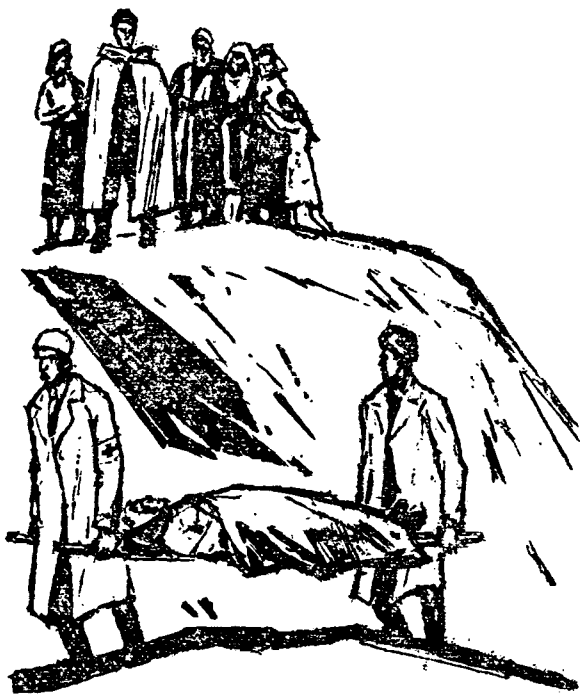

Усманов
УМАРБЕКОВ

ДВЕ ВЕСНЫ ДАМИРА УСМАНОВА

Перевод Э. Амига

Районная партийная конференция в этот раз завершила свою работу, как и предполагалось, в шесть часов вечера. Председательствующий Кудрат Саимович Садыков, взглядываясь в глубину вмещающего более семисот человек зала, поблагодарил присутствующих за их выступления и, опережая шум, который непременно за этим следует, возвысив голос, объявил, что после получасового перерыва состоится большой концерт художественной самодеятельности. И люди сразу пришли в движение, в разных концах зала раздались аплодисменты. Смысл их был конечно же всякому понятен — люди остались довольны, что конференция не затянулась дотемна, как это нередко случалось. Председатель райисполкома Садыков с улыбкой наблюдал, как постепенно пустеет зал, и слегка постукивал кулаком о ладонь левой руки со скрюченными, омертвевшими после перенесенного им год назад гипертонического криза пальцами. За его спиной члены президиума двигали стульями, переговаривались, покидая сцену. Только второй секретарь райкома партии Казим Бурханов медлил, держа себя как хозяин дома, которому положено сначала пропустить вперед себя гостей, а затем уже самому переступить порог. Садыков, тоже собираясь пройти мимо, дружелюбно заметил:

— Вот если бы все собрания заканчивались так, а, Казим Бурханович? Видали, как люди довольны? И я, знаете ли...

Бурханов иронически усмехнулся, но тут же перебил, насупив брови:

— Угощение готово?

— Все готово, — ответил Садыков, тоже помрачнев.

— Тогда незачем терять время, — буркнул Бурханов и первым направился к выходу.

Кудрат Саимович последовал за ним, опустив голову и вытирая носовым платком толстую шею, враз покрывшаяся холодным потом.

Вот уже два года, как собрания в районном центре, неизменно сопровождавшиеся обедами, доставляли Кудрату Саимовичу чересчур много хлопот. Кто знает, может, они и стали причиной повышенного артериального давления у него, в результате которого почти перестала действовать левая рука? Так оно и есть, скорее всего... Тогда, помнится, было в разгаре лето. Стояла жара, когда на кустиках хлопчатника еще только завязываются коробочки. И как раз в такой ответственный момент из соседней соревнующейся с ними области в их район прибыла делегация. Днем им решили показать два-три колхоза, осмотреть вместе поля, а вечером наметили провести собрание партийно-хозяйственного актива. По настоянию Бурханова было решено организовать хорошее угощение во дворе райисполкома. Садыков в душе был недоволен таким предложением секретаря: застолье можно было организовать и в любом колхозе, там оно всегда бывает даже куда более щедрым. К тому же гости за целый день устали, никто бы из них и не обиделся, если бы их не повезли в райцентр. Однако возражать секретарю райкома Садыков не посмел. Лично с ним согласовав меню, он с утра дал работникам райобщепита указания и вместе с гостями отправился на поля.

Собрание вечером прошло без сучка без задоринки. И прием начался вроде бы неплохо. Во дворе райисполкома, благоухающем розами, росли две старые-престарые чинары со стволами в четыре обхвата. Под ними и усадили гостей за длинным столом, покрытым белоснежной скатертью. Сначала было подано первое — жирная шурпа из баранины. Потом побаловались шашлычком, после которого был особенно приятен зеленый чай. Когда же дело дошло до плова, гости ждать не стали и поднялись с мест.

Бурханов, однако, остановил их, дескать, не спешите, гости дорогие, сейчас будет подано главное угощение. И люди, которым действительно спешить было некуда, снова заняли места, оживленно беседуя. А плова все не несли и не несли. Садыков уже дважды сам бегал на кухню. Но как ошпазы¹ ни суетились, ни вертелись, плов никак не упревал. Садыков, конечно, понимал, что в плове и надобности-то нет, и все же от неловкости не знал, куда себя девать. Клял про себя Бурханова: если бы его черт не дернул за язык, гости могли бы и не знать, что готовится

¹ Ошпазы — повар, мастер приготовления национальных блюд.

еще и плов; остались бы довольны добрым угощением, хорошей беседой и отправились бы восвояси.

Так оно в конце концов и случилось. Гости ушли довольные, хоть и не дождались плова. И все бы ничего, но несколько слов секретаря райкома, брошенные как бы мимоходом, задела Садыкова за живое. «К ним с взаимной проверкой поедете сами. Быть может, заодно научитесь и гостеприимству», — сухо сказал Бурханов, садясь в машину.

Садыкову показалось, будто ему дали оплеуху. С тех пор и стал он чураться всяких там собраний, которые венчались шумными застольями, старался по возможности оставаться от них в стороне. Но не так-то это просто председателю райисполкома. Волнения, видимо, все же сказались, и его неожиданно свалил гипертонический кризис...

А сегодняшнее собрание совсем иное. За сегодняшнюю конференцию ответствен не только он один, Садыков Кудрат Саимович, но и другие работники райкома и райисполкома. В выступлениях товарищей тщательно проанализирована вся хозяйственная и организаторская работа, дана объективная оценка деятельности партийной организации района, намечены пути дальнейшего улучшения этой деятельности. Настроение у всех приподнятое. Но тревога Бурханова за сегодняшний прием напомнила Садыкову, что за столом впервые будет присутствовать первый секретарь обкома партии. «Как бы не осрамиться, — с тревогой подумал Садыков, следуя за секретарем райкома. — Как бы не осрамиться...»

Почти все члены президиума собрались в комнате отдыха напротив зала заседаний. Но тут ныне не витал, как обычно, глухой гул голосов и над головами не нависал сивый туман сигаретного дыма, а все сидели молча. И не где попало сидели, а на расставленных в строгом порядке подле стены креслах и стульях. Людей, видимо, несколько сковывало присутствие первого секретаря обкома партии Искандера Гаиповича Гаипова. А Искандер Гаипович в это время стоял возле окна, увлекшись беседой с первым секретарем райкома Дамиром Усмановичем, высоким худощавым человеком, еще молодым, но с уже поседевшими висками. Дамир Усманович внимательно слушал его, наклонив голову, изредка вставлял фразу, задавал вопросы, что-то уточняя, и, с чем-то соглашаясь, кивал.

Разговор между ними прервался, когда в комнату вошел Бурханов, а вслед за ним и Садыков. Искандер Гаи-

пович обернулся и, словно извиняясь, что оставил присутствующих без внимания, мягко улыбнулся.

— Товарищи, конференция прошла очень хорошо, — сказал он, подойдя к большому сервированному столу посреди комнаты. Но не сел, а лишь взялся двумя руками за спинку стула с зеленой обивкой. — Еще раз поздравляю членов райкома партии, его секретарей. Сегодня товарищи высказали весьма полезные и ценные мысли. Вы, Дамир Усманович и Казим Бурханович, хорошенько изучите их высказывания и примите меры к осуществлению важных предложений. — Он отвернул манжету, посмотрел на часы и нахмурился. — К сожалению, не могу остаться посидеть с вами. — Искандер Гаипович обвел каждого лучистыми черными глазами. — Ну ничего, еще у нас будет время, поговорим. Всем вам больших успехов, товарищи! До свидания. Нет, нет, пусть никто меня не провожает.

Последние слова секретарем были брошены торопливо, ибо все сидевшие поднялись с мест. Но теперь никто не пошел за ним к дверям. Только Дамир Усманович, слегка помедлив, все же вышел вслед за секретарем обкома.

— Прошу, присаживайтесь, — сказал Бурханов после того, как дверь за ними закрылась, и занял место во главе стола.

Присутствующие начали устраиваться за столом. Сразу появились откуда-то официантки с подносами, на которых красовались расписные чайники с чаем и источали дымок груды румяного шашлыка. И сразу завязался веселый разговор, последовали шутки и голоса гостей смешались со звоном посуды. Молодой парень с белым колпаком на голове и в белом фартуке ловко разложил шампур с шашлыком по тарелкам. Заметив два пустующих места у противоположного торца стола, где обычно усаживают самых почетных гостей, он подошел к Садыкову и что-то прошептал ему на ухо.

Бурханов понял, о чем речь, и тихо, но достаточно громко, чтобы услышало большинство, заметил:

— Нет, Дамир Усманович не вернется, — и выразительно посмотрел на Садыкова, будто желая сказать: что, мол, у вас за люди, до сих пор не могут себе усвоить простой истины!

...На улице, несмотря на то что еще только был конец февраля, дул теплый влажный ветер. Спускаясь по ступенькам, Искандер Гаипович заметил, что за ним кто-то вышел, и обернулся.

— Не ходите без головного убора, довольно свежо, — обронил он, узнав в сумерках секретаря райкома.

— Привык, — улыбнулся Усманов, приблизившись к нему. — Искандер-ака, может, посидели бы немного?..

— Жене с утра нездоровилось, надо пораньше попасть домой.

— Передайте привет.

— Спасибо, передам.

Зашуршав шинами по талому снегу, подкатила и замерла возле них обкомовская белая «Волга». Они стояли, будто не замечая ее. Стояли и молчали. У обоих было на душе как-то беспокойно, оба испытывали желание поговорить друг с другом. Только не знали вот, с чего начать, вернее, как начать.

— Теперь догадываетесь, почему он не стал первым? — спросил Искандер Гаипович, в упор взглянув на Усманова. И, заметив, что тот размышляет над ответом, добавил: — Уже более года вместе работаете — срок достаточный, чтобы изучить друг друга... Впрочем, не Бурханов меня сейчас беспокоит. Он на виду. А скорее те люди, которые его поддерживают. Я знаю, кто они. И вы тоже знаете некоторых. Мой вам совет: будут пытаться чинить помехи — пока не обращайтесь внимания. Есть хорошая поговорка у нашего народа: «Собака лает, а караван идет». Но будьте поосмотрительнее. Обдумывайте каждый свой шаг. Будете слишком круты — многих оттолкнете от себя, лишитесь их поддержки, чистосердечия; а проявите слабыхарактерность, излишнюю уступчивость — сядут на голову.

— Знаю, — вздохнул Усманов. — Одному поражаюсь: неужели за это время он так ничего и не понял?.. А мне казалось, он в последнее время как-то изменился.

— Увы, я этого не заметил. Или... убрать его от вас?

Усманов опустил голову, не выдержав пронизывающего взгляда секретаря обкома.

— Попробую еще поработать.

— Вот это по-нашенски. — Искандер Гаипович протянул ему руку. — Я и не ожидал от вас иного ответа. Он все-таки немало сделал для района. Имеет опыт, хороший организатор. Вот и постарайтесь использовать эти его качества. Ну, еще раз поздравляю с итогами года.

— Рахмат. Благодарю.

Усманов подождал, пока машина, объехав обширную круглую клумбу с прошлогодними цветами, примятыми талым снегом, выехала на асфальтированную дорогу

и, помигивая красным огоньком поворотника, не скрылась за углом. Затем вернулся в здание райкома и поднялся в свой кабинет. Надел пальто, ондатровую шапку и, заперев кабинет на ключ, спустился вниз. Из зала заседаний доносилась музыка — видимо, уже начался концерт.

Выйдя на улицу, Усманов поднял воротник пальто. Машина стояла у подъезда. Увидев его, водитель открыл заднюю дверцу, в салоне загорелся свет. Но Усманов захлопнул дверцу и проследовал мимо:

— Поезжайте, Рустамджан. Я пройду пешком.

Районный город был невелик. Спустя минуту он вышел на центральную улицу и не спеша направился домой. Под ногами чавкала грязная снежная каша, с крыш, позванивая, падали капли. Ветер, прилетающий из степи, уже приносил запахи оттаявшей земли. Хотя и шел медленно, но чересчур быстро оказался у своей калитки. Но в дом заходить не хотелось. Он и машину-то отпустил потому, что не спешил домой. С тех пор как не стало Хафизы, он себя нигде не чувствовал таким одиноким, как дома. Впрочем, его всегда дожидается мать. Хорошо, хоть она у него есть. Как бы поздно он ни пришел, она ждет, чтобы подать горячий ужин. Но в последнее время она все чаще хворает. Нет-нет и затевает разговор: дескать, не годится молодому мужчине одному век вековать. А сегодня, особенно сейчас, ему не хотелось слышать этих слов, на которые ему удавалось отвечать шуткой, когда на душе было спокойно. Ведь наверняка мать опять начнет свои уговоры с мольбой в голосе, станет жаловаться, что ей трудно вести хозяйство без невестушки. И Усманов медленно зашагал дальше по безлюдной улице, успевшей стать ему близкой и родной. Ноги сами вывели за окраину. Вскоре редкие огоньки городка остались далеко за спиной. По краям дороги тихо колыхались еще голые прутья шелковиц. Навстречу, разбрызгивая грязь, проехал грузовик, ослепив его фарами.

Усманов сошел с дороги и, перебравшись через кювет, стал осторожно, стараясь не поскользнуться, взбираться на пологий холм. Упругий ветер трепал полы пальто. Там-сям, полузанесенные снегом, чернели угловатые силуэты каменных надгробий.

В этих местах, близких к горам, всегда ветрено. Приняв решение переехать сюда, Усманов беспокоился, что Хафизе не понравится постоянно дующий здесь ветер. А он даже очень пришелся ей по душе. «Какой тут ласковый

ветерок! — сказала она. — Хорошо, если он и в летнюю жару не перестает...»

Тогда была весна, и влетающий в окно ветер доносил запах цветов. Им не спалось. Вечером Дамир успел показать жене главные улицы райцентра, парк, вернулись усталые, желая одного — скорее добраться до постели, и все равно сон не шел к ним. Лежа в темной комнате, они болтали до полуночи. Потом, как бывало в первые ночи после свадьбы, не лениясь оделись и вышли опять прогуляться. Тихо открыли дверь, чтоб не услышала мать, которая все время журила невестку, что она мало отдыхает, не бережет себя, нося под сердцем ребенка... Но чистый ночной воздух, пропитанный запахами цветов, разве не полезен и для нее и для ребенка?.. Улицы были пустынные, и они могли бродить по ним, обняв друг дружку за плечи и никого не стесняясь; несколько раз обошли центр; строили планы на будущее, как в юности, и, как бездомные студенты, целовались, прячась в тени и прислонясь к шершавым стволам деревьев.

Сейчас этот неугомонный ласковый ветер напомнил ему о тех сладостных минутах. Какая-то необоримая сила привела его сюда, в обитель почивших людей. Сила эта — тоска по утраченной любви, боль разлуки — она будет приводить его сюда и каждую зиму, и каждую весну. Зимой — для того, чтобы он вспомнил запахи весны, наполнявшие сердце лишь кратковременной радостью, а весной — чтобы он излил тут свою печаль, весь год терзающую сердце, и нашел утешение...

Усманов стоял у белой мраморной плиты, установленной в изголовье могилы, и думал о Хафизе. И мнилось ему, что Хафиза рядом. Ветер треплет ее белое платье и длинные черные волосы. В шелесте ветра он улавливал шепот: «Она жива... Она жива!..»

Долго стоял он так, положив на камень ладонь и припав к ней лбом. Наконец не выдержал — из груди вырвался вскрик... «Хафиза! Зачем же ты так, а, Хафиза?!»

Шумел ветер, кружил среди могильных плит, шуршал сухими стеблями умерших цветов: Хафиза... Хафиза...

II

Год назад в один из мартовских дней Дамир Усманов сидел в своем кабинете. В окно в упор били прямые лучи уже по-весеннему горячего солнца. Рабочий день только

начался, и, как всегда по утрам, он просматривал газеты. Внезапно на столе зазвонил внутренний телефон.

— Усманов,— сказал он, взяв трубку и продолжая скользить взглядом по строчкам.

— Как вы там, братец, живы-здоровы? — прозвучал в трубке густой баритон.

— Спасибо,— буркнул Усманов, гадая, чей же это голос. А узнав, вскочил: — Вы, Искандер-ака? Салом алейкум! Как сами чувствуете себя? Я слушаю вас!

— Вы очень заняты?

— Пока не очень.

— Поднимитесь ко мне...

— Сию минуту.

Усманов положил трубку, а сердце все колотилось, не могло успокоиться. «Что это со мной?» — удивился Усманов. Первый секретарь не впервые разговаривал с ним по телефону. С тех пор как Усманова пригласили работать инструктором в областной комитет партии, в течение этих двух лет Искандер Гаипович несколько раз на день звонил ему и задавал самые неожиданные вопросы. Поначалу Усманов, пока не привык, очень волновался, а позже завел блокноты: отдельный по каждому вопросу, которые входили в его компетенцию и которыми он обязан был заниматься, чтобы неожиданные вызовы к Гаипову не заставляли его врасплох. Такие блокноты он увидел у заведующего сельскохозяйственным отделом Муслима Иноятова, самого старого сотрудника обкома. Как-то зашел к нему, чтобы выяснить, соответствуют ли истине сводки о ходе уборки хлопка, публикуемые районными газетами. Прежде чем ответить на вопросы инструктора, Муслим-ака не спеша достал из ящика небольшой блокнот и начал медленно перелистывать.

— Сведения всех районов совершенно правильны. И печатаются вовремя,— сказал он, задержав взгляд на одной из страничек,— можете даже не проверять. Вот только о Бадамсае... За последнюю декаду сводка дважды была опубликована с опозданием. Одиннадцатого ноября и шестнадцатого. Да-а, а газета «Алга»¹ хромает на обе ноги. Редактора всегда хвалили, не знаю, что теперь у них там происходит...

Усманова удивило, что заведующий сельскохозяйственным отделом так хорошо осведомлен о деятельности районных газет. Эти же сведения он, естественно, мог по-

¹ «А л г а» — «Вперед».

лучить и в своем отделе пропаганды и агитации. Но заведующий отсутствовал, а спрашивать у своего коллеги Далимова ему не хотелось.

— Простите, в эти блокноты вы каждый день все записываете?

— Конечно. Пожалуйста, можете ознакомиться. Тут нет никакого секрета. — Муслим-ака осторожно вынул из ящика небольшие разноцветные блокноты и протянул Усманову: — Партийный работник что солдат на посту. Всегда — и днем и ночью — должен быть готовым выполнить любое поручение, а значит, должен быть в курсе всех дел. Я так считаю.

Ознакомившись с блокнотами, новичок Усманов сразу понял, что ему перво-наперво надо сделать. Он вернулся в кабинет довольный и благодарный Муслиму-ака. В тот же день на его столе появились такие блокноты.

— Я в восторге от ваших успехов! — сказал сидевший напротив Тешабай Далимов и, кивнув на блокноты, насмешливо ухмыльнулся. Далимов тоже работал инструктором и, как и Усманов, занимался делами областных газет и радио. Этот человек неопределенного возраста с первых же дней не понравился Усманову. Как и всякому новичку, ему то и дело приходилось обращаться к Далимову с самыми различными вопросами. А у того, прежде чем произнесет слово в ответ, на лице возникала саркастическая усмешка. Вскоре каждое движение его, каждое слово стали казаться Усманову нарочитыми. В этот раз в словах Далимова тоже нетрудно было уловить иронию. — Судить по вас, вы очень долго собираетесь работать в нашем аппарате. — Далимов, все еще продолжая скалить зубы, облокотился о стол. — Но только вы тут... долго не продержитесь. Вот помяните мои слова!..

— Почему же? — опешил Усманов.

— Потому что... — Далимов оглянулся на дверь и, убедившись, что она плотно закрыта, продолжал: — Потому что к вам очень хорошо относится первый.

Усманов почувствовал, что краснеет. Ему в тот момент трудно было сказать, справедливы ли слова Далимова. Он никогда над этим не задумывался, да и не имел оснований для таких раздумий. Когда работал в педагогическом институте, а потом учился в аспирантуре, всего два-три и видел-то Гаипова на общих собраниях института, на научных конференциях, здоровался с ним, как и со всеми. Слышал, правда, что первый секретарь обкома когда-то работал вместе с его отцом, и только. Может, мнение Да-

лимова сложилось в результате того, что работу в аппарате обкома партии Усманову предложил сам Искандер Гаипович?.. «Пусть и ученые отдадут дань нашему общему делу», — пошутил он тогда. Вот и весь разговор. На каком же основании Далимов намекает на какое-то покровительство? Размышляя над этим, Усманов спросил:

— Откуда вы взяли?

— Ну посудите сами, я уже четвертый год работаю в аппарате, а он мне еще ни разу не позвонил. А с вами он всякий раз говорит по телефону по поводу и без повода!

Усманов рассмеялся. Слова Далимова и заделали его, и рассмешили. Он решил его утешить:

— Значит, вы работаете как следует, и у вас все в порядке.

— Вы думаете? — с деланным равнодушием спросил Далимов, приподняв брови.

Усманов кивнул. Он думал, что разговор на этом и закончился. Но не тут-то было. Далимов глубоко задумался, глядя в окно, а потом вдруг брякнул:

— Все равно отношение-первого к вам совсем иное. Вы же... из пострадавших. Ваш отец...

— Товарищ Далимов, — в сердцах перебил его Усманов, — мое прошлое, в особенности мой отец, к вам не имеют никакого отношения. Я вам советую выбросить из головы такие мысли. А что касается отношений, хорошие ли они или плохие, — все это зависит от работы человека и его добросовестности...

— Конечно, конечно! — согласился Далимов и быстро закивал. Чувствуя, что сказал лишнее, он слегка побледнел, глаза забегали. — Я такого же мнения. Только, похоже, что я не совсем правильно сумел выразить свою мысль!.. Простите меня!..

Усманов покинул кабинет.

После этого случая они говорили только о работе. Усманова это вполне устраивало — он был немногословен от рождения. Пообвыкнув, он перестал краснеть и теряться, когда ему звонил кто-нибудь из секретарей. А сейчас невольно бросил взгляд на стол своего коллеги. Далимов еще отсутствовал.

По какому же поводу вызывает первый? Интересно. Усманов на всякий случай перебрал в памяти все дела, которыми занимался последнюю неделю. Ни план работы, ни его выполнение не вызывали тревог. Правда, не успел ответить на два письма. Первое письмо от пенсионера: старый человек обращает внимание обкома на неточность

приводимых в газете «Алга» фактов. Второе — жалоба местного поэта, стихи которого уже давно лежат в редакции и до сих пор не рассмотрены. Срок ответа на эти письма еще не истек. Что же еще может быть?

С этими тревожными мыслями и вышел Усманов из кабинета, захватив с собой блокнот в кожаном переплете, подаренный ему женой в день рождения.

В приемной Искандера Гаиповича сидела только секретарша Валентина Ивановна и вкладывала в машинку бумагу, собираясь печатать. Она ласково улыбнулась:

— Здравствуйте, Дамир Усманович. Входите, он ждет вас.

Искандер Гаипович сидел не за своим широким письменным столом, на котором в определенном порядке лежали разные бумаги и книги, а за длинным полированным столом, обставленным стульями, за которым обычно занимали места во время заседаний члены бюро. Он читал какую-то бумагу. Усманов по виду плотного белого листа догадался, что он читает постановление Центрального Комитета. Сюда же были перенесены с письменного стола некоторые из телефонов. Всякий раз, когда Усманов входил в этот прохладный тихий кабинет, бесшумно ступая по ковровой дорожке, ему казалось, что однотонное постукивание старинных настенных часов усиливалось, становилось громче.

— Салом,— сказал Усманов, осторожно закрыв за собой массивную дверь.

Искандер Гаипович оторвал взгляд от постановления.

— Пожалуйста, прошу вас.

Пока Усманов пересекал кабинет, он поднялся с места и протянул руку:

— Как жизнь, братец?

Преодолевая волнение, Усманов улыбнулся. Столь непосредственное обращение первого секретаря обкома несколько обескуражило и одновременно переполнило его признательностью.

— Все хорошо, спасибо.

Искандер Гаипович, опускаясь на место, указал на стул рядом с собой. Усманов сел.

— Какими делами заняты сегодня?

— Никакими,— простодушно сказал Усманов и тут же, устыдясь собственных слов, поправился: — Собирался подготовить ответы на некоторые письма...

Заметив его смущение, Искандер Гаипович улыбнулся, его глаза потеплели.

— А не съездить ли нам с вами в Бадамсай?

— Я готов, — сказал Усманов, беря себя в руки.

— Превосходно. Через пять минут я спущусь вниз, ждите меня там.

Когда Усманов возвратился в кабинет, Далимов сидел на месте. Едва успев ответить на приветствие, спросил:

— Вызывал? Все, надеюсь, в порядке?

— В порядке, — ответил Усманов. — Едем в Бадамсай.

Смуглое лицо Далимова, на котором уже начала было сквозить ирония, застыло.

— Пока, — кивнул ему Усманов и, схватив с вешалки плащ, выскочил из кабинета.

III

Уже выйдя из здания обкома, Усманов вспомнил, что не предупредил заведующего отделом. Надырхан Салиев не любил, когда сотрудники отсутствуют, а он не знает, где они. Но вернуться и тем самым заставить Искандера Гаиповича ждать показалось Усманову еще более неудобным. Далимов, конечно, скажет заведующему, но лучше бы доложить самому. Надырхан Салиев всегда и во всем исключительно пунктуален и даже педантичен. Он строго требует, чтобы и подчиненные делали свое дело точно и своевременно. Ни себе не дает спуска, ни другим. «Мы пропагандисты и должны идти в авангарде, — говорит он. — Мы подобны компасу. Люди равняются по нас, сверяют свои поступки и дела. А если мы не можем подняться до такого уровня, чтобы служить примером, то нет в нас никакой необходимости». Справки, постановления, проекты — словом, все документы, подготовленные им, служили в обкоме образцом. Они отличались безукоризненной логикой, простотой изложения, ясностью и точностью формулировок и вызывали восхищение даже у бывалых журналистов. Поэтому Надырхан Салиев, проработавший в обкоме партии почти столько же, сколько и Муслим Иноятов, требовал и от своих сотрудников, чтобы подготовленные ими документы отличались безукоризненной точностью. Даже ответы на письма он всегда проверял, вносил при необходимости ясность и определенную простоту. Закончив правку такого письма, он, удовлетворенный, поднимал голову и, возвращая сотруднику, вразумлял:

— Отвечая на письма, надо быть особенно внимательным и чутким. Ведь письмо — это исповедь человека.

А душу человека очень легко поранить и одним неосторожным словом...

Усманов был рад, что ему посчастливилось работать под руководством такого человека. «Если бы во всех учреждениях наладить такой же порядок, какой навели у себя в отделах Надырхан-ака и Муслим-ака, то мы, несомненно, опередили бы уровень нашего сегодняшнего социального развития лет этак на двадцать — тридцать», — думал иногда Усманов. Правда, если Муслим-ака полагался в работе на различные блокноты да записи, то Надырхан-ака преимущественно доверял своей памяти. Иногда он, споря с кем-нибудь или когда возникала необходимость, приводил наизусть целые цитаты и отдельные пункты давнишних постановлений, поражая всех своей исключительной памятью. Однако, в представлении Усманова, и у такого доброго, высококультурного человека, обладавшего широчайшим кругозором, имелись свои недостатки. Недаром говорят: и на солнце имеются пятна. Надырхан-ака все старался делать сам, в лучшем случае в содружестве с кем-либо из работников. А это ограничивало инициативу коллектива. Он не допускал и того, чтобы люди какие-то вопросы решали с вышестоящими руководителями, минуя его. Что ж, может, он и прав. Должен же быть какой-то порядок и дисциплина. Ведь если не придерживаться общепринятых правил, то человек вольно или невольно может нанести ущерб и собственному авторитету, и авторитету своего руководителя. Поэтому Усманов всякий раз, когда получал задания от вышестоящего руководителя, считал долгом докладывать в первую очередь заведующему. Надырхан-ака внимательно выслушивал и говорил добросердечно:

— Очень хорошо. Понадобится моя помощь, не стесняйтесь, заходите.

И конечно же очень редко дело обходилось без помощи Надырхана Салиевича. У него всегда можно было узнать, к каким людям обратиться по тому или иному вопросу или какими пользоваться источниками.

А сегодня Усманов не успел предупредить заведующего. Вспомнив, что можно ведь позвонить по внутреннему телефону, он вернулся в фойе, но Искандер Гаипович уже спускался по лестнице. А за ним семенил, еле поспевая, сам Надырхан Салиевич. Усманов поздоровался с ним и уже открыл было рот, чтобы сказать о неожиданной поездке, но Салиев опередил его:

— Знаю. Желаю успеха.

Усманову показалось, что в свои последние слова заведующий вложил и несколько иной смысл, нежели только пожелание доброго пути. И то, что Искандер Гаипович обернулся к Салиеву и засмеялся, показалось ему не случайным. Во всяком случае, по глазам Надырхана Салиевича Усманов понял, что заведующему известно нечто такое, что ему самому еще неизвестно.

Через несколько минут они уже мчались в мягко пружинящей «Волге» по гладкой и широкой дороге.

Есть неповторимая прелесть в бескрайних, только что распаханых полях, освободившихся от бремени снега и наледи и теперь вдыхающих, впитывающих тепло весенних ветров. Жирная черная земля ждет семян. На обочинах среди желтой прошлогодней травы уже проклянулись зелень. Деревья еще голы, но на ветках уже бугрятся набухшие почки, греясь на солнце, и вот-вот брызнут клейкими ярко-зелеными листочками. Вода в канавах и арыках прозрачна, как хрусталь. Всю зиму никто не нарушал ее спокойствия, не преграждал ей пути запрудами. Гул тракторов, доносящийся с бескрайних просторов, где поднимали зябь, запах вспаханной земли, перемешанный с ароматом мяты и базилика, стаи птиц в голубом небе с редкими пухинками облаков и их тревожные голоса перед гнездованием властно напоминали, что прожит еще один год жизни.

Влюбленный в картины весны, плывущие мимо, попеременно сменяющие одна другую, Усманов не отрывал от них взгляда и не заметил, как покрыли половину пути. Искандер Гаипович тоже смотрел в боковое стекло и был занят своими мыслями. Усманов несколько раз порывался спросить, по какому делу они все-таки едут — не на прогулку же! — но задумчивый вид секретаря заставлял его отказаться от этого намерения. Знал, что по приезде на место все выяснится. Однако же спокойствие не приходило, и он ломал голову, зачем Искандеру Гаиповичу понадобилось захватить его с собой.

У поворота на Бадамсай Искандер Гаипович обернулся к нему и заговорил сам:

— Вы хорошо знаете этот район?

— Не очень... Так, относительно... — уклончиво ответил Усманов.

— Район большой, хозяйство многоотраслевое... — Искандер Гаипович сделал паузу и, устремив вдаль задумчивый взгляд чуть прищуренных глаз, добавил: — Только какая-то неслаженность стала в нем наблюдаться

за последние годы. Урожайность хлопчатника едва достигает сорока центнеров с гектара. Соседи обогнали бадамсайцев и в хлопководстве и в животноводстве.

Нахмутив густые черные брови, резко контрастирующие с поредевшими седыми волосами, он долго молчал, пристально вглядываясь в дорогу. Затем, облокотясь о спинку сиденья, обернулся к Усманову и задал вопрос, которого тот вовсе не ожидал:

— Отца помните?.. Сколько вам было лет?

Усманов хорошо помнил, в каком возрасте лишился отца.

— Я был маленьким. Пять лет было, — ответил он, пытаясь представить себе облик отца. — Помню, но смутно...

Он говорил правду. Своего отца он знал не очень хорошо. Преимущественно понаслышке. От матери, от родственников, от друзей отца, многие из которых здравствуют и по сей день. Все они об отце говорили только хорошее. Что же собирается о нем сказать Искандер Гаипович?

Чувствуя, как все внутри напряглось, Усманов в волнении посмотрел на первого секретаря обкома.

— Да, маленьким... — повторил Искандер Гаипович. — А я хорошо помню вашего отца. Удивительный был человек. Настоящим коммунистом был. После окончания института я год работал под его руководством в колхозе. Потом он направил меня в партийную школу... После этого мы больше не виделись... В то время в Бадамсае было всего три колхоза. И самым крупным среди них — «Красный Октябрь», где председательствовал ваш отец, Усман-ака. Хороший был колхоз. В то время имя Усмана-ака не сходило со страниц газет...

Искандер Гаипович опять умолк, устремив хмурый взгляд в сторону пашни, по которой деловито расхаживали черные грачи. Усманов тоже молчал. Ему не хотелось нарушать течение мыслей секретаря. Да и самому не хотелось ни о чем говорить. То, что он услышал сейчас об отце, и так наполнило его сердце волнующей грустью.

Последний раз он видел отца в одну из промозглых осенних ночей, когда не переставая шли нудные дожди. Сквозь сон и шум ветра, слепо бьющегося в мокрые окна, он услышал в доме чьи-то голоса. Чужие голоса. Что-то загремело в прихожей. Но он не придал этому значения: отец и приходил домой и уходил в разное время. Когда нужно, тогда и шел на работу. В доме к этому привыкли. Ночь ли, день ли — дом бывал полон людей. Но внезапно

какое-то недоброе предчувствие заставило Дамира проснуться. Он открыл глаза, протирая их маленькими кулачками, и увидел перед собой отца. На нем было его каждодневное потертое пальто, черные волосы зачесаны назад. В руках он мял свою шапку.

— Я разбудил тебя, сынок? — спросил он, ласково улыбнувшись.

Дамир не успел ничего ответить. Отец порывисто поднял его с постели и прижал к груди. Будто делая тайной, прошептал:

— Не обижай маму... Будь хорошим, ладно?.. А я скоро вернусь.

Однако отец не вернулся, а у мальчика отпечатались в памяти та ночь, самая черная, самая ветреная и дождливая.

Спустя некоторое время мать и сын переехали в город. В их доме, стоявшем рядом с правлением колхоза, поселился районный прокурор. А потом и он переехал в город. Дом снесли и на том месте посеяли ячмень.

Накануне войны Усман-ака был реабилитирован. Но он так и не возвратился. Заключение его в тюрьму и исчезновение были результатом чьей-то страшной клеветы, теперь-то это понятно. Кто был этот враг? Почему отец им оговорен? Этого Усманов не мог установить, как ни старался и какую бы помощь в этом ему ни оказывали.

Недаром говорят, лучший врачеватель — время. Оно сделало свое дело. С годами рана на сердце затянулась. И мать и сын свыклись с мыслью о тяжелой утрате.

Вдали показались белые домики с шиферными крышами.

— В райком? — спросил шофер, хранивший до сих пор молчание.

— К Носиру-ака, — бросил Искандер Гаипович и посмотрел на Усманова. — Знаете его?

— Слышал.

— Славный человек. И руководитель хороший. Но вот, бедняга, хворает. Проведаем, а? Как вы?

Усманов кивнул.

Через несколько минут, свернув вправо и укатив от районного центра километра на два, машина въехала в кишлак и остановилась напротив больших голубых ворот.

— Что ж, идемте, — сказал Искандер Гаипович и вышел из машины.

Бывший первый секретарь Бадамсайского райкома партии Носир Пулатов во дворе подрезал виноградные лозы. Увидев гостей, бросил работу.

— Саида! — окликнул он жену, спеша к воротам. — Искандер Гаипович?.. Входите, входите! Салам алейкум! Ну и уважили старика!.. Ну и уважили...

Искандер Гаипович крепко обнял, похлопывая по спине такого же высокого, как и сам, но худощавого Пулатова:

— Вы же здоровы как конь! Или работать надоело?.. Пулатов рассмеялся.

— Познакомьтесь, — сказал Искандер Гаипович, выпустив наконец его из объятий и показав на Усманова. — Усманов, инструктор обкома.

— Здравствуйте, укаджан!¹ — Пулатов тепло поздоровался с Усмановым и, не выпуская его руки, повел их в дом. — Идемте, идемте!

Навстречу вышла полноватая женщина средних лет.

— Саида, смотри, кто к нам пожаловал! — сказал ей радостно Пулатов.

Нетрудно было догадаться, что секретарь обкома близок к этой семье и что их, как видно, связывает давняя дружба. Искандер Гаипович держал себя свободно, как в собственном доме, то и дело шутил, заставлял звонко хохотать и хозяина и хозяйку.

Когда они вошли в дом, Саида-апа поставила перед ними на стол большой чайник со свежесваренным чаем и, сказав: «Я сейчас», — вышла из комнаты. Как только она удалилась, Искандер Гаипович посерьезнел и спросил:

— Ну, как здоровье?

Пулатов потупил взгляд, вздохнул и грустно ответил:

— Неважно.

Некоторое время царила тишина. Никто не решался первым нарушить молчание. Наконец Искандер Гаипович поднял голову и, взглянув в упор на старого друга, промолвил:

— Я надеялся, что вы вернетесь...

— Нет, — твердо сказал Пулатов. — Я ушел вовремя. На нашем месте человек не может отдаваться работе лишь наполовину. Могу подвести. Как раз этого и не хочу...

— Ладно, вам виднее. Но ваша помощь нам всегда будет нужна. — Искандер Гаипович слегка пожал у локтя бледную и тонкую руку Пулатова, еле державшего пиалу.

¹ Укаджан — братец, братишка.

— Благодарю вас.

— Вы не узнали этого парня, а?

— Нет.— Пулатов внимательно посмотрел на Усманова.— Нет, не узнаю.— Несмотря на улыбку, в самой глубине его поблекших глаз пряталась грусть.

— Вы помните первого председателя колхоза «Красный Октябрь»? Знаменитого Усмана-ака?

— А как же!..— оживился Пулатов, снова взглядываясь в своего гостя.— Да-да, понимаю, понимаю...

— Этот парень его сын.

— Замечательно! — Пулатов поднялся с места и, подойдя к смущенному Усманову, вторично пожал его руку, энергичнее и горячее: — Пусть высокои будет ваш полет, уақджан...

Гости не могли не внять просьбам Саиды-апа и остались обедать.

Наломав кусочки тандырной лепешки в шурпу и утапливая их ложкой в жирном бульоне, Искандер Гаипович стал с огорчением говорить о сегодняшнем дне района. По его мнению, район живет прежними заслугами. А взглядеться... На многих наиважнейших участках хозяйства положение безотрадное. Слишком большая разница между передовыми хозяйствами и отстающими. Условия одни и те же, а разница огромная. Средние же хозяйства почти не развиваются, топчутся на месте. Конечно, все эти недостатки пока не лезут в глаза. А что будет года через два-три?.. Совершенно очевидно, если район оставить без внимания, пустить все на самотек, не расшевелить руководителей некоторых хозяйств, то вскоре он окажется в хвосте по всем показателям. Искандер Гаипович, загибая на руке пальцы, перечислил ошибочные решения райкома и в сердцах помянул недобрым словом тех, кто их принимал. Его огорчало, что райком партии ни разу не принял никаких мер по отношению к председателям, которые допускали отставание в весенне-полевых работах, а во время уборки не укладывались в сроки и привлекали к сбору урожая школьников. Исполняющий же обязанности первого секретаря райкома Казим Бурханов носится, как курица с яйцом, лишь с именитыми руководителями передовых хозяйств, видит опору района только в них, на всех совещаниях поет им дифирамбы, живет по их подсказке, а о хозяйствах, что плетутся кое-как, словно бы забыл...

Пулатов, молча ожидавший, когда первый секретарь обкома выскажет свои замечания, с ним полностью согласился. И в свою очередь заметил, что беда отстающих хо-

зьяйств в том, что в них почти не придается значения смешанным посевам, освоению новых земель. А работы по строительству современных кишлаков в районе сокращаются с каждым днем, вот-вот приостановятся совсем...

Они подъехали к райкому уже во второй половине дня. Шофер остановил машину в тени старых чинар, возвышавшихся возле райкомовского здания. Искандер Гаипович с завидной легкостью поднялся на второй этаж и вошел в приемную. Молоденькая секретарша, узнав его, растерялась и открыла перед ним дверь кабинета первого секретаря.

— Казим Бурханович отсутствует, — сказала она смущенно. — Он сейчас должен быть в колхозе «Победа». Посидите, я его разыщу.

— Не стоит, — сказал Искандер Гаипович. — А Алиев? Где Алиев?

— Тоже только что поехал в «Победу». Там сегодня отчетно-перевыборное собрание.

— Так. — Искандер Гаипович, не снимая плаща, фуражки, несколько секунд сидел в задумчивости, барабанил пальцами по краю полированного стола. — Скажите Казиму Бурхановичу, что мы заехали попутно. Сейчас поедem в колхоз «Правда». Оттуда в «Шарк юлдузи»¹. Пусть не разыскивает.

— Хорошо, — охотно согласилась девушка.

Возвращались в город уже в сумерках. Они побывали не в двух, а в пяти колхозах. Знакомились с ходом подъема зяби. Искандер Гаипович брал комки земли, растирал в ладони, спрашивал у бригадира, сколько внесено удобрений. Узнавая секретаря издали, трактористы останавливали трактор у края поля и подходили здороваться, предлагали сигареты из мятых, потемневших от машинного масла пачек и закуривали сами. Искандер Гаипович расспрашивал трактористов о делах, о нуждах. Все, как один, говорили о нехватке запасных частей, о том, что иногда из-за пустячной поломки техника простаивает по несколько дней...

Побывали на нескольких фермах. Усманов про себя отметил, что и в коровниках чисто, и коровы в меру упитанны. Кое-где подача корма даже механизирована. Но Искандер Гаипович был молчалив, и весь вид его говорил,

¹ «Шарк юлдузи» — «Звезда Востока».

что он чем-то не удовлетворен. Может, его расстроили жалобы колхозников? В каждом колхозе кто-нибудь подходил к нему, улучив момент, и высказывал свои жалобы, претензии к кому-либо из начальства.

Причину недовольства Искандера Гаиповича Усманов узнал, когда они уже подъехали к городу.

Гаипов молчал, будто наблюдая, как умирает день. А думал, оказывается, о другом. Неожиданно он с досадой проговорил:

— Все идет по инерции! Не хватает новизны, инициативы!.. Как два-три года назад все было, так и осталось. В мастерских беспорядок!.. В кишлаках рядом с домами мусор, свалки. А ведь живут там люди как люди, обыкновенные, не то чтобы особые неряхи. Но есть, разрази их гром, нерадивые руководители. Кое-кто из них еще пытается и жить и работать по-старому. А людям это не нравится. И правильно, что не нравится! Слыхали, как крыла заведующего фермой доярка в «Шарк юлдузи»? И справедливо крыла... Да, изменились люди, себя хозяевами чувствуют. Прямо душа за них радуется. Когда колхозы еще только создавались, почти все были неграмотны, многого не понимали. Поэтому наряду с разъяснением, убеждением применялись и административные меры. И в тех условиях это не вредило делу. А сейчас же совсем другое время! Люди стали образованными. Вон на какой уровень поднялась техника! Теперь окриком, руганью многого не добьешься, я так думаю. Каждый и сам знает, что выполнение плана — его долг, закон. А вот как его выполнить? Как раз этому и надо учить людей, а не только требовать. Требовать-то легко. А попробуй-ка на практике осуществить...

Искандер Гаипович, не обращая внимания на протесты Усманова, подвез его к самому дому.

Хафиза, хотя и привыкла к тому, что муж, с тех пор как начал работать в обкоме, иногда возвращается поздно, уже начала беспокоиться. Бросилась, услышав звонок, в прихожую, открыла дверь. И сразу по глазам мужа заметила, что он чем-то радостно взволнован. Облегченно вздохнула: «Ну слава богу...»

Он перешагнул порог и, закрыв дверь, обнял жену.

— Беспокоилась?

— Нисколечко, — улыbnулась Хафиза, кокетливо качая головой.

— В Бадамсае был, — начал рассказывать Усманов, снимая плащ, и пошел в ванную помыть руки. — Знаешь,

с кем? С Искандером Гаиповичем! Я раньше слышал о нем столько хорошего, а теперь сам убедился... Знаешь, золотой, оказывается, человек! А какая эрудиция!.. Разбирается и в агротехнике, и просто в технике! Область знает как свои пять пальцев. И ее сегодняшний день у него как на ладони, и завтрашний...

— Вы же говорили, он агроном...

— Агроном, — усмехнулся Усманов, — академик! Настоящий академик в агрономии!

— Проголодались, поди, — сказала Хафиза и направилась в кухню.

Муж появился в домашней фланелевой куртке, перепоясанной витым шнурком, в тапочках.

— Не нужна мне еда. Мне нужна ты! — сказал он, пытаясь обнять жену.

Хафиза со смехом отстранилась. Она была беременна, и это уже бросалось в глаза.

— Думаешь, его побеспокоим? — Он кивнул на ее живот.

— Конечно, ему уже пять месяцев, и он все понимает.

Усманов, ребячась, присел на корточки и приложил ухо к ее животу:

— Что-то он мне ничего не хочет сказать.

Хафиза рассмеялась.

— Ну не балуйся, встань. Мама же может войти.

— А где она? Ее же нет дома...

— Пошла проведать твою тетушку.

Усманов включил приемник и растянулся на диване, развернув газету.

— Ты в самом деле не хочешь есть? — спросила Хафиза из кухни.

— Выпью чаю.

По радио передавали вечерний концерт. Однако Усманов не слышал ни музыки, ни песни, исполняемой популярным певцом. И смысла газетных строк никак не мог ухватить — приходилось перечитывать по несколько раз одно и то же... Он все еще находился под впечатлением сегодняшней поездки.

Если для Искандера Гаиповича подобные рейсы по области были обычным делом, то Усманову эта поездка позволила увидеть многие вещи с новой, неожиданной стороны. Он увидел воочию, насколько трудна работа партийного руководителя, как она хлопотна и в то же время благородна.

В течение двух с половиной лет Усманов задавал себе вопрос, правильно ли поступил, оставив работу в институте и перейдя в обком, и не находил однозначного ответа. То ему казалось, что в науке он мог бы принести гораздо большую пользу, то приходил к мысли, что жизнь все настойчивее требует вторжения в сегодняшний день, а не копания в прошлом.

Дамир Усманов еще в школе полюбил историю, особенно историю древнего мира и средних веков. Жизнь Спарты и Карфагена, трагическая судьба цветущей Византии, кровопролитные сражения между христианами и мусульманами за Иерусалим, фараоны и их величественные, полные тайн гробницы, борьба Согдианы с полчищами Александра Македонского всецело занимали его детское воображение; он еще в школе, оставляя значительно меньше времени для занятий другими предметами, читал толстые исторические романы, начал мечтать, что посвятит всю свою жизнь изучению далекого прошлого. Давно минувшие времена с их опасностями и звонким блеском стали, соперничеством и борьбой не на жизнь, а на смерть между поборниками науки, изящных искусств и мракобесами, с возрождением из пепла одних держав и обращением в прах других представлялись ему окрашенными налетом романтики, и он порой даже жалел, что родился не много веков назад.

Закончив школу, Усманов поступил на исторический факультет педагогического института. В студенческие годы интерес его к древней истории еще больше возрос. Чем больше он узнавал о прошлом, тем больше оно влекло его к себе как далекая экзотическая страна, где он еще не был, но очень хотел побывать. Он написал несколько научных работ, посвященных жизни народов Средней Азии до нашей эры. А после окончания третьего курса ему выпало счастье, какое выпадает нечасто: во время каникул он в качестве рабочего участвовал в раскопках холма Дальверзин-тепа в Сурхандарьинской области, которые велись под руководством выдающегося историка и археолога Пугаченковой. Они нашли много предметов, проливающих свет на культуру Древней Согдианы. А спустя несколько лет его кандидатская диссертация тоже была посвящена истории Древней Согдианы. Он все время готовил себя к преподавательской деятельности, но его неожиданно пригласили работать в обком. Резкая перемена в жизни пугала его, и он дважды отказывался. Но в третий раз, когда ему позвонил сам Искандер Гаипович, он не смог не

дать своего согласия. И до сих пор ни разу не пожалел о принятом решении. Хотя временами и находила на него тоска, и он терзался, что остались неосуществленными мечты о занятиях историей, работа в аппарате обкома казалась ему интересной. Каждый день новые задачи, встречи с разными людьми... И это ведь тоже история, только история сегодняшнего дня, история, которая еще только пишется, история, в которой еще трудно отделить главное от второстепенного, что обычно, спустя века, делает само время. Поэтому он всем сердцем, со всей энергией отдался новой работе. А работа здесь такая — сколько ни делай, всего не переделаешь, делам и конца не видно. Домой нередко возвращался уже ночью, неизменно усталый, с головной болью. И в такие минуты в душе опять шевелилось сомнение: правильно ли сделал, соглашаясь работать в обкоме? Ведь мог без хлопот, мирно посиживать в тиши библиотек и в спокойной обстановке уже заканчивать диссертацию! Но об этих его переживаниях не ведали даже самые близкие — ни жена, ни мать...

А сегодня он, можно сказать, впервые убедился, насколько плодотворна и важна его новая работа. Если у него хватит сил, ума, знаний, он посвятит ей себя целиком. Есть ли еще что-нибудь почетнее, чем думать и заботиться о людях, делать их счастливыми, стараться, чтобы их сегодняшний день стал лучше предыдущего, а завтрашний лучше, чем сегодняшний!

Хафиза принесла чайник с пиалой и перебила его размышления.

— Чую,— сказала она, наливая в пиалу чаю,— предстоят перемены?

— Разумеется! — подхватил Усманов весело.— У нас скоро родится сын или дочь!

— Нет, я имею в виду другое.— Хафиза присела рядом с мужем.— Мне кажется, что-то изменится в вашей работе. Сердце меня никогда не обманывает.

— Вот еще предсказательница! — рассмеялся муж.— Работа у меня хорошая, я никуда отсюда не уйду.

Эти слова он произнес твердо, чтобы укрепить веру не столько в Хафизе, сколько в себе.

IV

А Хафиза оказалась права. На следующее утро, придя на работу, Усманов заметил, что люди с ним здороваются теплее, чем обычно. Конечно, он не придал этому значе-

ния, пока не вошел в свой кабинет и Далимов не встретил его с распростертыми объятиями:

— Поздравляем, Дамир Усманович, поздравляем! Пусть ваш полет будет еще более высоким!

— В чем дело? Какой еще полет? — спросил Усманов, недоумевающая и пытаясь вырваться из его цепких рук.

Далимов покачал у него перед глазами длинным указательным пальцем.

— Не-ет, уже не скроете! Все знаем! Все-е!..

— И что же вы знаете? — усмехнулся Усманов, усаживаясь на свое место, уверенный, что коллега придумал опять бог весть что.

И в ту же минуту зазвонил телефон. Усманов снял трубку.

— Дамир Усманович! — послышался голос Валентины Ивановны.

— Я.

— Вас просит к себе товарищ Гаипов.

Усманов взял блокнот в кожаном переплете и торопливо вышел, оставив Далимова в полном замешательстве.

— Ну зачем ему скрывать? Тавба!..¹ — пробормотал тот, разведя руками, и опустился на стул.

Искандер Гаипович сидел за длинным столом, где любил сидеть всегда, и беседовал с Надырханом Салиевым.

— А-а, входи, входи, братец, — сказал он, увидев Усманова, и, привстав, протянул руку. — Присаживайся.

Усманов кивком поздоровался с Надырханом Салиевым, сидевшим по другую сторону стола.

— Ну как вам Бадамсай?.. Понравился?.. — с улыбкой спросил Искандер Гаипович.

— Хороший район, — ответил Усманов, помедлив.

— Разве может показаться плохим район, где вы родились! — пошутил Искандер Гаипович. И тут же, посерьезнев, добавил: — Земли много. А сколько можно еще освоить! И воды предостаточно. С одной стороны горы, с другой — долины, поля. Но главное — славный, трудолюбивый народ живет в Бадамсае. Были годы, когда селевые потоки смывали огромные площади посевов, так бадамсайцы дневали и ночевали на полях, пока не пересевали все заново. А летом засуха. Опять и мужчины и женщины работают не покладая рук. Нет, не боятся бадамсайцы никаких трудностей. Вот только заботиться надо о них по-настоящему, уважать их самих и их личную

¹ Т а в б а — восклицание при удивлении, недоумении.

инициативу... В прошлом году я как-то беседовал с одним зоотехником. Молодой парень, всего год, как закончил институт. — Искандер Гаипович улыбнулся, вспомнив что-то, и обернулся к Салиеву: — Помните, Надырхан-ака, старика лепешечника? Люди, которым предстояло играть свадьбу, назначали ее в зависимости от свободного времени Назиркула-ака.

— Мы же посылали его лепешки на выставку! — засмеялся Надырхан Салиевич.

— Вот-вот! Мир его праху, в прошлом году, оказывается, умер, а я и не знал. Так это его сын зоотехник в колхозе имени Максима Горького. Никому в колхозе покоя не дает. Надо, говорит, коз разводить. В горной местности, туда, куда не могут добраться овцы, добираются, говорит, козы. И к тому же козья шерсть, оказывается, необходима авиационной промышленности. Этот парень уверяет, что через два-три года колхоз начнет получать огромные прибыли, если заведет коз. А председатель будто бы против. И даже, говорят, обругал его.

— От Хаитбая-ака можно ожидать и такое, — смеясь, заметил Салиев.

Искандер Гаипович ударил ладонями себя по коленям и тоже захохотал:

— Говорит, все надо мной смеяться станут, если я опущусь до такого!.. Однако дело не в председателе, а в этом упорном парне. Если он прав, почему бы не прислушаться к его словам? А если не прав, то следует объяснить, почему не прав. А не ругаться... Энергичных людей, таких, как этот джигит, много в Бадамсае. На таких, как мне кажется, нам и надо сегодня опираться. Только энергию их следует направить по правильному руслу. — Искандер Гаипович внимательно посмотрел на Усманова. — Мы тут посоветовались с членами бюро и решили направить вас, укаджан, на работу в этот район.

Сердце Демира Усманова гулко забилося. Он растерялся, не знал, что и ответить. А Искандер Гаипович выждал, давая ему возможность осмыслить услышанное, и неторопливо продолжал:

— Вы приобрели хороший опыт в аппарате обкома. Научились работать с людьми. Знаете партийную работу. Я не стану объяснять вам, сколь трудна, сложна, но и почетна задача, которая возлагается на плечи первого секретаря райкома. Вы и сами это знаете. Как вы относитесь к нашему предложению?

Усманов задумался. Стать партийным руководителем целого района — большая ответственность. По силам ли она ему? Задача-то почетная, но, если недостаточно подготовлен, и осрамиться недолго. Нет, вряд ли он с этим справится.

Усманов поднял голову, устремив открытый и в то же время настороженный взгляд на секретаря обкома:

— Я очень благодарен вам за высокое доверие, Искандер Гаипович. Однако боюсь, что не справлюсь. Могу подвести и вас и себя...

— Обком вам поможет, — быстро проговорил Искандер Гаипович, нахмурился брови. Его выводило из себя, когда он замечал в ком-либо колебание, когда требовалась решительность. — Можете обращаться в любой день и по любому вопросу. Да и в самом районе немало опытных товарищей, они всегда поддержат. Значит, решено?

Усманов еще несколько мгновений подумал и кивнул:

— Решено.

Искандер Гаипович встал с места.

— Завтра в Бадамсае партийная конференция. Поедем вместе.

Этими словами он как бы дал понять, что разговор окончен, и протянул Усманову руку.

Усманов, почти физически ощущая свалившуюся ему на плечи тяжесть, медленно вышел из кабинета. Куда пойти, с кем посоветоваться? Идти к себе ему сейчас не хотелось. Далимов небось заждался, чтобы пристать с расспросами, а потом, притворно радуясь, обрушить на него свои поздравления.

Уйти домой? Хафизу, пожалуй, напугаешь таким ранним возвращением. Она сначала удивится, потом забеспокоится и станет расспрашивать, все ли благополучно на работе, допытываться, почему он так рано пришел. И он не устоит: расскажет все как есть. Нет, домой ему лучше сейчас не идти. Он не должен никому говорить о сделанном ему предложении до тех пор, пока не состоится партийная конференция и заседание бюро обкома.

Держась за гладкие перила, он неспешно спускался по мраморной лестнице, когда мимо, обгоняя его, проследовал Салиев.

— Поздравляю. От всего сердца, — бросил он мимоходом.

Усманов кивнул, но не успел ответить, а лишь улыбнулся старику вслед. Вот, оказывается, почему люди се-

годня здоровались с ним как-то необычно! Откуда они могли узнать?

Он вышел на улицу. Ярко сияло солнце, отсвечивая в лужах на асфальте, но не грело, как летом. Без плаща и головного убора было холодновато. Еще только десять часов. Куда же пойти? Но он непременно должен куда-нибудь пойти и в спокойной обстановке подумать о внезапно происшедшей в его жизни перемене, разобраться в ней, что ли, осмыслить, наметить какие-то планы, да и попросту прийти в себя. Вспомнился редактор областной газеты Исмаилджан Ахмедов, бывший однокурсник. Вот с кем встретиться бы и поговорить! Но Усманов тотчас же отказался от этой мысли. Исмаилджан наверняка в редакции, если, конечно, не уехал в какой-нибудь район. Но о чем с ним теперь толковать? Какого совета он ждет, если уже дал согласие? Вдобавок ко всему с той поры как Усманов стал работать в обкоме, в их отношениях возникла какая-то непонятная официальность. Исмаилджан, человек откровенный, всегда называвший вещи своими именами, весельчак и балагур, видимо благодаря своему доброму нраву рано пополневший и приобретший кругленький живот, казался несколько старше своего возраста. Так вот этот самый Исмаилджан, однокурсник, при встречах стал разговаривать несколько сдержаннее, чем раньше. Напускал на себя серьезность и, можно подумать, вовсе разучился шутить. Однажды Усманов даже рассердился:

— Ты что со мной официализируешься? Мы же старые друзья, а ты «вы» да «вы»!.. «Дамир Усманович!» Какой я тебе Усманович?

Исмаилджан засмеялся:

— Я-то могу и по-дружески. Да не возникнут ли у тебя сложности, дружок? Ты работник обкома, к тому же занимаешься вопросами печати. Если увидят, что я с тобой на короткой ноге, кой-кто не преминет сказать: мол, Усманов друг редактора, потому и скрывает недостатки газеты. Я просто не хочу, чтобы из-за меня склоняли твое имя.

В душе Усманов был благодарен другу. Но все же решил настоять на своем:

— И все-таки держись со мной, как прежде. Я никак не могу привыкнуть к твоему «Усмановичу».

— Ничего. Это оттого, что недавно работаешь. Привыкнешь.

Однако Усманов не мог привыкнуть, Исмаилджан же гнул свое. Несмотря на это, привязанность Усманова

к нему не ослабевала, и желание встретиться с ним возникло сейчас совершенно естественно. Будь сегодня воскресенье, он обязательно пошел бы к нему и отвел душу за разговорами, насмеялся бы всласть, слушая его анекдоты. А в редакции другое дело, там себя как дома не поведешь.

Усманов свернул в сторону ботанического сада и медленно зашагал по широкой тихой улице. И чем ближе он подходил к ботаническому саду, тем острее пах воздух первой весенней зеленью. В кронах деревьев радостно чирикали воробьи. Навстречу, громко разговаривая, смеясь, прошла группа девушек, одетых легко, по-весеннему. Все рады весне, а он... Ему вспомнились слова отца Исмаилджана, сказанные в один из тех дней, когда Усманов еще только начал работать в обкоме и никак не мог обрести уверенность в себе, беспокоился, что не справится, но с немногими делился тогда своими тревогами. Отец Исмаилджана, Ахмаджан-ака, был одним из тех старых интеллигентов, которые начали учиться еще до революции, а закончили образование уже при Советской власти. Он всю свою жизнь посвятил преподавательской деятельности, но внес свой личный вклад и в литературу, в особенности в поэзию. В тридцатые годы в его переводах были изданы некоторые произведения классиков русской и мировой литературы, а некоторые из них вошли в школьные учебники. В молодости Ахмаджан-ака писал собственные стихи и небольшие пьески. Одно из его стихотворений о подснежнике, цветущем наперекор зимней стуже, стало песней и часто передается по радио в «Пионерской зорьке». Этот человек пришел в воскресенье в гости к сыну и, сидя с ними за столом, говорил Дамиру:

— Дамирджан, сынок, это же очень хорошо, что вы переживаете, беспокоитесь. Только человека, равнодушного к своей работе, никогда ничто не волнует. А вы болеете за дело... Только запомните: не существует работы, с которой не смог бы справиться человек. Если, конечно, он не апатичный, не безучастный, а достаточно усердный. Меня радует, что именно такие люди, как вы, трудятся в партийном аппарате. Вы должны этим гордиться, ибо наш партийный аппарат — это не только руководящий орган, но и большая школа знаний, где воспитываются кадры, преданные делу партии. Сегодняшняя ваша работа — это, думается, еще только первый шаг к настоящим большим делам...

Припомнившиеся слова Ахмаджана-ака разволновали Усманова еще больше. Старик словно в воду глядел. Да

и Усманов сам, конечно, знал, что не будет все время ходить в инструкторах, что со временем произойдут перемены, но не предполагал, что жизнь его изменится так быстро и так круто.

Первый секретарь райкома!..

Вот где круг наисложнейших проблем, справиться с которыми может лишь многоопытный человек!.. Нет, надо сейчас же вернуться в обком и, пока не поздно, отказаться. Усманов даже приостановился, чтобы вернуться обратно. Но ему вспомнились ободряющий взгляд Искандера Гаиповича и его крепкое рукопожатие. Секретарь обкома верил ему...

Вот почему Искандер Гаипович, не предупредив никого в райкоме, повез Усманова в Бадамсай и знакомил его с районом! Хотел, чтобы Усманов увидел все как есть, не растерялся, не испугался трудностей, но и чтобы у него не создалось впечатления полного благополучия там. Показал что успел — и хорошее в районе, и плохое, а о том, чего не увидели, рассказал. Теперь дело только за ним, за Усмановым. Какое же о нем впечатление создастся у Искандера Гаиповича, если явится он сейчас к нему и скажет: «Нет, я не смогу!» Трудно приобрести авторитет и веру в себя, потерять легко. Для отступления пути закрыты. Теперь он всеми силами должен стараться лишь оправдать оказанное ему доверие, использовать для этого все свои знания, опыт, волю... Он старался убедить себя в этом, а у самого в глубине души перемешивались и тепло радости, и холодок неуверенности, сомнения...

Ему вдруг вспомнился случай из детства. Года четыре ему исполнилось, а может, пять. Однажды под вечер они с ребяташками играли в прятки. Он подбежал к большой ветвистой орешине, растущей у арыка, вскарабкался на нее и спрятался среди густой листвы. Дети долго искали его, но не нашли и разбрелись. А он все сидел, притихнув. На землю спустились сумерки, и Дамир понял, что товарищи о нем позабыли, что остался один, и заплакал. А когда понял, что самому с дерева не слезть, то разревелся и того пуще.

Услышал его плач кто-то из взрослых, снял с дерева и полусхутя стал ругать:

— Орехи же еще не созрели, зачем было лезть на орешину?! А если бы пришибла нечистая сила? ¹ Хочешь, чтобы искривился рот?

¹ По поверью, возле орешин обитает нечистая сила.

И в ту самую ночь приснились ему два черта. С козлиными рогами, выпученными глазами и длинными хвостами. Один схватил его за голову, а другой стал сдвигать ему на одну сторону рот. Дамир проснулся с воплем, весь в поту, подбежал к лампе и, подняв фитиль, со страхом подошел к висевшему на стене зеркалу. Нет, рот как рот. На месте. Но успокоиться он уже не мог и продолжал плакать, обливаясь слезами. В комнату влетели мать, тетюшка со своим сынишкой Тухтасыном и еще какая-то гостившая у них женщина. Мать прижала его к себе, принялась успокаивать. А он сквозь слезы ничего не видел, слышал только голоса:

— Ребенок испугался!.. Напугали его!

Кто-то посоветовал:

— Надо скормить ему воробьиное сердце!

И это было сказано при двоюродном брате Дамира, Тухтасыне. В кишлаке, наверное, не нашлось бы человека, хотя бы раз не пострадавшего от озорства Тухтасына. Он всего года на четыре родился раньше Дамира, но в придумывании шалостей не уступал мальчишкам и много старше себя. То привяжет, бывало, к хвосту теленка ведро — перепуганное бедное животное с воплем носится по всему кишлаку, вздымая облако пыли. То у болота поймает полоза и выпустит его прямо на дастархан во время обеда, — с криком вскакивают гости, и летит к черту вся посуда и угощение. После одной из подобных шуток бабушке его сделалось плохо. И тогда отец, распластав Тухтасына на широкой деревянной кровати, так выпорол его ремнем, что он несколько дней не мог садиться. Но, чтобы озоровать, необязательно садиться...

Так вот этот самый Тухтасын спозаранок собрал целую ватагу мальчишек и повел их в заросли ловить воробьев. Дамир последовал за ними. За считанные минуты они поймали пять воробьев. Тухтасын оторвал всем им головы. Дамир закрыл глаза и одним духом проглотил теплое воробьиное сердце. Он на что угодно был готов, лишь бы избавиться от трусости. Ему вложили в руку второе сердце, но проглотить его он уже не смог... И впоследствии Дамира тошнило при одном виде воробьев. Но это еще полбеды. Куда обиднее было, что после стольких мук товарищи стали дразнить его Воробьиным сердцем, нередко доводя до слез. И это прозвище ему приклеил не кто иной, как сам Тухтасын... Много позже Тухтасын вспоминал об этих своих проделках в одном из последних писем с фронта

и просил у Дамира прощения. Дамир бы, конечно, все ему простил, лишь бы он вернулся. Но Тухтасын погиб...

Сейчас тоже Усманов себя чувствовал, как тогда в детстве на вершине высокого дерева... В тот раз он избавился от страха, проглотив воробьиное сердце. Неужели теперь не найдется никакого средства? Должен же быть выход...

Хотя о чем он? Его тревогу не назовешь боязнью, он попросту пытается здраво осмыслить, оценить ту высокую ответственность, которую берет на себя. Да что он все о себе да о себе! Будто ему одному работать в районе! Есть же там и другие партийные работники, председатели колхозов...

Не дойдя одного квартала до ботанического сада, он резко повернулся и зашагал обратно. У него же на сегодня полно неоконченных дел. Надо ответить на письма. К тому же еще не просмотрел сегодняшние газеты. В Бадамсае выходит «Алга». Перед тем как туда поехать, надо изучить по меньшей мере годовую подшивку этой газеты. Так он ближе познакомится с районом, с его жизнью.

Когда Усманов вошел в кабинет, Далимов положил шариковую ручку, которой писал что-то, усмехнулся:

— А я уж подумал, вы ушли не попрощавшись, Дамир Усманович!

Усманов сел на место, гадая, ответить ему на плоскую шутку или, не обостряя отношений, промолчать, однако не выдержал. В упор взглянув на коллегу, сказал:

— Товарищ Далимов, хочу дать вам дельный совет. Никогда не пускайте коня вскачь, пока не начались состязания.

Далимов округлил глаза и сделался пунцовым. Изменившись в лице, раскрыл было рот, чтобы сказать что-то резкое, но раздумал, как видно вспомнив, что перед ним уже не равный ему коллега, а без пяти минут первый секретарь райкома. И Усманов чуть не рассмеялся, заметив на его вытянувшемся лице растерянность.

На конференции коммунистов Бадамсайского района в первую очередь рассматривались планы нового года. Наиболее важное из принятых решений — сдать на хирман¹ сверх плана не десять тысяч тонн хлопка, а пятнадцать. Двое из выступавших заметили, что в прошлом году в некоторых хозяйствах не были заблаговременно подготовлены корма для скота, из-за чего зимой создалось бедственное положение на фермах. Руководителям таких

¹ Х и р м а н — ток, площадка для просушки хлопка.

хозяйств было поставлено на вид, и они взяли на себя обязательство заготовить, кроме сена, еще и силос. Участники конференции единогласно поддержали предложение Искандера Гаиповича — в следующую страду не привлекать к сбору хлопка школьников. Это постановление с особым энтузиазмом было воспринято директорами школ и учителями.

Домой Дамир Усманович возвратился около полуночи уже в новой должности. Хафиза заждалась его, стоя у окна. Увидев подкатившую к подъезду машину, кинулась к двери.

— Как? — спросила она, едва муж переступил порог.

— Порядок, — устало улыбнулся он.

— Я же говорила! — хлопнула в ладоши Хафиза. — Говорила или нет?

Усманов, смеясь, обнял ее одной рукой и поцеловал в висок. Из кухни, вытирая о фартук руки, появилась мать.

— Я очень рада за тебя, сынок. — Она припала лбом к груди сына и погладила плечи его. — Будь как отец. Иного желанья у меня и нет. Ну раздевайся скорее, Исмаилджан ждет тебя.

— Где? — обрадовался Усманов.

— Я здесь, — слышался глуховатый голос Исмаилджана из гостиной, а затем в прихожей появился и он сам. — Поздравляю.

Они обнялись.

— Ну, что скажешь? — спросил Усманов, когда они вошли в комнату.

— Слава, сынок, тебе слава!.. — ответил Исмаилджан стихами известного поэта.

Друзья рассмеялись.

— А если без шуток?

— Этого и следовало ожидать. Иначе быть не могло.

— Значит, ты знал заранее?

— Не знал, но предполагал. Тебя в районах хорошо знают, уважают...

— Да брось, — недоверчиво проговорил Усманов и поморщился. Он выдвинул из-за стола стул и сел.

Исмаилджан занял место напротив.

— Я без преувеличений. И работники аппарата, и в районах о тебе говорят только хорошее.

— Ты почти не уделял внимания Бадамсаю. Теперь, если через три дня не будет в газете сообщений о районе,

не сносить тебе головы! — произнес Усманов, занеся над столом кулак.

Исмаилджан засмеялся, но тут же, согнав с лица веселость, задумался.

— Начнем с тебя самого,— сказал он, облокотясь о стол.— Новый секретарь райкома прежде всего должен ознакомить народ со своей программой. Вот и давай нам ее... После твоей статьи информации будут печататься регулярно, даю слово. Информация к информации, и за год, глядишь, более тысячи информации из одного только Бадамса! — воскликнул он и зычно захохотал.

Хафиза принесла глиняное блюдо с горячим пловом, сразу наполнившим комнату аппетитным запахом.

— Исмаилджан, пока ждал тебя, поди, проголодался, — сказала она, ставя блюдо на стол.

— Что верно, то верно. Ничего не ел с самого обеда, — подтвердил Исмаилджан.

— Что, если по маленькой? — спросил Усманов. — Что будем пить?

— Если только воду Земзем¹.

Усманов вынул из бара бутылку. Исмаилджан взял в огромную ручищу рюмку. Он держал ее так осторожно, словно боялся раздавить, как яичную скорлупу.

— «Едва мы, дружище, с детством простились...» — начал он.

— «Мирские заботы на нас навалились!..» — подхватил Усманов, вспомнив это стихотворение.

Они просидели до первых петухов.

Когда Исмаилджан ушел, Хафиза стала разбирать постель и как бы между прочим спросила:

— А что теперь будет со Спитаменом?

— Со Спитаменом? — Усманов задумался. — Спитамен вместе со своими храбрыми джигитами и седобородыми советниками разорвал кольцо окружавших его врагов и, перебив сотни воинов Александра Македонского, направился в Самарканд. Он верил, что согдийцы примут его и окажут помощь. Но...

— Я не об этом. Я про вашу диссертацию...

Усманов не ответил. Он и сам теперь толком не знал, что будет с диссертацией. Он лег и, натянув до подбородка простыню, закрыл глаза, ожидая, когда жена погасит свет. «Спитамен... как жаль, что слишком редко на свет рожда-

¹ Земзем — вода из колодца у храма Каабы в Мекке, считавшаяся святой.

ются такие люди, — думал он. — Сколько надо воли, умения, чтобы увлечь за собой народ, заставить поверить в себя. Есть ли во мне хоть малая доля этих способностей?..»

С тех пор как он впервые побывал в Бадамсае, вопрос этот задавал себе множество раз. Однако, сколько ни думал, ответа не находил. Ответ могло дать только время.

V

Председатель Бадамсайского райисполкома Кудрат Садыков предложил новому секретарю райкома временно поселиться в одном из недавно построенных коттеджей соседнего совхоза. Однако Усманов предпочел двухкомнатный номер районной гостиницы. Гостиница находилась почти рядом с райкомом партии. И потом он счел для себя неудобным вселяться в коттедж, предназначенный для рабочих совхоза. Ничего, поживет в гостинице. Много ли надо удобств одному? А Хафиза и мать решили повременить с переездом. Хафиза конечно же под воздействием свекрови сказала, что ей в ее положении в городе спокойнее. Пусть он сначала устроится, узнает, хорошая ли там больница, а тогда уже она и приедет. Не надо ее уговаривать и убеждать, сама знает, что место ее рядом с мужем... И мать тоже пока осталась в городе, ссылаясь на то, что не может же она невестку, ждущую ребенка, оставить одну. Невестка невесткой, а Усманов понимал, что переезд на старое место, туда, где она тридцать лет назад перенесла страшное потрясение, потеряла мужа, дело непростое. Болезненно это для нее... Все равно как соль на рану. Она, правда, не говорит об этом, но трудно ли самому понять? Поэтому он не торопил мать. Ныне они все — и он сам, и жена, и мать — лучшие свои надежды связывали с рождением ребенка. С его появлением на свет, наверное, забудутся все печали этого мира.

Усманов с вечера тщательно подготовился к своему первому рабочему дню в Бадамсае. Попросил дежурную гостиницы заменить лампочку в его настольной лампе на более яркую и просидел до полуночи.

Утром он вышел на улицу, довольный тем, что заранее распланировал весь день. Первым делом он, конечно, познакомится со всеми работниками райкома, вникнет в дела, которыми занят каждый из отделов, затем еще раз проштудирует постановления конференции, выступления участвовавших в прениях. Да, ему сегодня же следует по-

дробно ознакомиться с планом работы райкома в целом, со всеми предложениями, которые за последнее время вносились на заседаниях бюро, и уже в зависимости от этого придется наметить порядок посещения хозяйств, чтобы иметь ясное представление о каждом из них. Однако по мере приближения к зданию райкома волнение Усманова возрастало. Это волнение было сродни тому, что он испытывал сначала в школе, а потом в институте, отправляясь на трудный экзамен. У подъезда он приостановился, вдохнул полную грудь освежающего холодного воздуха и начал легко подниматься по лестнице на второй этаж. Он приглядывался к каждой ступеньке, к стенам, к окнам еще малознакомого здания, которое должно стать ему родным на многие годы.

Однако первый рабочий день Усманова начался совсем не так, как он предполагал.

Еще в коридоре он услышал чей-то визгливый голос. Открыв дверь в приемную, увидел уже немолодую пышнотелую женщину в платке, из-под которого выбились растрепанные волосы. Размахивая руками, она кричала на девушку-секретаршу:

— Я тебе покажу мелицу! Это тебя надо отправить в мелицу, старая дева, а не моего мужа! Надела брюки и думаешь, что можешь давать советы, да, бесхозная?!

— О чем, собственно, речь? — с удивлением спросил Усманов, входя.

Секретарша со слезами на глазах обернулась к нему и еле выговорила, заикаясь:

— Вот эта женщина... У них дома, оказывается, скандал...

Женщина всплеснула руками и не дала ей договорить:

— Вай, попугай! Я уже стала для тебя «вот эта женщина», да? Я уже пятьдесят лет Салтанат. Когда тебя нарекали именем, я принесла тебе подгузники и ползунки, сгинуть тебе!..

— Пожалуйста, спокойнее, говорите без ругани, — сказал ей Усманов.

— Я разве ругаюсь? Вы еще не слышали, как я могу ругаться!.. Если я начну ругать...

Усманов приблизился к секретарше:

— Объясните, пожалуйста, что происходит?

— У них дома произошел скандал, — чуть не плача, проговорила секретарша, — с мужем... Я и сказала: «Пойдите в милицию...» А она... напустилась на меня. Говорит,

ей нужен секретарь. А Казим Бурханович еще не пришел, прежде он принимал ее...

— Я осенью была у него, — уточнила женщина. — С тех пор у меня дома был рай! А нынче... За один день все перевернулось вверх дном!

— Что ж, заходите, — пригласил Усманов, открывая дверь, на которой уже красовалась табличка с его фамилией и инициалами. «И когда успели?» — подумал он, входя в кабинет.

— Дамир Усманович, сейчас придет Казим Бурханович, вы...

Усманов понял, что хотела сказать секретарша, и улыбнулся ей:

— Ничего, ничего.

— Ты не вмешивайся! — шикнула на нее женщина. — Без тебя разберемся!..

И, войдя вслед за Усмановым, тихо прикрыла массивную дверь.

— Пожалуйста, присаживайтесь, апа¹.

Усманов повесил плащ и шляпу на вешалку и направился к массивному письменному столу, стоявшему в глубине кабинета, обошел его и опустился в удобное крутящееся кресло.

— Итак, чем вы с утра недовольны, Салтанат-апа?

Он как можно приветливее посмотрел на женщину.

То ли оттого, что к ней обратились так уважительно, по имени, то ли повлияла официальность обстановки просторного кабинета, женщина вдруг покраснела, застыдилась и опустила, точно невеста, голову:

— Что вы, товарищ... секретарь. Зачем мне быть недовольной? Малохатхон моя соседка. Просто немножечко пожурила ее... Как вы сами-то, здоровы? Все ли в семье в добром здравии?

Усманов с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

Женщина, сидя на стуле, потупилась, затеребила кисти на конце цветастого платка.

— Я... — замялась она. — Я пришла с нестоящей вовсе просьбой... И раньше я приходила. Спасибо товарищу Бурханову, очень вежливый человек, приветливо встречал меня. И сегодня с тем же... Но, оказывается, рано еще пришла. Поговорила с Малохатхон и немножко расстроилась. — Женщина смущенно прикрыла углом платка

¹ А па — старшая сестра; в знак уважения прибавляется к имени женщины, старшей по возрасту.

рот.— Иногда вот так... нервничать стала. Прежде спокойная была — пусть хоть всемирный потоп, я и бровью не поведу. А как только ваш зять стал спесалисом, на меня то и дело находит эта проклятая хворь.

— Кем, кем стал? — переспросил Усманов, с улыбкой отмечая про себя, как ловко женщина мужа своего обратила в его зятя, кол же уж он назвал ее апой.

— Спесалисом!

Усманов хотел спросить, что она имеет в виду, но женщина принялась пояснять сама:

— Автомобили чинит. Любые. И большие легковушки, на которых впереди стоит блестящий олень, и инвалидные коляски. Раньше шофером работал, водил грузовую машину и совсем хороший человек был. А два года тому назад, как только открылась мастерская по ремонту машин прямо возле базара, его пригласили спесалисом. И с тех пор, товарищ секретарь, я живу в муках. Оказывается, поломанных машин больше, чем больных людей. От их хозяев нет никакого спасенья. Ни днем ни ночью не дают покоя. Ваш зять с утра до вечера на работе, а придет домой — и тут очередь. И все просят, умоляют: «Ака, акаджан¹, сделай это, проверь это!..» Лебезят, как перед беком. Наверное, поэтому он и изменился. Даже передо мной задается: «Я спесалис, я спесалис!» Выпивать начал. Если на улице выпил, а ноги еще держат, приносит домой. Если не верите, придите посмотрите. Ладно бы, выпил и лег спать. Но ведь нет, детям не дает покоя. А как вожжа угодит под хвост, достается... и мне. Спасибо товарищу Бурханову, он сделал для меня очень много хорошего, буду помнить до конца жизни. Позвал моего спесалиса в свой кабинет, посадил напротив и уж стыдил его, стыдил. Он послушался товарища Бурханова, испугался — стал как шелковый... Но прошло несколько месяцев, и опять все забыл, снова началось то же самое. Пьет и никому в доме покоя не дает. А вчера лопнуло мое терпение...

Наш младший сынок Юсуфбек, как и отец, помешан на машинах. Ни книжек, ничего не надо, лишь бы весь день на лисапеде гонять. Вчера из школы двойки принес. И не одну, а целых две, скажу я вам. Дала я ему подзатыльник и сижую ругаю. Тут как раз и появляется муж, пьяный. Я всегда за километр вижу, когда он нетрезв. Когда напивается, поет свою любимую песню: «Я веселенький буду

¹ Ака, акаджан — старший брат; в знак уважения прибавляется к имени мужчины, старшего по возрасту.

идти, пока ноги могут нести...» Знаете эту песню? Не слышали, говорите? Так вот, с той песней вваливается ваш зятек в калитку. Увидел меня, примолк. А у самого из кармана бутылка торчит. И, смотрю, чтобы я не заметила, эдак бочком пробирается. Тут я и не стерпела. Хоть ты и спесалис, думаю, а все же мой! Схватила скалку и шмяк его по мягкому месту. А он хотел увернуться, ну и... бутылка вдребезги. Она, оказывается, почти полной была. За секунду его штаны стали мокрыми, как у ребенка обмочившегося. Вот тут-то все и началось. Ах-ах, не приведи господи, что тут началось... «Ты кого ударила, а? Чью ты кровь пролила? Ты пролила кровь спесалиса! Ты кто такая, чтобы бить спесалиса? Ты шпингалет — вот кто ты такая!» И тут он бросился на меня как настоящий лев. Испугалась я очень, хоть он ростом мне вот до сих пор, — она провела рукой поперек могучей груди. — Кинулась от него. А он за мной по всему двору... Но не то обидно, что гонялся. Пусть себе гоняется, на то он и мой муж. Но зачем он обозвал меня шпингалетом?.. — Она всхлипнула и стала вытирать глаза концом платка. — Я вырастила ему пятерых детей, и после этого он меня последними словами? Дождалась такого прозвища!.. Всю ночь проплакала. Если он опять назовет меня таким поганым словом, сердце мое не выдержит. Поговорите с ним, избавьте меня от позора, товарищ секретарь... А Малохатхон мне советует сходить в мелицу. Я что, сумасшедшая, чтобы туда идти? Мелица долго не разговаривает, берет и сажает. Что я, отца своих детей в тюрьму буду сажать, что ли? Нет, этого человека надо воспитывать добрыми словами, лаской, а не мелицей. — Женщина с ненавистью посмотрела на дверь, за которой раздавалось постукивание машинки. — Товарищ Бурханов беседовал с ним раза три, спасибо ему. После этих разговоров он стал мягкий, как белая булка. А сейчас опять... Товарищ секретарь, пусть и ваш авторитет будет столь же высок, как у товарища Бурханова, я скажу вашему зятю...

— Как ваша фамилия? — спросил Усманов, взяв карандаш, чтобы записать на листке, и пытаюсь представить себе облик «зятя».

— Карамонова, Карамонова я, — охотно ответила женщина. — Мне уже пятьдесят два года. Работаю сменным поваром в шестнадцатых яслях. Приходите как-нибудь, товарищ секретарь. То, что я готовлю, все до капельки съедают дети, даже тарелки облизывают. И дети

у нас все как куколки. Вот такие бутузы с красными щеками. Родители так довольны, так довольны!

— Конечно, приду,— пообещал Усманов.— А как фамилия мужа?

— Вай, я же на фамилии мужа. А моя девичья фамилия... Как ее?.. Шодмонкулова, вот! — гордо заявила женщина.

— А зовут как?

— Кого, зятя?

— Ваше имя я знаю.

— Полвонкул-ака.

Усманов сдержал улыбку. Крупная и сильная женщина, жалуясь на своего щуплого мужа, произнесла его имя так ласково и нежно, что способна была этим растрогать и самое черствое сердце.

— Вы поговорите с ним? — с надеждой спросила она воркующим голосом.

— Непременно. Идите и спокойно работайте,— сказал Усманов, вставая с места.— Однако и вы, апа, будьте помягче. Попробуйте на него воздействовать, как сами сказали, добрыми, ласковыми словами...

— Вай, прожила бы я с ним столько лет, обходясь черство? Только вчера за всю жизнь и ударила!..

— Ладно, всего хорошего.

Женщина со смущением, как-то не очень гармонизировавшим с ее внушительной комплекцией, пятясь и раскланиваясь, вышла из кабинета.

«Придется побывать и на техстанции,— подумал Усманов.— Надо посмотреть, что за «спесалисы» там работают».

«Пусть и ваш авторитет будет столь же высок, как у товарища Бурханова...» — прозвучал в ушах голос женщины.

Значит, Бурханова в районе уважают. Да и естественно. Он же много лет работает в Бадамсае. Все его знают. И немало таких, кто будет его поддерживать. Об этом Усманов подумал еще на конференции. Сейчас ему вспомнилось, казалось бы, незначительный эпизод, омрачивший тогда настроение. Двое при тайном голосовании подали голос против кандидатуры нового секретаря. Потом, возвращаясь в город с Искандером Гаиповичем, они в машине говорили об этом, высказывали каждый свое предположение. Им неважно было узнать, кто эти два человека. А вот чем они руководствовались? Проголосовали против, чтобы просто досадить и испортить Усманову настроение? Это же

ребячество!.. А может, они убеждены, что первым следовало назначить Бурханова?.. Значит, исполнявший вот уже год обязанности первого секретаря Казим Бурханов тут довольно влиятелен. Не за красивые же глаза уважают его?..

«Казим Бурханович обладает массой ценных качеств! Вы это увидите,— сказал Искандер Гаипович, когда Усманов последнюю мысль высказал ему вслух, и, секунду подумав, добавил: — И постарайтесь эти его качества использовать правильно...»

И все же интересно, эти двое людей вычеркнули фамилию Усманова, согласовав друг с другом или не сговариваясь? Впрочем, какая разница! Ясно одно: чтобы завоевать авторитет, каким уже обладает Бурханов, он должен работать и работать. Причем работать лучше, чем предшественник. Только тогда люди ему поверят и пойдут за ним.

Из селектора послышался голос секретарши:

— Дамир Усманович, извините. Возьмите, пожалуйста, синюю трубку. Звонят из колхоза имени Максима Горького.

Усманов взял синюю трубку:

— Слушаю.

— Дамир Усманович!..— В трубке слышалось учащенное хриплое дыхание, будто человек бог весть сколько бежал перед тем, как позвонить.— Вас беспокоит Курбанов, секретарь парткома...

— Слушаю вас, товарищ Курбанов.

— Простите, Дамир Усманович, в ваш первый рабочий день я обращаюсь... с неприятной вестью...

— Говорите! — сказал Усманов, когда на противоположном конце провода умолкли в нерешительности.

— Дело в том... Один наш тракторист... Яхшибай Эргашев... только что попал под трактор...

Усманов вскочил:

— Каким образом?

— Сегодня с утра он распахивал участок возле оврага. Его трактор увяз в грязи, соскользнул вниз и перевернулся. А он сам...

— Живой?

— Когда вытащили, еще дышал... Сейчас в больнице... Я вас побеспокоил... Может, врачи лучше присмотрят, если вы позвоните. У него как-никак шестеро детей, и все девочки...

— В какой больнице?

— В райцентре.

— Хорошо. Я сейчас свяжусь, — пообещал Усманов. — Примем меры, какие только возможны.

— Спасибо, Дамир Усманович. Еще раз прошу извинить за беспокойство.

Усманов опустил трубку и вызвал секретаршу:

— Свяжите меня с главврачом больницы.

Однако передумал и, на ходу надевая плащ, вышел из кабинета. Лучше побывать в больнице самому.

Состояние тракториста оказалось тяжелым. Главврач делал операцию сам.

— Уже минут двадцать прошло, — сообщила медсестра.

— Надежда есть? — спросил Усманов.

— Не знаю. Много крови потерял. Матлаб-ака опытный хирург, но он давно не оперировал. Решился только потому, что нельзя было терять ни минуты.

Решив дождаться конца операции, Усманов зашел в кабинет главврача и придвинул к себе телефон, набрал обкомовский номер Муслима Иноятова.

— Салам, Муслим-ака. Усманов беспокоит. Один наш тракторист пострадал при аварии. Сейчас его оперируют. Нам нужны хороший терапевт и хирург. Поможете?

Муслим-ака пообещал сию же минуту выслать врачей в Бадамсай и спросил фамилию тракториста.

— Эргашев. Яхшибай Эргашев.

— Знаю, — сказал Муслим-ака. — Из колхоза имени Максима Горького. Это же знатный тракторист! Как же его угораздило?

— Пока точными данными не располагаю, — ответил Усманов. — Съезжу, разберусь...

Муслим-ака огорченно вздохнул и положил трубку.

В этот момент во дворе больницы послышался громкий плач женщины. «Жена, — догадался Усманов. — Хоть бы все обошлось благополучно...»

Он вышел во двор, чтобы поговорить с женщиной и хоть как-то утешить. Однако нужды в этом не было. Группа людей обступила ее, и каждый что-то говорил, успокаивал как мог. В сторонке с несколькими мужчинами беседовал Бурханов. Увидев Усманова, он направился к нему.

— Сказали, вы здесь, — произнес он, подавая руку. — Как?..

Усманов сказал, что вызвал врачей из города.

— Хорошо. Очень хорошо сделали,— одобрил Бурханов.— Трудно будет его семье, если он не выживет...

— Что же там случилось? Знаете подробности? — спросил Усманов.

Вместо ответа Бурханов обратился к мужчинам, с которыми беседовал, и зычно крикнул:

— Султанов! Подойдите сюда.

Из толпы отделился человек лет шестидесяти, дородный, с пышными усами. Усманов узнал председателя колхоза имени Максима Горького. Султанов снял тубетейку и, вытирая платком бритую голову и шею, подошел к ним. Он был бледен. Несмотря на прохладную погоду, по его лицу катился обильный пот.

— Как это все-таки произошло? — строго спросил Бурханов, встав у него на пути и не давая возможности даже поздороваться с Усмановым.— Я вас спрашиваю!

Председатель, однако, обошел Бурханова и, прежде чем ответить, протянул Усманову пухлую влажную ладонь.

— Неподалеку от главного арыка Кумарык есть овраг. Метра три-четыре глубиной.— Он говорил, обращаясь в основном к Усманову.— Вдоль оврага проходит межа одиннадцатой бригады. Каждый год земля возле оврага пустует. А овраг длинный, и, если подсчитать, огромная площадь зря пропадает. Вот мы и решили вспахать эту землю. Я не доверил нашим молодым трактористам. Велел Яхшибаю. Но, видно, после позавчерашнего дождя земля не успела просохнуть, трактор заскользил юзом... Яхшибай мог спрыгнуть, но не спрыгнул. Трактор пожалел, что ли... Ничего бы не случилось с трактором. Что до меня, лучше бы трактор разбился, лишь бы сам остался цел... В общем, как бы там ни было, беда...

Султанов потупился, вытер потное лицо уже мокрым платком и посмотрел на Усманова: мол, есть к нему еще что-нибудь? Усманов промолчал. Вопрос был ясен. Ему стоило труда подавить в себе гнев на чересчур жадного до земли райса¹.

— Так я пойду узнаю? — спросил Султанов, обеспокоенно поглядывая на дверь больницы.

— Идите, идите,— разрешил Усманов и сам медленно направился вслед за ним.

Операция закончилась через полчаса. Усталый главный врач, снимая с лица маску, сказал:

¹ Райс — председатель.

— Трудно надеяться... Грудная клетка раздавлена, три ребра сломаны, травмирована печень... Увидим. Он сильный человек, может быть...

Однако, не окончив фразы, он пристально взглянул на Султанова, вынул из нагрудного кармана сигареты и задымил. Подошел к окну, открыл форточку и резко обернулся к секретарю райкома:

— Товарищ Усманов! Подобные явления то и дело происходят в «Максиме Горьком». В прошлом году загорелся амбар, три человека получили ожоги, слава богу, остались живы. Года четыре назад кто-то, помнится, отсек серпом себе палец. Правильно я говорю, Хаитбай-ака?

Султанов вместо ответа еще ниже наклонил голову.

— А как в других колхозах? — спросил Усманов.

— Случается и в других. Вместо того чтобы заниматься профилактикой болезней, нам приходится иметь дело с такого рода трагедиями.

Усманов заметил, что Бурханов метнул на главврача предостерегающий взгляд, и понял, что стоит перед неожиданной задачей. Значит, в районе не придается значения технике безопасности, слабо контролируются условия труда. Придется этим вплотную заняться самому. Проверка хозяйства района, надо уделить особое внимание этой стороне дела.

Усманов поднялся с места.

— Я пригласил из города врачей, чтобы в случае чего помогли вам, — сказал он главному врачу. — С минуты на минуту должны подъехать. Держите меня в курсе.

Главврач кивнул.

— Казим Бурханович, я съезжу и взгляну на этот овраг.

Бурханов пожал плечами и посмотрел с удивлением: дескать, имеет ли смысл? Усманов промолчал. Не время было заводить дискуссию. Султанов тоже встал, видимо намереваясь сопровождать его, но Усманов ему сухо бросил:

— Вы оставайтесь.

Растерянный раис возвратился на место и тяжело опустился на скрипнувший под его тяжестью стул, вынул влажный платок.

К оврагу пришлось пробираться пешком по пашне. Усманов, выбирая места посуше, направился к видневшимся вдалеке людям. Ноги вязли, скользили, на сапоги

налипала грязь. Время близилось к полудню, но было довольно прохладно и дул влажный, пронизывающий ветер. Солнце, похожее на раскатанное для лапши тесто, еле проглядывало сквозь толстый слой белесых облаков.

Люди, возившиеся вокруг опрокинутого трактора на дне оврага, увидев незнакомого человека, прекратили работу и притихли. Высокий смуглый парень вышел навстречу Усманову:

— Ассалом алейкум. Это я утром звонил вам. Кабулов. Усманов пожал ему руку.

— Вашему трактористу сделали операцию. Положение его тяжелое.— Усманов подошел поближе к оврагу. Эта сторона была пологой и поросла травой, а противоположный голый склон крут и сплошь изрезан следами весенних ручьев.— Как он мог перевернуться? Вы разобрались? Как это произошло?

— Да. Вот и акт составлен,— сказал Кабулов, кивнув в сторону поднимавшихся к ним навстречу начальника районного отделения милиции и инспектора.

Они подошли, поздоровались за руку.

— Тут не только трактор, и волю не развернутся,— сказал инспектор.— Во время разворота трактор заскользил под уклон. Край оврага обрушился, машина сползла вниз, тяжела ведь...

Усманов не без риска сорваться вскарабкался на противоположный склон, где утром работал Эргашев. Расстояние между распаханном полем и оврагом составляло не более полутора-двух саженей. Из-за этого клочка рисковать жизнью человека?!

— Не измеряли, сколько гектаров составляет эта... «целина»? — спросил Усманов у следовавшего за ним по пятам секретаря парткома.

— Два гектара,— ответил Кабулов.— Можно и обойтись без этого клочка. Вон степь рядом — не два, а двести гектаров можно освоить!

— Почему об этом раньше не сказали председателю?

Кабулов смутился. По его реакции можно было догадаться, что на этот счет он уже имел неприятный разговор. А сейчас чего-то недоговаривал и мялся.

— Что все-таки вас прельстило в этом клочке? — настаивал на ответе Усманов.

— Земля уж больно плодородная,— вздохнув, произнес парторг.— Самое меньшее по пятьдесят центнеров можно получить...

— А человек для вас, значит, стоит меньше ста центнеров?! — вспыхнул Усманов.— Да Яхшибай Эргашев сам распахан бы вам сто гектаров целинных земель в степи!.. С каких пор являетесь парторгом?

— Первый год,— упавшим голосом ответил Кабулов и потупился.— До того бригадиром был, а в этом году выбрали парторгом. Я не хотел, а они... Раис-ака настоял...

Усманов заметил, что колхозники прислушиваются к их разговору, и поймал себя на мысли, что повел себя неверно. Не сдержался. Не следовало в присутствии людей отчитывать секретаря парткома, если даже он и столь молод. Стараясь исправить положение, он тепло попрощался с Кабуловым, велел ему в случае каких-либо затруднений обращаться за помощью прямо в райком. Пожелав колхозникам успехов, Усманов опять тяжело зашагал пашней, направляясь к дороге.

Парторг Усманову все же понравился. Серьезен, правдив... Судя по рассуждениям, знает подноготную колхоза. Но пока не осмеливается говорить обо всем откровенно. Во-первых, еще недостаточно знакомы. А во-вторых, относится с большим уважением к раису, хотя их взгляды по некоторым вопросам ведения хозяйства, видимо, расходятся. По сути дела, он стал парторгом по настоянию самого раиса. Вот и не может распрямить собственных крыльев. Возможности для этого есть, а раис не допускает...

Выйдя на дорогу, он сучком счистил грязь с сапог. Шофер медленно подогнал машину.

На дороге попадались выбоины, и машину временами подбрасывало, так что приходилось держаться за ручку дверцы, чтобы не стукнуться головой о верх. Навстречу неслись старые корявые шелковицы, росшие по обеим сторонам дороги вдоль арыков. Поля уже распаханы и ждут сева. Поодаль перелетает с места на место стая диких голубей. А вон по обнаженному еще клеверному полю бродят овцы, и одинокий чабан стоит в отдаленье, опершись на посох.

Усманов вдруг увидел на обочине женщину, сидевшую на чемодане.

— Останови,— бросил шоферу.

Машина замерла и, дав задний ход, подкатила к женщине. Та посмотрела, лишь слегка повернув голову, укутанную темным платком. Усманов вышел из машины:

— Куда направляетесь, апа? Может, подвезти?

И тут он разглядел, что перед ним не женщина, а совсем молодая девушка с большими черными глазами, полными слез...

— Простите... — смутился Усманов. — Мне показалось...

— Чего уж там, — устало ответила девушка и поднялась с чемодана. — Мне уж все равно, если и теткой назывете. Я уезжаю отсюда.

— Куда, если не секрет?

— Домой. В Ташкент. Куда же еще...

— Могу подбросить до райцентра.

— Спасибо.

— Садитесь. — Усманов открыл перед ней дверцу.

Долго ехали молча. Теперь девушка не плакала, но то и дело тяжело вздыхала и подносила к покрасневшим глазам платочек.

— Чем же вы так расстроены? — решил наконец спросить Усманов.

Девушка метнула на него неприязненный взгляд: мол, вам-то какое дело? Потом, поняв, что спрашивают у нее не ради того, чтобы только завязать разговор, смягчилась.

— Сама во всем виновата, — произнесла она, водя пальцем по запотевшему боковому стеклу. — Предлагали остаться в институте — не согласилась. Думала, тут больше будет от меня проку. А оказывается, не нужна. Ах, если б знала!

Она не выдержала и опять всхлинула. Усманов растерялся, не зная, что сказать, что предпринять. Он и в прежние времена не мог выносить женских слез. Дома, говорят, не бывает без ссор: если Хафиза плакала даже из-за пустяка, он уже не знал, куда себя девать. Но Хафиза — жена, свой человек, а вот придумай-ка, что сказать в подобном случае чужой женщине?

— Возьмите себя в руки. Ведь слезы старят человека, — невнятно промямлил он.

Сказал и устыдился такой нелепости, сорвавшейся с языка. Заметив в зеркальце улыбку шофера, покраснел еще больше.

— Наверное, поссорились с муженьком, — посмеиваясь, сказал шофер, чтобы разрядить обстановку.

Девушка улыбнулась и вытерла слезы:

— Муженька нет еще...

— А может, на работе обидели? — спросил Усманов.

Девушка кивнула. И, словно радуясь, что встретила человека, который готов и выслушать, и понять, а может,

и посочувствовать, стала рассказывать. История ее оказалась совсем немудреной. Она агроном. После окончания института попросилась в район. Ее направили в Бадамсай, в колхоз «Шарк юлдузи». Все ее несчастья и начались с того момента, как она приехала в этот колхоз. Сначала, правда, все как будто были довольны. Особенно раис. Еще бы, прибыл агроном со специальным высшим образованием, о каком давно мечтали! А потом отношения с раисом испортились.

— Ни о чем другом, кроме хлопка, и думать не хочет,— с огорчением рассказывала девушка.— Только хлопок, хлопок, хлопок!.. Наверное, и во сне ему снится только хлопок. Правильно, колхоз хлопководческий. Разве я этого не понимаю? Но ведь человек живет не только хлопком! Может, у кого-то совсем другое призвание. В данном случае я не о себе говорю, не подумайте... Ведь пять пальцев на руке и те неодинаковы. И люди так же. У каждого свои интересы. А этот человек все мерит только своим хлопковым аршином. Если посылать кого-либо на учебу, то только по хлопководству. Даже на курорт люди могут поехать в зависимости от того, сколько собрали хлопка. Ну а если он ветеринар? Или библиотечарь? Или завклубом? Так им и отдыхать и лечиться не надо?! Вот такое у нас положение. А кое-кто разводит руками: почему, мол, молодежь в колхозе не остается? Одни подаются в город, другие в райцентр. На худой конец, идут рабочими в совхоз... Мы, несколько девушек и парней, хотели собственными силами построить теплицу. В совхозе вон по соседству построили, а мы что, хуже?.. Вы, наверное, слышали про старика мичуринца, который живет под Ташкентом в Орджоникидзевском районе? Слава его гремит по всей республике! А наш раис о нем ничего не знает! Или прикидывается, что не знает... Так этот мичуринец круглый год выращивает в теплице бахчевые, помидоры, огурцы. А почему мы не можем?.. Потому что этот несносный человек, раис, нам заявил: «Если найдете способ выращивать хлопок и зимой, тогда пожалуйста: сколько гектаров земли надо, столько и дам. А насчет дынь, арбузов и не заикайтесь. Они вредны для организма,— живот набьешь, работать не можешь. А если кто хочет и зимой уплетать арбузы, пусть с осени запасется сортом «кузибай»... С этим сортом и до лета ни черта не делается!..» Вот вам и весь наш раис налицо! Ну скажите, разве можно с таким работать?..

— А вы ни к кому не обращались?

— К кому?

— Например, к парторгу.

Девушка горько усмехнулась:

— Секретарь парторганизации — его шурин. Говорит, а сам в рот раису смотрит. Не успеет раис слово сказать, парторг тут же подхватывает.

— Ну уж, наверное, не настолько, — смеясь в душе, возразил Усманов.

— Вообще-то, может, он и неплохой парень... Как-то шепнул мне, чтобы я шла в райком.

— И что же?.. Не пошли?

— А, — махнула рукой девушка, — стоит ли... Раис же сам член бюро райкома. К тому же товарищ Бурханов очень уважает этого человека. Станет разве меня слушать?.. Правда, я слышала, прибыл новый секретарь. Интересно, что это за человек? Поймет ли?.. А впрочем, это уже не имеет значения.

— Почему же?

— Уезжаю ведь.

— Трудностей испугались, выходит?

Девушка со злостью взглянула на Усманова:

— Я проработала год. Попробуйте на моем месте хотя бы день проработать.

— Хорошо, — сказал Усманов. — День я поработаю на вашем месте. Только с одним условием. Вы сегодня же вернетесь в свой колхоз.

— Нет! — отрезала девушка.

— Тогда оставайтесь сегодня в райцентре. Завтра утром мы вместе поедем в «Шарк юлдузи» и во всем разберемся. Согласны?

— Сами-то вы кто? — спросила попутчица, изучающе глядя на Усманова.

— Новый секретарь райкома.

— Вай!.. — Девушка зарделась и закрыла лицо руками.

Чтобы вывести ее из неловкого положения, Усманов протянул руку:

— Будемте знакомы. Усманов.

Девушка положила ему на ладонь маленькую горячую кисть.

— Халида, — еле слышно произнесла она.

Возле райкома партии Усманов вышел из машины и сказал шоферу, чтобы он отвез девушку в гостиницу. А ей на ходу бросил:

— Значит, договорились? Завтра поедем в ваш колхоз.

Девушка, просияв, взглянула в упор и кивнула.

Усманов с дороги осведомился у секретарши о состоянии тракториста. Малохатхон сообщила, что звонил главный врач: тракторист пришел в себя. «Слава богу,— подумал Усманов, входя в кабинет.— Теперь можно, наконец, приступить и к осуществлению планов на сегодня». Он разделся, сел в кресло и выдвинул ящик стола. С утра он, кажется, собирался просмотреть материалы конференции. Это, пожалуй, можно оставить и на ночь. В гостинице тихо, никто не мешает. К тому же Бадамсай для него еще место новое. Он же, пока не привыкнет к месту, и уснуть не может — будет хоть чем заняться. А сейчас самое время ознакомиться с планами работы отделов. С этим намерением он и нажал кнопку селектора.

Однако в гостиницу Усманов попал только к полуночи. Проглотил несколько ложек янтарного, еще теплого плова, принесенного кем-то заботливым, и позвонил домой:

— Хафиза? Ты спала?

— Нет. Сидим с мамой и беспокоимся. Несколько раз тебе звонили, но не могли застать. У тебя все хорошо?

— Конечно. А как малыши?

Хафиза рассмеялась.

— Растет. С каждым днем все больше... Дамир-ака!

— Молодец!..

— Я хочу в Бадамсай.

— С ума сошла. Мы же все давно обговорили.

— Мне нужен покой. А я, оказывается, не могу жить спокойно в разлуке.

— Но в городе лучше условия, ты же знаешь...

— Будто до меня никто не рожал в районном родильном доме. Вот и мама твоя... Там мне будет лучше.

— Почему же лучше? Почему?..

— Свежий воздух... И ему, чтобы быть крепеньким, нужен свежий воздух.

Усманов улыбнулся. Хафиза почувствовала это и весело продолжала:

— Ты согласен? Правда, согласен?

— Поговорим завтра.

— Ладно,— вздохнула Хафиза.— Ты поужинал?.. Что ты ел?

Усманов перечислил самые вкусные блюда, которые знал, пожелал жене спокойной ночи и положил трубку.

Едва улегся, его тотчас сморил сон. Зыбкий и тревожный. Приснилось, будто он с группой людей несет на

кладбище погребальные носилки. А в них, укутанный саваном, лежит он сам...

Усманов проснулся и сел в постели, чувствуя, как колотится сердце, вот-вот из груди выскочит. Опять вспомнился тракторист. Кажется, он думал о нем и во сне.

Отпил воды прямо из горлышка графина, подошел к окну и распахнул форточку.

VI

В тот вечер, когда Усманов, задержавшись в райкоме, заново знакомился с материалами конференции, у высоких, украшенных замысловатой резьбой ворот дома Казима Бурханова остановился «ГАЗ-69» с брезентовым верхом. Полный человек выбрался из машины и огляделся. На улице было темно и тихо. Ни души.

— Поезжай, — буркнул полный мужчина шоферу, и, когда машина отъехала, из щели между опорой ворот и стеной дома он достал крючок из проволоки. С его помощью ловко отомкнул запор в калитке.

В темном проходе подворотни с надстройкой послышался звон цепи и грозное рычание собаки.

— Олапар! — поспешно и ласково произнес поздний гость. — Это же я. Не узнал?..

Пес успокоился, ласково заскулил.

В двух окнах огромного дома с верандой горел свет.

— Казим Бурханович! — негромко позвал толстый человек хрипловатым голосом и по широким деревянным ступеням поднялся на веранду.

Дверь отворилась, выплеснув сноп света, и навстречу ему вышла средних лет женщина в пестром шелковом халате.

— Входите, Хаитбай-ака, — приветливо сказала она, принимая у гостя пальто и шапку. — Поди, совсем замутились сегодня, изнервничались...

— Да-а... Иной раз смертным и такое приходится переживать...

Хаитбай-ака, не дожидаясь повторного приглашения, вошел в дом, поглаживая ладонью бритую голову.

Бурханов сидел на диване, взобравшись с ногами и опершись локтем о подушку, перелистывал какую-то ветхую книгу. На антикварном письменном столе красного дерева, ножки которого изображали львиные лапы, на блюде золотисто желтели ломтики лимона, присыпанные сахарной пудрой.

— Прошу, прошу,— не поднимая головы, буркнул хозяин.

— Извините, что я так поздно. Наверное, сердце разорвалось бы, если бы не повидал вас...

— Что, испугался? — с иронией в голосе спросил Бурханов, закрывая книгу и отыскивая ногами стоявшие на ковре тапочки, расшитые на восточный манер.

Султанов кряхтя опустился на диван рядом с ним, не спеша извлек из нагрудного кармана кителя чувскую тубетейку, расправил ее, ударив о колено, и водрузил на поблескивающую влажную голову. Было заметно, что он обдумывает ответ.

— Султанов не из тех, кто боится собственной тени, Казим Бурханович! — промолвил он.— Тот, кто может напугать Султанова, пока что находится во чреве матери!.. Однако... Хороший был тракторист. Хотел сделать его Героем...

— Почему же в прошедшем времени?

— Врач говорит, сломан позвоночник. Если и останется жив, вряд ли сможет работать,— сказал Султанов и вздохнул.

В комнату на цыпочках, шурша шелковым халатом, вошла жена Бурханова, молча поставила на стол немного казы на синей тарелочке с изображением хлопка и так же тихо, на цыпочках, удалилась.

Бурханов взял ломтик лимона и, обсасывая его, осведомился:

— Что говорит семья?..

— Трудно будет семье,— покачал головой Султанов.— Шестеро детей. Дочки. Старшей, правда, уже семнадцать. Осенью собирался свадьбу справлять... Что семья... занята охами да ахами. Однако...

— Что... однако? — спросил Бурханов, когда пауза чересчур затянулась.

— Как бы милиция не подпортила все дело... Я с утра и до сих пор пробыл в больнице, не смог перемолвиться с Мамурджаном. Хайдарали, правда, виделся с ним, но разве он может поговорить толком с начальником милиции? Молодой еще...

— Кто такой Хайдарали?

— Мой парторг. Способный парень, но...

— А, знаю,— сказал Бурханов и дружески хлопнул по круглому колену Султанова.— Ладно, не думай о милиции, Хаитбай-ака. С Мамурджаном я поговорю сам.

— Не повредит, я думаю. Чтоб не пошли всякие там толки.— Султанов углубился в собственные мысли.

Да, разговоры вокруг такого происшествия сейчас ни к чему. Обычно люди из мухи слона делают. А если и милиция еще подбавит масла в огонь... Ого, что тут будет! Немало найдется и таких, кто всю вину постарается свалить на раиса.

Конечно, всякое несчастье — это несчастье, и сердце от него болит, как от ножевой раны. Иногда кажется, гору на плечах удержать легче, чем пережить такое горе. А всякие там слухи, распространяемые и с умыслом и без умысла, только усугубляют переживания. И странное понятие у людей: что бы ни произошло, всю вину сваливают обычно на руководителя. Там недосмотрел, тут недоглядел, этого не сделал, того не сказал!.. Во всех бедах одна голова и виновата — Султанова голова...

Конечно, можно и не трогать было этот нестоящий клочок земли. Урожай, полученный с него, и плевка не стоит, не поднимет до небес славу колхоза. Однако, если подумать, в большом хозяйстве и копейка имеет значение. Если там бросить клочок, здесь пяточок, то что станет с хозяйством?.. За колхоз душой болел, а не из праздных соображений велел Яхшибаю, чтобы он вспахал этот участок. Не поручил же молодым, вчера оседлавшим трактор, дал задание самому опытному, самому передовому механизатору.

Султанов вдруг вздрогнул, внезапно осознав, что ищет для себя оправдания. Будто кипятком его ошпарило, когда вспомнил слова, сказанные накануне Яхшибаю Эргашеву. Их не выхватишь из головы и не выбросишь.

Приехав на поле, Султанов накинудся сначала на бригадира механизаторов Мусабая. А Яхшибай стоял рядом с ним и помалкивал.

— Когда, наконец, вы будете прислушиваться к разумным словам? — говорил раис со злостью, вышагивая взад-вперед, заложив руки за спину. — Я и в прошлом году вам не раз твердил, чтоб это место не пустовало! Чтоб завтра же этот участок распахали! Лично проверю!

Бригадир хотел что-то возразить, но Султанов не пожелал и слушать, прикрикнул:

— Разговор окончен! Вы знаете, какая земля лежит у вас под ногами? Золото, а не земля! По меньшей мере центнеров по пятьдесят возьмем с нее!..

— Урожай урожаем, а джигиты боятся тут работать, Хаитбай-ака, — вмешался в разговор молчавший до сих пор Яхшибай.

— Что-о? И у тебя, оказывается, есть язык? — возмутился раис. — Кто тебя назовет джигитом, а тем более старшим механизатором, если боишься тут пахать? Дай мне твой трактор! Сам вспашу! Целых два гектара чтоб пропадали?.. Два гектара, по-вашему, на улице валяются?

Видать, задел-таки Яхшибая за живое. Ранним утром следующего дня он подогнал трактор к краю оврага и начал пахать...

Кроме бригадира Мусабая, к счастью, никто не слышал того разговора. А Мусабай не глуп, лишнего не сболтнет. Да он и от природы молчалив. За день с десятков слов произнесет... Недаром же люди его прозвали Мусой-немым. И все же... Вдруг взбредет ему на ум кому-то что-то брякнуть. И поскачет его случайное словечко из уст в уста, от дома к дому, обрастая, как тот снежный ком, и доскачет до... Тьфу-тьфу, про то даже думать не хочется!.. Тогда Мусу-немого легко будет превратить и в Мусу-болтуна. Человек иной раз только на первый взгляд кажется скрытным. Если подобрать нужный ключ, то сразу и раскрывается весь, прямо наизнанку выворачивается. А в соответствующих местах умеют подбирать такие ключи — разговорят и немого. Если Мусабай проболтается, мол, раис заставлял Яхшибая, то да се, пиши пропало. И разговоров тогда не оберешься. Как вода камень точит, так ведь и дурные слухи для авторитета. А авторитет потерять после тридцатилетнего пребывания в председателях — все равно что всенародно на полном скаку с коня слететь... Ладно бы, тихо-мирно наказали, а поставят вопрос на общем собрании, что тогда? Тогда и медная копейка будет значить больше, чем ты...

Тревоги и предстоящие хлопоты и заставили Султанова, несмотря на поздний час, появиться в доме своего покровителя Казима Бурханова.

— Ничего. Разговоров никаких не будет, — успокоил его Бурханов. — Выдели материальную помощь семье этого... — как его там? — тракториста. Чтoб были довольны. Детям с устройством поспособствуй... Дом там или той...

— Конечно! Конечно! — закивал Султанов. — Старшую самолично выдам замуж. Или помогу поступить в институт!..

— Вот об этом и намеки им,— посоветовал Бурханов.— Только умеючи. Если будешь навязываться с благодарениями, сразу и подумают, что за собой грешок чувствуешь...

— Что вы, что вы, я сумею...

— И потом, незачем убиваться так. Вон на тебе лица не стало. При чем тут ты, скажи, пожалуйста... Каждый человек свою голову должен иметь на плечах. Если ты велел вспахать эту землю, пускай бы и пахал... сообразно обстоятельствам. Ты же не сказал ему: «Падай в овраги!» Сам должен был думать. Конечно, дело прескверное. Пять-шесть лет будут вспоминать о нем на каждом собрании да перемалывать. Склонять будут и тебя, и твой колхоз, и весь район. Но ничего. Где работа, там и хлопоты.

— Спасибо вам, спасибо. Рахмат.

Потому Султанов и шел сюда, знал, что услышит ободряющие слова. Да, в жизни необходимо иметь надежную опору. Но едва подумал об этом, как изболевшую душу Султанова с новой силой ожгла тревога: «Почему Бурханова не избрали первым секретарем? Ну почему?!»

Он давно хотел этого, полагал, что так и будет, с нетерпением ожидал конференции. Но почти все проголосовали за Усманова. Только двое против. Один из них — Султанов. Кто же второй?.. Султанов поднял на Бурханова изучающий взгляд. И словно бы только сейчас заметил, насколько у того усталый вид. Веки припухли, как после кутежа или бессонницы. Да-а, за последнее время он заметно сдал, тоже переживает, бедняга. «У него своих забот полон рот, а тут еще я... — подумал Султанов.— Вот у кого сердце изболелось, наверное. А виду не подает. Крепкий человек... В районе давно считали, что он станет первым... Где-то сплеховал, где-то не так ступил... А работу знает. С трибуны говорить умеет. И знаниями не обделен. Но кому-то пришлось не по нутру...»

Слегка кружилась голова, и медленно ворочались в ней нерадостные мысли. Он проникся к Бурханову таким нежным сочувствием, что в глазах защипало, ему захотелось обнять его, сказать что-то приятное, чтобы поднять ему настроение. И вдруг вспомнил о сплетне, только что переданной ему по пути шофером.

— Слыхали новость? — спросил он с усмешкой и поправил на бритой голове тубетейку.

— Смотря какую...

Султанов, хотя и был уверен, что в комнате, кроме них, никого нет, все же огляделся. И, помолчав для значительности, понизив голос, проговорил:

— Похоже, наш новый — шустрый малый!..

— Да? С чего вы это взяли?

— Говорят, в гостинице полно молоденьких девочек, хи-хи...

— Что вы, не может быть, — проговорил спокойно Бурханов, однако не сумел скрыть удивления и проскользнувшего в глазах любопытства.

— Истина!.. Одна еще днем приехала в райкомовской машине. В руках чемодан. Говорят, хороша чертовски!..

Бурханов засмеялся, и брови его разгладились. Но тут же посерьезнел:

— Откуда сведения?

— Шофер мой...

— Сказал мне, и будет. Больше никому, ясно?

— Что я, сумасшедший? Или болтун какой? — буркнул Султанов и даже обиделся.

— Девушка, которая приехала с чемоданом, агроном колхоза «Шарк юлдузи». Товарищ Усманов ее встретил на дороге и подвез.

— Что вы говорите?.. — удивился, в свою очередь, Султанов. Правда, не столько подробностям, сколько осведомленности Бурханова.

— Так-то, — сказал Бурханов с иронией. — Она разругалась с Сатыбалды-ака и хотела уехать. Усманов решил ее вернуть в колхоз... А кто сказал подобную чушь вашему шоферу?

— Знакомый один.

— Тавба! Ну и люди! — с огорчением проговорил Бурханов. — Увидят старика и уверяют, что видели твоего деда!

— Я тоже не поверил, — сказал Султанов, пожимая плечами и пытаясь исправить свою оплошность. — Не может же он... не успев проработать и дня...

— Нет-нет, Усманов не такой человек! — оборвал его Бурханов. — Отчитайте как следует своего шофера, пусть не треплет языком, а не то...

— Ясно, ясно, я ему язык укорочу! Если еще раз услышу... Ух! — Султанов погрозил увесистым кулаком. Но тут же сник и виновато опустил голову.

Однако утром своим он чувствовал, что возникшие о новом секретаре толки все же заинтересовали Бурханова. По каким признакам он определил это, и сам не знает.

Может, по радостной искорке, вспыхнувшей в глубине взгляда. Или по злорадному смеху, которого тот не смог удержать?.. Трудно сказать. Но Султанов почти был уверен, что второй человек, проголосовавший против Усманова, это Бурханов. Почему так решил? Кто его знает. Ведь на лице Бурханова каждая черточка, каждая морщинка ему знакома... Да, второй человек, зачеркнувший имя Усманова, без сомнения, он! Но почему только двое оказались против Усманова? Ведь многие хотели, чтобы первым стал Бурханов. К примеру, Сатыбалды-ака, директор совхоза Мухамеджанов, водхоз Садыков... Да мало ли кто еще мотыльком порхал вокруг Бурханова!..

— Наверное, Усманов хороший человек, — после продолжительной паузы нарушил молчание Султанов. — Был бы плохим, не послали бы сюда. Однако... Было бы гораздо лучше, если бы стали вы... Район знаете как свои пять пальцев и людей...

Бурханов помалкивал, задумавшись. Султанов забеспокоился, что опять, может, сказал не то. Спихватясь, продолжал:

— Все же голосование прошло хорошо. За вас сто процентов голосов, за Алиева тоже сто. Против Усманова всего-то два... И вообще конференция прошла удачно. Мне кажется, Искандер Гаипович остался доволен.

— У нас конференции всегда проходят удачно, — медленно выговорил Бурханов, вперив отяжелевший взгляд в противоположную стену, завешанную ковром. — Только я не понимаю тех, кто проголосовал против него. Какой прок? Что решают два голоса? Только немножко омрачили настроение, и все. Человека познаешь в деле. Поживем — увидим. А голосовать против приезжего, который и дня не проработал тут, это же глупо!..

Султанов знал Бурханова как человека решительного, который иногда бывает даже груб с подчиненными. А такой осторожности в нем он никогда не замечал. Даже наоборот, Бурханов нередко шел напролом, не думая о последствиях. И вдруг... его словно подменили. И поговорить откровенно нельзя.

Султанов взглянул на наручные часы. Время приближалось к полуночи. Хлопнув себя по коленям, он поднялся:

— Пойду, пожалуй...

Бурханов не возражал. Лишь кивнул на прощанье. И проводить гостя до калитки, как это делал прежде, не пошел.

Приход раиса лишь усугубил его дурное настроение. С того дня, когда прошла конференция, Бурханов и так наэлектризован. Недаром говорят: «Человек предполагает, а бог располагает». Думал одно, получилось другое. Как был два года вторым, так им и остался. А ведь не сидел сложа руки все это время, заручился поддержкой авторитетных людей района; все шло как будто к тому, что он станет головой. И на тебе! И вот уже который день он места себе не находит. Одолевают тревоги. Почему его приклеили к старому месту? Ведь там, «наверху», его кандидатура в свое время была обсуждена и, как ему стало потом известно, одобрена. В чем причина столь резкой перемены?

Когда он услышал, что Искандер Гаипович привозил в Бадамсай Усманова и что они заезжали к Носиру Пулатовичу, а потом побывали в нескольких хозяйствах района, сердце его екнуло от недоброго предчувствия. Однако по здравом рассуждении он успокоил себя. Вложить огромный район в руки инструктора, проработавшего каких-нибудь два года в обкоме, — событие из ряда вон выходящее. Иногда, конечно, таких людей направляют в район, но не первыми же секретарями. «Может, его прочат на место Алиева?» — подумал Бурханов. Года три назад они вместе с Носиром Пулатовичем выдвинули молодого энергичного директора школы на должность секретаря по идеологии. Конференция избрала его. Алиев взялся за дело с огоньком. В течение года навел порядок в партийном просвещении, поставил на ноги художественную самодеятельность в районном Доме культуры, возобновили свою работу клубы в кишлаках, и в них еженедельно демонстрировались новые кинофильмы. А когда Пулатов ушел из первых секретарей, то Алиев почему-то скис и дела пустил на самотек. Потому Бурханов и подумал: может, обком намечает Усманова на место секретаря по идеологии?

Председатель райисполкома Садыков тоже приходил на ум. В последнее время он слишком часто стал болеть. Обком конечно же знает об этом. «Может быть, на его место?..» — рассуждал Бурханов. Однако несмотря на то, что он все время старался себя успокоить, до самого начала конференции в глубине его души жила тревога. И предчувствия не обманули. Он и не помнит теперь, как смог высидеть до конца конференции и на собрании актива, откуда у него взялись силы казаться спокойным, внешне бесстрастно выслушивать выступления товарищей.

Сколько ни ломал себе голову Бурханов, не мог взять в толк, в чем его ошибка. За те восемь месяцев, что он замещал Носира Пулатовича, район ни по одному вопросу, ни по каким показателям не огорчал вышестоящих организаций. Хлопок удался на славу. Выполнены и план, и соцобязательства. Если только животноводство... Оно, правда, не получило особого развития, но и не хуже, чем у других. И строительство в районе идет вроде бы неплохо. Конечно, недостатки имеются, но у кого их нет. Большинство из них — мелочи, которые то вроде бы исчезают, то вновь возникают, как грубое перо из подушки. Но непосредственного отношения к ним Бурханов не имеет. То есть отношение-то, конечно, имеет, как всякий руководитель района, но лично не может нести за них ответственность...

Бурханов еще и еще раз перебирал в памяти поручения, данные ему за последние восемь месяцев обкомом и лично Искандером Гаиповичем. Все до единого выполнены!.. На чем же зуб сломал? Что сделал не так?.. Не находя ничего, за что можно было бы его упрекать, винил в душе Гаипова и весь аппарат обкома. «Вот она, цена моим стараниям, — сокрушался он. — Работаешь до седьмого пота, забываешь о доме, о семье, об отдыхе, а никто и спасибо не скажет! Никто с тобой и не считается!.. Молокососа, только вчера научившегося вытирать сопли, ставят над тобой начальником! Эх, жизнь...»

Он не раз встречал Усманова, когда бывал в обкоме. И почему-то сразу почувствовал к нему антипатию. Такие мужчины, пожалуй, нравятся женщинам. А ему вот Усманов не понравился. Хотя видный, с острым внимательным взглядом; начавшие сесть виски придавали его лицу, и без того серьезному, еще большую значительность. Усманов чем-то напоминал Бурханову его собственную молодость. Быть может, встречаясь с ним, Бурханов попросту вспоминал о минувших годах, сожалел о безвозвратно утраченном, отсюда и раздражение? Всего каких-то двадцать лет назад и он был таким же чернобровым, черноглазым, стройным парнем с серебром на висках. Все спорилось, за что ни возьмется. После окончания партийной школы сразу начал работать заведующим отделом в обкоме, а не каким-то там инструктором. Не минуло и года, его направили в Шодликский район. Вторым. Он работал на совесть. О нем всюду говорили только хорошее. Но он тогда и в мыслях не допускал стать первым... Эта мечта появилась позже. Значительно позже...

Шли годы. Его переводили из одного района в другой. Но он так и оставался вторым секретарем. И вот... восемь месяцев назад, когда Пулатов заболел и фактически отошел от дел, возложив на него руководство районом, он вдруг подумал: «А почему бы мне не стать первым?.. Не боги же горшки обжигают».

Он чувствовал, что там, «наверху», о нем не забывают, приглядываются. Уже долгие годы приглядываются. И почему-то не дают самостоятельности. Что их не устраивает? Уровень его знаний? Или сомневаются в его уменье руководить?..

И вот, казалось, настал самый удобный момент проявить себя, доказать, что руководить умеет не хуже других. Старался, из кожи лез. И вот благодарность. Прислали!..

Бурханов понимал, что не по своей воле приехал сюда Усманов, а по поручению обкома, но все же простить ему не мог, что он явился на все готовенькое. Он, Бурханов, покоя не знал, пестовал в районе и специалистов, и хозяйства, а этот — на тебе! — пришел и сел в хозяйское кресло!..

Вспомнилась сплетня, переданная Султановым, и подумал злорадно: «Плохи твои дела, если с первого дня о тебе такие слухи пошли...»

Любой руководитель, как и всякий другой работник, может ошибаться, иметь недостатки. В ошибках разберутся, слабости простят. Лишь при наличии одного из трех пороков ни один руководитель не может надеяться на снисхождение — по своему многолетнему опыту Бурханов это хорошо усвоил. Первый такой порок — пьянство, второй — взяточничество, третий — распутство... Усманов еще не успел начать работу, а уже попался на крючок, разговоры пошли. Если же эти слухи направить по верному руслу...

Быстрая, молнией пронесшаяся мысль заставила Бурханова вскочить с дивана и подсесть к столу. Резко сдвинув локтем посуду в сторону, он притянул к себе стопку бумаги, схватил привычно авторучку с красными чернилами. Однако, поразмыслив, отложил ручку и взял простой карандаш. Он дрожал от возбуждения. Черное острие карандаша уперлось в бумагу. Но во дворе в этот момент резко прокричал петух. Бурханов вздрогнул и посмотрел в окно. Там еще была ночь, и окно казалось занавешенным черным бархатом. Петух захлопал крыльями и прокричал еще раз, теперь потише и напевнее.

— Еще рано... — вслух проговорил Бурханов. — Рано еще...

И с маху бросил карандаш на чистую бумагу.

VII

Хотя дни заметно прибавились, светало еще поздно, и, когда Усманов вышел из гостиницы, едва только проснулась и завозилась пара горлинок, облюбовавшая себе место для гнезда под стрехой веранды. У входа, сидя на табуретке и прислонясь к стене, дремал старик вахтер. Небо было шелковисто-голубое, без единого облачка. Восточная сторона шиферных крыш, макушки чуть зазеленевших уже деревьев ярко высветило розовым лучом восходящее солнце. По пустынной, еще погруженной в прохладную тень улице, гремя железными ободьями огромных колес, проехали две арбы, груженные сеном.

Усманов с наслаждением глубоко вздохнул, ощущая прохладу и сладость утреннего воздуха, и направился в райком. Вчера с самого утра были скомканы все его заметки на день. Несмотря на это, и сегодняшние свои дела он распланировал заранее. И, что бы ни случилось, он должен их осуществить. Первым делом вернуть в колхоз молодого специалиста. Он постарается сам отвезти девушку, как и обещал. Заодно познакомится с хозяйством. Теперь так устроена его жизнь — одно дело влечет за собой другое, из первого мероприятия вытекает следующее. Важно, как говорит Искандер Гаипович, научиться отделять важное от второстепенного и суметь дать людям большую самостоятельность. Тогда и самому будет работать легче.

Перед райкомовским подъездом, прямо на ступеньках, залитых солнцем, несмотря на ранний час, недвижно сидел кто-то, сгорбясь и скрестив по-восточному ноги. По-видимому, человек сидел здесь давно. Края ушанки были опущены, завязаны под подбородком, озябшие руки сунуты в рукава черного чапана. На посланной перед ним тряпичке что-то ярко поблескивало в лучах солнца. Недоумевая, кто бы это мог быть, Усманов подошел ближе и увидел перед собой глубокого старика со сморщенным, как высухшее яблоко, лицом и слезящимися глазами. А на белом, тщательно отглаженном платке лежали тончайшей работы ювелирные изделия.

— Ассалом алейкум, ота ¹.

¹ Ота — отец.

В ответ старик еле приметно кивнул головой, но не глянул.

— Что это за вещи, ота?

— Не видишь разве, сынок, зачем спрашиваешь? — недовольно прошамкал старик.

— Продаете, что ли?

Внимание Усманова было приковано к украшениям, и он не заметил неудовольствия старика. Присел на корточки, чтобы получше разглядеть изящные брошки в виде жуков, бабочек, пауков с вкрапленными мелкими разноцветными камешками, резные деревянные и роговые гребешки, золотые перстни с красными, голубыми, зелеными камешками различной формы, всевозможные серьги и другие серебряные, бронзовые, золотые изделия. Ему особенно понравился браслет — змея с поднятой головой, изготовившаяся к броску. Он не удержался и взял его в руки, любуясь.

— Они продаются, я спрашиваю?

— Э-э, сынок, ну что ты пристал? Иди своей дорогой. У меня тут дело. Для продажи есть же базар, братец!

— Какое дело? Может, чем помогу? — сказал Усманов, не отрывая взгляда от браслета, поворачивая и так и эдак, любуясь его игрой на солнце.

Старик медленно поднял голову, окинул незнакомца оценивающим взглядом; на озабоченном лице его скользнуло выражение любопытства, в бесцветно-водянистых глазах мелькнул и пропал радостный свет. И тотчас уголки его рта изогнулись вниз в недоверчивой улыбке.

— Что, хороши?

— Еще как хороши! Очень!.. — с чувством произнес Усманов. Эти украшения напомнили ему далекое прошлое, археологические раскопки на холме Дальверзинтепа. — Где вы их нашли?

— Нашел? — изумился старик. — Где их найдешь? Мои они! Я сам их сделал!

— Вы ювелир?

— Да, ювелир! И отец был ювелиром! И отец моего отца был ювелиром! И прадед, и прапрадед тоже считались славными мастерами и были известны от Карши до самого Туркестана! Самым неудачливым оказался я! Жду Бурханова...

— Зачем?

Старик вдруг с юношеской легкостью вскочил на ноги.

— Будто я испикулян! Слышишь, ис-пи-ку-лян! Я, Мамашариф-ювелир, стал испикуляном? Вчера обахес

опечатал мой дом. Говорит, конпис... тьфу, отберет мое имущество, а меня изгонит из района. Такое распоряжение Бурханов дал. Вот так-то, братец! Но еще не родился тот, кто может меня прогнать из собственного дома. Если меня не знает обахес, не знает Бурханов, то меня знает Москва. Вот гляди!

Старик достал из-за пазухи тряпичный сверточек и дрожащими руками развернул. Из кипы пожелтевших, потершихся бумаг, писем, напечатанных на машинке, он отделил кусок газеты и протянул Усманову:

— Читай! Женщина приезжала из Москвы. Она написала. А потом собственноручно послала мне!

Ключок газеты оказался вырезкой из газеты «Советская культура». В заметке под заголовком «Народный умелец» давалась высокая оценка ювелирным изделиям, изготовленным потомственным мастером Мамашарифом-ота Кадыровым. И говорилось, что эти изделия могут украсить любой музей искусств.

— Знают меня и в Ташкенте! — говорил старый мастер, часто переводя дыхание. — Ты слышал про артистку Тамару-ханум? Она сама приезжала ко мне и заказала диадему с подвеской. А потом выступала с этой подвеской по телевизору. Я сразу узнал подвеску, которую своими руками сделал... И вдруг я оказался ненужным Бадамсаю, где родился и вырос!..

— Успокойтесь, ота, — мягко проговорил Усманов. — Вас никто не обидит. Пойдемте со мной.

— Куда? И на шаг не сойду с этого места! Я должен увидеть Бурханова...

— Увидите. Сейчас придет. Соберите свои вещи.

С этими словами Усманов стал заворачивать в платок украшения. Его взволновала встреча с этим необыкновенным человеком. Если ему предоставить условия, он же может создать настоящие шедевры!..

— Ученики есть? — спросил Усманов, вкладывая в руки старика сверток и сделав знак, чтобы он следовал за ним.

— Е-есть. Моя старушка! — горестно сказал старик, семена следом. Усманов придержал дверь, пропуская его вперед. — Спрашиваешь про учеников. Где уж там ученики, когда меня самого хотят прогнать как испикуляна!.. Если б они были, ученики! Сколько мне осталось жить, один бог знает. Мое ремесло, видно, окажется вместе со мной в могиле. Несколько раз ходил в райисполком, в райсобес...

— В собес-то зачем?

— А куда же мне? Одна дорога — в мелицу?! — сказал старик с укором в голосе. — Садыков в последний раз сказал: «Ота, я в этих вещах не разбираюсь, сходите к Бурханову». Я и пошел. Три-четыре раза приходил, пока нашел его. Нашел и попал в беду. Молча выслушал меня и позвонил по телефону. «Что за безобразие? — говорит. — В районе, у вас под носом, сидит испикулян и торгует золотом!..» А мне сказал, мол, идите, вами займутся... Наутро узнаю, он, оказывается, позвонил в мелицу. Весь дом перевернули вверх дном. Ничего не нашли. Остались мы со старухой перепуганные и в слезах, слова друг дружке сказать не можем... Раньше золото считалось благородным металлом. Только самые искусные мастера с ним дело имели. А теперь с ним работать грех, да? Ну и что, если золото? Если оно у кого-то есть, зачем прятать, пусть принесят. И из золота я делаю многие изделия — одно загляденье! Я смастерил для Тамары-ханум и артистки Тургунбаевой из их золота такие серьги, что эта самая женщина из Москвы, увидев эти изделия, только ахнула, а потом в газете написала. И Тамара-ханум обрадовалась. Сто рублей заплатила мне. Я своей старухе и себе на эти деньги купил сапожки и галоши. Вот эти, в которых и поныне хожу. За всю жизнь я не заработал ни копейки бесчестным путем, ничего лишнего не имею. А они отобрали мои инструменты. Среди них были недоработанные подвески, тумары, которые носят засватанные девушки. Мол, будем конпис... конписковать... Я сказал, я сам с вами поступлю так...

Войдя в кабинет, Усманов жестом указал старику на стул, бросил на стол шляпу и, даже не снимая плаща, набрал телефонный номер председателя райисполкома.

— Кудрат Саймович? Салам. Вы знакомы с делом ювелира Мамашарифа-ота Кадырова? Спекулянт?.. А это проверено?.. Если трудно доказать, то к вам такая просьба: пусть старика не трогают. Там, дома, у него опечатали мастерскую. Дайте команду, чтобы открыли. Что? Да, слушаю... По распоряжению Казима Бурхановича? Я с ним переговорю. Видимо, получилось недоразумение. Мамашариф-ота сейчас будет у вас. Хорошо. Потом подумаем, что можно сделать. Если мы не сможем найти применения его самобытному мастерству, то, конечно, может начать и приторговывать: жить же как-то надо. Прикиньте, где и как его использовать. Все. Да, кстати... там кое-что забрали у него, пусть все возвратят... Договорились.

Усманов тихо опустил трубку и посмотрел на старика, как бы спрашивая: «Вам все понятно?»

— Сынок, кто ты?.. Извините, кто вы? — растерянно спросил старик.

— Здесь работаю, — улыбнулся Усманов. — К вам просьба, ота. Найдите себе учеников. Не одного, а пятерых, десятерых. Пусть молодежь учится вашему ремеслу. Среди них найдутся, думаю, и талантливые, которые смогут каждое изделие превращать, как и вы, в произведение искусства.

— Найду! — пообещал старик, поднимаясь. — Найду талантливых. Я подготовлю таких учеников, которые превзойдут в мастерстве и меня!

Лицо старика просветлело и теперь казалось помолодевшим.

— Сейчас ступайте в райисполком. Зайдите к товарищу Садыкову, — сказал ему Усманов, направляясь к вешалке, на ходу снимая плащ.

— Хорошо, сынок. Дай бог вам долгой и счастливой жизни!

— До свидания, ота.

Старик торопливо направился к двери, но, взявшись за ручку, обернулся, словно забыл что-то еще сказать:

— Сынок... А вам от этого Бурханова не попадет, нет?

— Не беспокойтесь. Работайте спокойно.

Усто¹ Мамашариф-ота еще раз поклонился и покинул кабинет.

В коридоре послышались женские голоса, смех, кашель. В райкоме начался рабочий день. В кабинет порывисто вошла Малохатхон:

— Ой, вы уже здесь?.. Салам, Дамир Усманович! Вам заварить чаю?

Усманов улыбнулся и кивнул. Он еще не завтракал и был благодарен девушке за догадливость.

— Потом соедините меня с колхозом «Шарк юлдузи», — сказал он.

Секретарша уже затворяла за собой дверь, когда Усманов опять остановил ее:

— Малохатхон!.. Скажите товарищам, пусть каждый день по утрам приносят мне районную газету «Алга» и прогноз погоды, хорошо?

— Хорошо, — кивнула девушка и замялась, словно испытывая неловкость. — Прогноз погоды нам доставляют

¹ Усто — мастер.

всегда вовремя. Я сама буду заносить вам. Но газета... газета не всегда выходит утром. Хорошо, если к полудню... Сегодня, наверное, тоже выйдет поздно...

— Почему? — удивился Усманов.

— Казим Бурханович был занят и задержал материалы. Поздно просмотрел...

— А что, Казим Бурханович просматривает все газетные материалы? — еще более изумился Усманов.

— Да, конечно. Просматривает и подписывает. Только после этого несут в типографию. С самой весны... с марта такой порядок.

— Зачем же он это делает?

— В номере за восьмое марта была допущена политическая ошибка.

— Что за ошибка? Нельзя ли подробнее?..

Малохатхон кашлянула, выпрямилась, словно собирается прочесть наизусть стихотворение, и начала говорить высоким громким голосом:

— В день Международного женского праздника Восьмое марта газета «Алга» обнаружила свою политическую близорукость и, вместо того чтобы в этот день напечатать достойные передовых женщин очерки, зарисовки об их самоотверженном труде и вкладе в международное женское движение, раскритиковала отдельных женщин нашего района, опубликовав о них фельетон. Фельетон обсуждался на бюро райкома и признан неправильным. По отношению к его автору и редактору газеты приняты строгие меры.

«Наверное, слова из решения райкома, которые ей, бедняжке, не раз пришлось перепечатывать», — подумал Усманов, вслушиваясь в звонкий голос секретарши...

— А вы сами читали этот фельетон?

— А как же! Очень хороший фельетон! — И, спохватившись, что сказала впопыхах не то, Малохатхон вскрикнула «Вай!» и прикрыла рот ладонями.

Усманов рассмеялся.

— Ну и что в нем было хорошего? Говорите, не стесняйтесь.

— Ой, Дамир Усманович, простите! Я хотела сказать... он хорошо был написан, хорошим языком. А материал я не имела в виду.

— Я так и понял, — успокоил ее Усманов. — О чем же фельетон?

— Вы знаете, на целую страницу! В нем критиковались женщины, которые бегают по магазинам, заводя зна-

комства с продавщицами, охотясь за красивыми нарядами, и не делают ничего полезного для общества.

— Конкретные лица имелись в виду?

— Да. Фамилии, правда, изменены, но в них без труда можно было узнать... — Малохатхон прыснула. — Простите, Дамир Усманович, но фельетон был такой смешной!.. Почему-то каждый из наших руководящих работников решил, что речь идет о его собственной жене и дочерях. Имена совсем другие, а они — нет, узнают своих! Вай, какой был скандал! Люди ищут газету, а газеты уже нет. За час вся разошлась. Казим Бурханович так рассердился, так разгневался!.. В тот же день созвали бюро и хотели снять с работы редактора. Но ограничились объявлением строгого выговора.

— А кто написал этот фельетон?

— Мирхайдар Барат, сотрудник газеты. Он и стихи часто пишет, рассказы. Еще молодой, а такой способный парень. В ташкентском пединституте учится заочно. На бюро его тоже вызывали... С тех пор в газете не печатали ни одного фельетона. — Помолчав, девушка спросила: — Мне можно идти?

— Да, конечно.

Усманов задумался. Он вспомнил, что Муслим-ака был обеспокоен именно этой газетой, но тогда Усманов не придавал его словам особого значения. «Надо заняться, — решил он, внося пометку в блокнот. — Надо немедленно отменить порядок, при котором райком знакомится с каждым материалом газеты. В противном случае какая же нужда в редакторе?.. Райком должен ознакомиться с планом работы редакции, утвердить этот план на бюро и контролировать его выполнение. Можно просматривать некоторые передовые статьи, но не все же материалы...» В свое время он слышал, что Бурханов — человек деспотичный, крутой и любит власть, однако не предполагал, что это будет проявляться столь откровенно. Правда, и Искандер Гаипович с Носиром Пулатовичем предупреждали Усманова. Носир Пулатов, хотя еще и не знал, что Усманов приедет в Бадамсай, как инструктору обкома признался ему: «С этим человеком идти в разведку опасно, я бы не хотел, — полушутя-полусерьезно сказал он, когда невзначай зашла речь о Бурханове. — Слишком зычно команды отдает!»

«Неужели не сработаемся? — подумал Усманов. — С первых же дней разногласия. Что потом?..»

Зазвонил телефон. В трубке послышался рокочущий голос Сатыбалды Полвонова:

— Салам алейкум, товарищ Усманов. Слушаю вас.

Тон знатного раиса, Героя Социалистического Труда, старого хлопкороба был несколько холоден и грубоват. Усманов мысленно усмехнулся, догадываясь, в чем дело. Но старался говорить возможно мягче, чтобы не задеть его самолюбия:

— Как вы там, Сатыбалды-ака? Поздравляю с окончанием подъема зяби!

— Благодарствую. Рахмат.

— Мне хотелось повидаться с вами. Однако вчера не представилась такая возможность. Если сегодня приеду, не обременю?

— Пожалуйста. Когда?

Усманов взглянул на часы:

— Через час.

— Жду.

Сатыбалды-ака положил трубку.

Да, с такими людьми будет нелегко работать. Привыкли делать что хотят. За короткое время пребывания в Бадамсае Усманов понял, что «руководители со стажем», «знатные» обладают значительно большими правами, чем остальные, и составляют как бы отдельную касту. Проницательному человеку нетрудно было это заметить уже на партконференции. Они держались всегда вместе, вместе обедали, вместе отдыхали, даже в президиуме восседали рядом. Разумеется, и Казим Бурханович только с ними... А остальные руководители — председатели средних колхозов, директора совхозов — тоже держались особняком. Молодые, те вообще собирались в сторонке, ровно бы чувствовали себя чужими и старались по возможности скорее отправиться по домам.

Директор совхоза имени Икрамова Джура Муминов, смуглый молодой мужчина, похоже, ровесник Усманова, на протяжении всей конференции явно чувствовал себя неспокойно, ерзал на месте, то и дело поглядывал на часы. Как только конференция закончилась, он направился к двери. Не задержав его Искандер Гаипович, он, не теряя ни минуты, помчался бы в совхоз. А Искандеру Гаиповичу давно хотелось с ним потолковать по душам.

Джура Муминов приехал в Бадамсай после окончания института. Его сразу же назначили агрономом совхоза имени Икрамова. Спустя год он возглавил одну из отстающих бригад и поднял урожайность хлопка до сорока пяти

центнеров с гектара. К нему стали приезжать со всей области позаимствовать опыт.

Носир Пулатов, учитывая молодость Муминова, его задор, организаторские способности, пригласил его в райком инструктором. Два года проработал Муминов в райкоме. Старался. Но окружающие видели, что его манит к себе простор полей, вольный воздух предгорий, где колосятся яровые. Он никак не мог и часа усидеть в кабинете. Найдя повод, уезжал и неделями пропадал в отдаленных колхозах и совхозах. Пулатов намеревался предложить ему место заведующего отделом, а затем рекомендовать и секретарем райкома. Но при первом же намеке на это Муминов наотрез отказался. «Направьте лучше меня в любой колхоз или совхоз, мое место там!» — попросил он.

Как раз в это время директор совхоза имени Икрамова защитил кандидатскую диссертацию и собирался перейти на научную работу. Он давно хотел заняться только наукой, но Пулатов никак не мог подобрать ему замены и не давал согласия. Дело даже дошло до того, что вмешалось министерство...

«Что ж, — сказал Пулатов Джуре Муминову, — пусть будет по-твоему». И рекомендовал его директором совхоза, где он когда-то и начинал работать.

И вот уже три года Муминов руководит этим совхозом. Но за все это время хозяйство никто не хвалил, никто не ругал. Словно забыли все о нем. Совхоз, не сходявший в прежние времена со страниц газет, как бы исчез из поля зрения. По всем показателям он, конечно, план выполнял, но особого сдвига к лучшему не наблюдалось. А о некоторых затеях нового директора даже ходили странные слухи. Наслышавшийся о них Искандер Гаипович собирался поговорить с Джурой Муминовым, да никак не выпадало случая. И, увидев, как тот после конференции направился к выходу, он даже обиделся.

— Что так торопишься? Малые дети дома ждут? — спросил он, беря директора под руку.

Муминов смущенно улыбнулся:

— Не домой, на ферму.

Услышав слово «ферма», Искандер Гаипович сразу вспомнил о странных разговорах вокруг имени Муминова, усмехнулся:

— Говорят, ты везде скупаешь и пригоняешь к себе лошадей. Что, хочешь изменить профиль совхоза? Твоих людей видели в Ростове-на-Дону. Будто они во весь опор и с гикапьем скакали по улицам города...

— Узбеки же прирожденные наездники. Разве плохо, если они садятся на коней? Тем более если на хороших — карабаиров, буденновской породы, ахалтекинцев? — в тон ему ответил Муминов.

— Значит, ради этого ты и скупаешь повсюду хороших коней? И сколько их набралось у тебя?

— Немного. Пока десять. Зато каких! Такие кони могут прославить нас на всю республику!

— И все же? Что ты собираешься делать? Объясни.

— Как вам сказать... В республике существует несколько конноспортивных школ. Одна есть и в нашей области, так ведь?

— Ну?

— Кроме того, есть киностудии, телестудии. Так ведь?

— Ну? — Искандер Гаипович кивнул, все еще не понимая, куда клонит собеседник, и гадая, какое имеют отношение к совхозу всякие там студии и спортивные школы.

— Я не помню фильма, в котором не участвовали бы лошади. Я уже не говорю про фильмы о гражданской войне. Там и красноармейцы, и басмачи — все верхом. Каждый год по меньшей мере выпускается один такой фильм. Так ведь?

— Ну так, так! Однако какое отношение все это имеет к тебе?

— Самое непосредственное, — убежденно произнес Муминов. — Для съемок всех этих фильмов, для спортивных школ нужны хорошие кони? Нужны. А их мало. Не хватает. Вот я и хочу поставлять таких лошадей. Мы подсчитали — за три года все расходы окупятся; вдобавок мы получим столько же прибыли. — Подождав, не возразит ли чего секретарь обкома и с беспокойством поглядывая на него, Муминов взволнованно продолжал: — Еще одна мысль имеется, Искандер Гаипович... Хочу организовать фермы по производству кумыса. Обеспечу кумысом весь район, а затем и всю область. И тут одна польза. Разве я не прав?.. Совхоз наш подле самых гор, для табунов простор! Почему бы не заняться?..

Искандер Гаипович не ответил. «Если бы все руководители хозяйств были столь деятельны! — подумал он. — Заботились бы о народных деньгах да прибавляли копейку к копейке!.. Необязательно хватать звезды с неба, соизмеряли бы действия с возможностями! Были бы сэкономлены миллионы и миллионы народных денег. Да что сэкономлены — приумножены!..»

— Райком знает? — спросил он.

— Райком... — усмехнулся Муминов. — Товарищ Бурханов признает только плановые работы, обсужденные и утвержденные... — В голосе Муминова прозвучала обида. — Может быть, теперь... Не знаю... Новый секретарь, мне кажется...

Муминов умолк на полуслове, решив не продолжать. Искандер Гаипович протянул ему на прощанье руку и посоветовал:

— Поговори с Усмановым. Скажи, что разговаривал со мной. А теперь... что ж, отправляйся на свою ферму.

Муминов молча ответил на рукопожатие, его взгляд выражал признательность.

По пути в город Искандер Гаипович поведал Усманову о своей беседе с Муминовым и посоветовал всячески поддерживать инициативу таких руководителей. На них он и должен опираться, проводя в жизнь свои планы. Когда будет налажен крепкий контакт с молодыми, но деятельными руководителями и дела их хозяйств пойдут в гору, тогда и «знатные» последуют за ними. Кое-кто, привыкший к постоянному вниманию к своей персоне, конечно, будет недоволен и станет пытаться по-прежнему гнуть свою линию, таких нужно суметь поставить на место, направить по верному пути. Но не приведи бог проявить при этом бесхарактерность!..

Думая о том, что в ближайшее время следовало бы повидаться с Муминовым и ознакомиться на месте с его начинаниями, Усманов вышел из-за стола.

Появился Бурханов.

— Уходите? — спросил он, здороваясь за руку.

— Хочу съездить в «Шарк юлдузи». — Усманов был вынужден вернуться и снова занять свое место; он показал на кресло: — Присаживайтесь.

Взявшись за подлокотники, Бурханов устало опустился в кресло и иронически засмеялся:

— Нажаловалась девушка-агроном?

Усманов бросил на него быстрый взгляд. «Кажется, в районе нет ничего такого, о чем бы этот человек не знал», — подумал он.

— Да. Хочу помирить ее с райсом. Инициативная девушка и, кажется, знающий агроном. Чем больше у нас будет таких специалистов, тем лучше.

— Верно, — согласился Бурханов. — В прошлом году по этому вопросу мы обратились в Госплан. У нас нехватка и агрономов, и зоотехников, и инженеров-строителей. Но...

как бы вам сказать, — смуглое, почти коричневое лицо Бурханова приняло озабоченное выражение. — Правильно меня поймите, напрасно вы собираетесь это сделать...

— Почему?

— Сатыбалды-ака ни за что не отступит от своих слов. Я его хорошо знаю. Мне не хотелось бы, чтобы вы оказались в неловком положении.

Усманов положил руки на стол, сцепил пальцы. Он это всегда машинально делал, если в чем-то колебался. «А не получится ли в самом деле, как он говорит? Сразу по всему району станут злословить: «Новый секретарь не сумел настоять!..» Ну и что? Пусть болтают! На работе все бывает. Кто барса боится, тот в горы не ходит».

— Ладно, — сказал наконец Усманов. — Съезжу посмотрю. Если прав раис, то агроному найдем другую работу... У меня к вам просьба, Казим Бурханович...

— Пожалуйста, — Бурханов посмотрел ему в глаза.

— Трагедия в «Максиме Горьком» не должна остаться без последствий. На очередном бюро мы рассмотрим это как отдельный вопрос. Если бы вы сами подготовили его...

— Да-а, — вздохнул Бурханов, отводя взгляд, и на его лице опять появилось выражение озабоченности. — Скверное дело случилось... Врачи говорят, человек останется инвалидом. Повсюду только и разговору об этом происшествии. Но разговоры разговорами, а семье какво? Шестеро детей, мал мала меньше... Я велел Хаитбаю-ака, чтобы оказывал его семье постоянную помощь. Он ходит сам не свой, бедняга... Я тоже такого мнения, Дамир Усманович. Надо вынести на бюро, чтобы другим был урок. Пусть научатся быть предусмотрительными.

— Это одна сторона вопроса, Казим Бурханович. Вторая — придется сурово наказать виновных. Иначе разговор останется разговором.

Бурханов отвел в сторону рассеянный взгляд.

— Насколько мне известно, это обычный несчастный случай, Дамир Усманович. Какие тут могут быть виновные? Можем строго предупредить, принять какие-то профилактические меры, но наказать... Извините меня, это невозможно, не имеем права. Правильно меня поймите...

— С юридической точки зрения, может, вы и правы, — согласился Усманов, чувствуя, как в нем начинает вскипать гнев. — Но есть еще и другой судья — наша совесть. Один приказал, другой стоял в стороне сложа руки, хотя

и знал, что работать здесь опасно!.. Ладно, вернемся к этому вопросу на бюро.— Взглянув на часы, Усманов встал, давая понять, что времени у него в обрез. Направляясь с Бурхановым к двери, он вдруг остановился.— Кстати, в нашем районе, оказывается, есть удивительный мастер. Ювелир. Мы с ним случайно познакомились. Золотые руки. Его поделками мог бы гордиться любой музей. Вы видели его изделия?

— Слышал. Однако...

— Мало слышать. Вы посмотрите! Будете довольны, ей-богу. Покажите вашей супруге! Я тоже хочу приобрести у него какую-нибудь вещицу. Но вот... у такого мастера нет условий для работы. Я сказал Кудрату Саймовичу, он обещал помочь...

Они вышли из кабинета. Бурханов пропустил его к выходу, пересек приемную и вошел в свой кабинет. С маху опустился в кресло и тяжело вздохнул. Настроение с утра было испорчено. Усманов не внял ни одному из его советов. Что ж, не приняв первого совета, он сделал хуже себе. Переубедить Сатыбалды невозможно. Легче задержать падающую скалу, чем повернуть вспять Полвонова... А что касается происшествия в «Максиме Горьком», то он прав, черт возьми. Виновный имеется. Налицо виновный. «Почему я сам не завел разговора об этом? Зачем было ждать, пока он скажет?.. Теперь так и тащиться у него на прицепе?» Думая об этом, Бурханов все более злился на самого себя. И это дежурство! Усманов установил постоянное дежурство по райкому. Неужели такое пустячное дело не мог решить сам? Не приходило в голову? Приходило! Мог и должен был давно установить эти круглосуточные дежурства в райкоме!..

Бурханов с силой опустил кулак на стол. Посидел несколько минут в задумчивости, откинулся в кресле и закурил сигарету. «Началось,— думал он, глядя, как синие колечки дыма медленно всплывают к потолку и тают.— Однако... В народе говорят, что прыткий теленок бегаёт до хлева... Бурханов не молодое деревце, которое можно гнуть и в ту и в другую сторону, Бурханов — платан, его и ураган не согнет!..»

Он резко встал, обошел вокруг стола и нажал на кнопку селектора:

— Малохатхон! Найди мне Султанова. Хоть из-под земли!

Старик ювелир не выходил из головы. «Надо показать его изделия Пугаченковой, — подумал Усманов, торопливо спускаясь по лестнице. — Они ничуть не хуже тех украшений, которые мы нашли на Дальверзин-тепа. Тогда они произвели целую сенсацию в ученном мире. Эти, конечно, новые, но и от них веет духом древности. Люди, по-видимому, еще толком не разглядели и не успели их по-настоящему оценить. Хотя что это я? Тамара-ханум, Муккарама Тургунбаева ведь поняли, что перед ними не ремесленная поделка, не примитивная стилизация под старину, а настоящее искусство!.. Нет, надо купить что-нибудь для Хафизы. Может, даже тот браслет в виде змеи...»

На улице было прохладно, как и утром, хотя ярко светило солнце. На скамье возле пожелтевшей клумбы сидели, беседуя, девушка из «Шарк юлдузи» и шофер.

— Ну, Халидахон, как спали? — спросил Усманов, здороваясь с ней за руку. — Значит, едем?

— Едем, — ответила девушка и смущенно отвела глаза. — Дамир Усманович, вчера я наговорила много лишнего. Со зла... Простите меня.

— Ничего. Все это сегодня выскажете самому райсу.

— Вай! Тогда и в самом деле придется бежать из колхоза! — воскликнула Халида и засмеялась.

То ли ямочки на ее тугих розовых щеках, то ли тонкие тени по углам налитых и темных, как спелая черешня, губ напомнили ему что-то знакомое. Он быстро отвернулся и направился к машине. Хафиза тоже смеется в точности так, переливчато, весело, словно звенит бьющий из-под земли родник!

— Поехали! — бросил он, садясь на переднее сиденье.

Машина тронулась. Усманов отогнал мысли о жене, и его опять всецело захватили беспокойные раздумья о делах района, о газете. Беседуя только что с Бурхановым, он намеренно не обговорил с ним положение районной газеты. Ясно было одно: что порядок, установленный Бурхановым после случая с фельетоном, неверен. Но он еще не был готов к разговору на эту тему. Придется сначала съездить в город, чтобы зайти в областную газету и посоветоваться с Исмаилджаном.

Вскоре они свернули с асфальтированной магистрали на колхозную дорогу, покрытую щебенкой, и почти сразу увидели по обеим сторонам широкой улицы, обсаженной молодыми деревьями, одинаковые, словно бусины в оже-

релье, побеленные дома с шиферными крышами и с еще не крашенными крылечками.

— Кишлак?.. Что-то не припомню,— недоуменно проговорил Усманов.

— Это новый кишлак! — весело сказала Халида.— Сюда пока что переехало всего четыре или пять семейств. Я тоже здесь живу. Смотрите, какие хорошие домики! — Она облокотилась о спинку переднего сиденья и, поглядывая то вправо, то влево, восторженно рассказывала о новом селении сидящему впереди Усманову: — И все одинаковые. Три комнаты и айван¹. Двор — шесть соток. Весной вдоль улицы — видите? — всем колхозом сажали чинары. А сад во дворе каждый посадит себе сам. Какие деревья нравятся, такие и посадит. И через два-три года это место знаете каким красивым будет! Вон там новый клуб. А справа от него школа. Уже и водопровод провели. Только еще газопровода нет. Пока нет. Пользуемся природным газом...

— Сколько домов готово?

— Более сорока. Сатыбалды-ака собирается сюда переселить всех жителей Ширмансая. А Карасу рядом. Со временем наш кишлак и Карасу сольются, и название останется общее — «Шарк юлдузи». Почти все жители нашего колхоза будут жить в одном месте. Здорово, правда? Работать на дальние участки людей будет отвозить автобус...

«Действительно здорово! — подумал Усманов, восхищаясь способностями Полвонова вести хозяйство.— В «Максиме Горьком» тоже кишлаки разбросаны по всей огромной территории колхоза. Если у них там в перспективе нет таких планов, придется сюда привезти парторга, раиса и показать...»

— Остановите,— попросил он шофера.— Давайте посмотрим.

Машина съехала на обочину и стала.

Усманов перепрыгнул через арык и дорожкой, засыпанной красноватым песком, приблизился к дому. Да, строились основательно. Фундаменты высокие, из красного кирпича. По ступенькам, еще пахнущим свежими досками, он поднялся на айван. На одном из опорных столбов кто-то из ребят написал мелом «М+С=Л». Усманов улыбнулся. Пустой дом уже казался обжитым.

¹ А й в а н — веранда.

В углу двора под навесом сооружена летняя кухня. Даже тандыр¹ сделан и, кажется, уже испытан в деле.

— Это дом Машрабхон, — объяснила Халида, стоя на нижней ступеньке айвана. — Есть у нас замечательная девушка, Машрабхон. Она трактористка. Осенью будет ее свадьба. Сатыбалды-ака решил, что той состоится в этом новом доме.

— Хороший дом, — сказал Усманов, оглядываясь по сторонам. — Все такие?

— Все.

— А почему до сих пор пустуют? Разве люди не спешат вселяться в новые дома?

— Не знаю, — пожалала плечами девушка и опустила голову. — Говорю же: иногда Сатыбалды-ака трудно понять... Наверное, у него какие-то свои наметки...

«И все же им нельзя не восхититься, — подумал Усманов. — Вот это размах! Надо распространить его опыт по всему району...»

— Говорите, у раиса есть еще какие-то наметки?

— Скорее всего. Только мыслей этого человека никто, кроме него самого, не знает. В последний момент скажет: «Надо сделать вот так-то», — и все. И попробуй не сделай... Иногда некоторые спорят, но потом осознают, что раис, оказывается, говорил правильно. Как он предсказывал, так всегда и выходит... В колхозе все делается только по его планам. Ни одна свадьба в кишлаке не играется, если не была им заранее намечена. В конце концов оказывается, что даже и чья-то болезнь была предусмотрена раисом...

Усманов не понял, осуждает девушка председателя или восторгается им. Взглянув на нее, рассмеялся.

— Правда! — сказала Халида и улыбнулась. — То, что сказал больному врач, в расчет не принимается. «Ты можешь валяться в постели пять дней! А тебе хватит и трех!» — говорит раис. И знаете, люди выздоравливают! Ровно за отпущенный им срок... Было и так: человеку, который вовсе и не собирался жениться, он велел: «Сыграешь свадьбу. Срок — одна неделя!»

— И тот... согласился?

— Попробовал бы не согласиться: раис-то прав был... Но вообще я не знаю случая, чтобы кто-то ослушался... Вот до свадьбы Машрабхон еще целых четыре месяца. Но каждому уже известен день, когда она состоится. Двадца-

¹ Т а н д ы р — глинобитная печь для выпечки лепешек.

того октября, в субботу. Ни раньше, ни позже. Кстати, приезжайте, увидите. У нас свадьбы проходят знаете как весело! Сатыбалды-ака обычно сам возглавляет застолье, руководит всем тоем, веселит всех. В такие моменты просто не узнать его, становится настоящим артистом! Шутит, смеется, и всем весело. Приезжайте, будете довольны!..

— Благодарю, обязательно приеду,— пообещал Усманов, возвращаясь к машине, и открыл перед девушкой дверцу.

— Так что только самому раису ведомо, кто еще переселится в эти дома и когда... — вздохнула Халида и, вдруг покраснев, опустила голову.— Дамир Усманович!

— Да?

— Может, мне остаться?.. Не хотелось бы с чемоданом являться в правление. Вон мой дом! — Халида указала на стоящий по другую сторону дороги дом, под окном которого уже ярко цвели ирисы и гладиолусы.— Я приду тут же... вслед за вами...

Усманов согласился.

Едва машина остановилась у двухэтажного, недавно побеленного, еще пахнущего известкой здания правления колхоза, у подъезда с четырьмя резными деревянными колоннами появился сам Полвонов, худощавый, высокий и жилистый. Сколько Усманов его помнит, он все время ходит в одних и тех же защитного цвета брюках галифе и френче; на ногах коричневые парусиновые сапоги, на голове черная чувствская тубетейка, вышитая белыми шелковыми нитками. Под крупным крючковатым носом пышные усы с лихо подкрученными кончиками. Монгольские глаза с чуть припухлыми веками смотрят сверху вниз. Сросшиеся на переносице брови кажутся сдвинутыми и придают его лицу суровый вид. Должно быть, поэтому те, кто не очень близко знал Полвонова или встречался с ним впервые, обычно робели под его пронзительным взглядом. И, лишь заметив на его губах скрытую пышными усами улыбку, обретали спокойствие и могли включиться в беседу.

Сойдя по ступенькам, он крупными, размашистыми шагами направился навстречу Усманову. Лицо у раиса было сумрачное и настроение, как видно, неважное.

— Я не заставил вас ожидать? Салам алейкум! — приветствовал Усманов, пожимая его руку.

— Нет, как раз вовремя, как обещали,— спокойно ответил Полвонов.— Добро пожаловать, товарищ Усманов.—

И, отступив на шаг в сторону, жестом пригласил в правление.— Только я еще не успел собрать всех членов правления...

— Ничего, ничего. Мне достаточно повидаться и поговорить с вами,— весело сказал Усманов, стараясь по возможности не придавать их встрече официальности.— По пути посмотрел ваш новый кишлак. Здорово вы его отгрохали, Сатыбалды-ака! Такие дома не только кишлак, но и город украсили бы!

— Уж как смогли,— скромно ответил Полвонов, но в его внимательных глазах промелькнуло выражение довольства.— Начали, да вот никак не закончим.

— И все равно молодцы. Хорошо, если бы ваш опыт подхватили другие колхозы...

Полвонов не отреагировал. Проследовав по длинному прохладному коридору, они вошли в кабинет раиса. В нос Усманову ударил сильный запах одеколona. Он усилием воли заставил себя не поморщиться, дабы не смутить хозяина, лишь приотстал, чтобы оставить дверь открытой. Из форточки погянуло свежим воздухом.

Кабинет был просторный, аккуратно прибранный. Перед письменным столом два зачехленных кресла. Вдоль стен мягкие стулья с красной обивкой. Полвонов, чтобы не наследить, прошел к своему месту не по ковровой дорожке, постланной от порога, а по крашеному желтому полу, провел ладонью по полированной поверхности стола и посмотрел на ладонь. Пыли не было.

— Прошу вас,— сказал он, указав на кресло перед столом, а сам сел на стул у стены.

Опускаясь в кресло, Усманов обратил внимание на чернильницу, полную чернил, и на стопку бумаги. Но перо в ручке было новехонькое, ни разу не использованное. По некоторым приметам нетрудно было определить, что люди в этом кабинете бывают чрезвычайно редко. Раис, по-видимому, большую часть своего времени проводил в поле, а не в правлении, но в кабинете поддерживались порядок и чистота.

Как только они сели, молодой парень внес большой фарфоровый чайник с чаем и две пиалы. Он тоже, как и председатель, прошел в глубь кабинета, минуя ковровую дорожку.

— Товарищ Усманов,— сказал Полвонов,— познакомьтесь, это вожак наших комсомольцев Абдуманнон Хидиров.

Парень застенчиво улынулся, осторожно поставил чайник с пиалами на стул рядом с раисом и, подойдя к Усманову, подал руку.

— Прекрасно, — сказал Усманов, здороваясь с ним. — Много молодежи в колхозе?

— Членов комсомола сто двадцать один, — не задумываясь, ответил парень. — Сейчас готовим к приему еще десять человек.

— А сколько домов в новом кишлаке предназначено молодым?

Парень посмотрел на раиса, как бы ожидая, что на этот вопрос ответит старший, но, видя, что тот как ни в чем не бывало переливает чай из пиалы обратно в чайник, чтобы погуще заварился, сказал с улыбкой:

— Новый кишлак в основном наш, молодежный. Более половины домов предназначены молодым. Двадцать восемь домов.

Он опять посмотрел на раиса: мол, правильно говорю? Перевел взгляд на Усманова, ожидая новых вопросов. Затем разлил по пиалам чай, подал старшим и бесшумно удалился.

Парень понравился Усманову. Когда он об этом сказал Полвонову, лицо раиса озарила улыбка.

— Хороший парень, — согласился раис. — Энергичный, умный. Заочно учится в институте. Он старший в семье... Отец бросил его мать с четырьмя детьми и последовал за какой-то эстрадной певичкой. Сейчас они все на иждивении этого парня. Потихонечку учу. Будущее колхоза им принадлежит...

Усманов по пути сюда продумал предстоящий разговор с Полвоновым, приготовил ряд аргументов в защиту де-вушки-агронома и намеревался начать беседу со слов: «Зачем вы обижаете молодежь, Сатыбалды-ака?» Если не прав, слова эти могут сойти за шутку, а если прав — за серьезный укор. Однако теперь Усманов понял, что раис такого упрека не заслуживает. Этот пожилой уже человек, сам немало лиха хлебнувший за долгие годы председательствования, посвятивший свою жизнь огромному коллективу... нет, не мог он ни с того ни с сего обидеть другого человека. Понял это Усманов и решил говорить откровенно.

— Я вашего агронома привез обратно, Сатыбалды-ака, — сказал он, взглянув ему в глаза.

— Напрасно, — улыбнулся тот.

— То есть?

— Через неделю сама бы вернулась. Не могла она долго от нас... Ведь, как и я, землей бредит. Молодая, а понимает язык земли... Пробыла бы день-другой в городе, пришла бы в себя, поостыла и вернулась бы. Не может она долго прожить без земли.— Полвонов налил в пиалу чаю и задумался.— Землю-то знает, но еще не хозяйка ей. Уменье ладить с нею, голубушкой, приходит с годами, с опытом. А она этого еще не понимает. Шустра больно. А ведь жизнь наша не то что у воробья, что день-деньской скачет по веткам да чирик-чирик... Планов у нее полно, что лепешек в тандыре. Но ни один еще не допекла как следует. А земля не любит спешки... Сама-то она где, здесь?

Усманов сказал, что должна прийти. Полвонов встал и, опять стараясь не наступать на ковровую дорожку, вышел из кабинета. За открытой дверью послышался его бас:

— Ты что тут сидишь? В приемной дожидаются те, кто приходит с какой-то просьбой, и те, кто совершил какой-то проступок.

Через минуту Полвонов вернулся, а за ним вошла и Халида, присела на крайний стул у двери. Раис взял пиалу с чаем, поднес ей:

— Наверно, и не позавтракала еще?

Халида молча приняла пиалу и опустила голову. Полвонов сел неподалеку от нее и, посмотрев на Усманова, развел руками:

— Оказывается, в колхозе Зайниддинова под Ташкентом и зимой растут арбузы, помидоры, огурцы! Зеленый лук прямо с грядок идет конвейером! Эх-хе-хе, — вздохнул раис и после небольшой паузы стал медленно рассуждать тихим хрипловатым голосом: — В колхозе, расположенном близко к городу, конечно, это хорошо. И нужно... Горожанину только подавай овощи. Круглый год. И люди благодарны, и колхозу выгода.

Усманов слушал, не отрывая взгляда от его коричневых лежавших на коленях рук. На этих жилистых руках, словно выпирающие из земли корни дерева, вздулись вены. Эти большие крестьянские руки с длинными корявыми пальцами держали и винтовку, и соху, и перо, и руль трактора. Все умели делать эти грубые руки. Большой палец на левой руке когда-то, видимо, был глубоко порезан ножом или серпом, пожелтевший ноготь на нем свернулся, уподобясь ракушке, и одним краем врос в тело; всякий раз, когда этот палец двигался, почему-то казалось, что раис

держит в руке пятак. Слушал Усманов Сатыбалды-ака и будто разом увидел всю его жизнь, начиная с того времени, когда тот батрачил — погонял пару волов, прокладывая борозду за бороздой на чужой земле, и кончая сегодняшним днем, когда уже руководит огромным хозяйством. И вспомнил своего отца. Они, пожалуй, ровесники. Отец бы, конечно, тоже изменился с годами, поседел бы. Может, и усы бы отпустил. Такие же, как у Полвонова. И его руки тоже были бы такими же крепкими, а лицо коричневое, обожженное солнцем и знойными ветрами. Ну кому было бы худо, если бы он сидел сейчас вот здесь, живой, невредимый? Кому?.. В Полвонове неуловимо проскальзывало нечто такое, что напоминало Усманову отца: то ли задумчивость и грусть в глазах, то ли твердость в голосе, даже когда он говорил очень тихо.

— Мы тоже можем построить парник. А что, разве не можем? — продолжал Полвонов, ни к кому конкретно не обращаясь. — В два раза больший, чем у Зайниддинова, можем построить. Вырастут и арбузы, и лимоны, и помидоры. Даже укроп и петрушка зазеленеют. Но кому все это мы станем продавать? Кому? Для колхозника дорого. А город далеко... По мне, если колхозник в течение двух месяцев не поест свежих помидоров, он от этого не умрет. Давайте лучше увеличим объем заготовок хлопка, будем строить дома с обширными дворами, где у каждого будет свой огород с помидорами и укропом, увеличим производство мяса, молока! Если в доме колхозника один день не будет лимонов, ничего с ним не случится. А вот если молока не будет... У него же дети... Чтобы хорошо трудиться на поле, надо побольше есть мяса. Пусть каждую неделю люди готовят казы¹...

— Нужна и теплица, — все же ввернула свое и Халида, не поднимая головы.

Полвонов резко встал и зашагал взад-вперед по кабинету.

— Согласен. Нужна. Но не сейчас. У тебя терпения нет, Халида. Дехканин не берется за все сразу. Сначала пашет, арыки проводит, а потом уже сеет. Должна же быть последовательность в делах. Колхоз — это не наши с тобой приусадебные участки, чтобы экспериментировать. Надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Всему свое время. Ладно, ступай, вчерашние твои дела, я слышал, не закон-

¹ К а з ы — колбаса из конины.

чены, в поле тебя ждут. Об остальном поговорим потом.

Халида бросила быстрый взгляд на Усманова — мол, видели? — и молча вышла из кабинета.

Усманов не хотел возвращаться к их весьма сложным взаимоотношениям. Главное, Халида осталась в колхозе. Полвонов сам ее оставил. А что касается отношений, они у них наладятся. В этом нет сомнения. Видно же, как они друг друга ценят. А это главное. Что еще нужно работающим вместе, имеющим одну и ту же цель?..

Давая понять, что говорить о его споре с Халидой более не намерен, Усманов предложил раису обойти колхозные поля. Полвонов благодарно взглянул на него и встал с места.

— Я тоже хотел просить вас об этом же, Дамир Усманович. Если есть какой-то разговор, то лучше продолжить его на свежем воздухе.

IX

Полвонов сам вел свой газик. Когда кишлак остался позади, он предложил:

— У нас есть чабан, Саидмурад Ишимов. Сейчас он с овцами в кошаре. Как только закончится окот, погонит отары в горы. Я давно обещал побывать у него. Если не возражаете, и вас сведу к нему...

— Едемте, — кивнул Усманов.

Ему было все равно, куда ехать. В период работы в обкоме он в «Шарк юлдузи» бывал не часто и знал его не очень хорошо. Обычно из области наведываются в большие и богатые колхозы или же, наоборот, в совсем уж отсталые и бедные. В первые приезжают похвалить, изучить опыт, ставить в пример другим. Во вторые же — чтобы изучить положение на месте, покритиковать, устранить недостатки... И уже как-то вошло в правило, что о средних хозяйствах говорят мало. Хвалят редко и не критикуют. Пожалуй, у руководителей таких хозяйств на душе всегда легко. Дела идут по плану, ничто не вызывает тревог. И народ живет спокойно, в достатке. И руководители-то этих хозяйств словно на подбор, особого рода. Будто нарочно подобраны. Их всех хлебом не корми, лишь бы оставаться в тени, не привлекать к себе внимания. Никакой тебе нервотрепки, никаких хлопот. И времени больше для работы, и на сердце поспокойнее, а значит, и здоровье получше. В хозяйстве нет ни суеты, ни путаницы. Что запланиро-

вали, то и сделали. Не спеша, не поря горячку. Ведь главное — итог. А итоги года в конце концов оказываются отрядными. Во всех отраслях. Не обязательно же первыми выполнять план, главное — выполнить. И районное руководство удовлетворено, и колхоз...

Такие хозяйства есть в каждом районе. Районное начальство питает к ним симпатию, но хвалит сдержанно. Впрочем, они и сами не ликуют при похвалах в их адрес. Ведь каждая похвала влечет за собой и какие-то хлопоты...

С тех пор как тридцать лет тому назад Полвонов стал председателем в «Шарк юлдузи», колхоз этот из отсталых сделался благополучным. Но долгое время не заслуживал ни похвалы, ни критики. Он весь стал какой-то чистенький, аккуратненький и напоминал двор, в котором только что тщательно подмели, прибрали перед приходом гостей. Ни соринки, которая может попасться на глаза и умалить достоинство хозяев.

Усманову еще в то время было известно, что многие председатели передовых колхозов не любят Полвонова, но в душе ему завидуют. Вот, мол, устроился: хозяйством управляет ого каким, а все время в тенечке! И их понять можно: в районе и в области многие постановления принимаются на основе опыта передовых хозяйств, а это, в свою очередь, возлагает дополнительные заботы не на средние или отсталые хозяйства, а именно на передовые. Проверка выполнения этих постановлений опять же начинается с передовых хозяйств. А Полвонов все время оставался вне этих соревнований и как бы усвоил роль стороннего зрителя. Но так конечно же казалось только несведущим. По сути дела, постановления четко выполнялись и в средних хозяйствах, но без стремления вырваться вперед. «Нельзя быть острием колышка, — рассуждал иногда среди близких ему людей Полвонов. — Вгонят в землю. Нельзя быть и верхом колышка, — будут бить по голове. Лучше всего быть серединкой...» Поэтому или по другой причине среди председателей за ним закрепилось прозвище Философ, производимое ими в разговоре между собой несколько иронически, но и не без доли уважения. Полвонов знал о своем прозвище, но, по обыкновению, прикидывался незнающим.

Как-то речка Бадамсай после обильных весенних дождей вышла из берегов и затопила поля. Во многих хозяйствах погибли всходы хлопчатника. Пришлось пересевать заново. Но в большинстве хозяйств, даже в передовых, не

осталось семян. Они вынуждены были обратиться в область за помощью. А Полвонов не просил. Земли его расположены ближе других к Бадамсаю, а он не просит. Многие райсы что ни день в райкоме, у них просьба за просьбой, а Полвонов не появляется. Тогда Бурханов здорово на него рассердился. «Какого черта медлит опять!» — подумал он и сам позвонил в колхоз.

— А-а, товарищ Полвонов, что-то вас не видно?! — В дурном настроении он обычно переходил на официальный тон. — Вам, наверное, не нужно семян? Или там у вас не было потопа?

— Был, — буркнул Полвонов. — Мы же сообщили, сколько гектаров будем пересевать.

— А почему за семенами не едете? Или, может, сам райком должен вам доставить их? — сыронизировал Бурханов.

— Семян у нас достаточно, — спокойно ответил Полвонов. — Мы подсчитали и нашли, что просить не стоит. Даже еще останется.

— Сколько? — быстро спросил Бурханов, забыв о досаде.

— Килограммов двести. Сорта «Ташкент-два».

— Ну и молодчага! — воскликнул с удовлетворением Бурханов. — Может, с соседями поделишься, а?..

— А что ж, и поделюсь. Взаимообразно...

После этого Бурханов на нескольких собраниях хвалил Полвонова как «бережливого хозяина».

О бережливости Полвонова знали все. Находились и люди ехидные, считавшие его скорее скаредным, чем бережливым. И немудрено. Кое-кто из председателей это качество Полвонова, говорят, испытал на себе. А одно из происшествий стало даже притчей во языцех, и о нем нередко рассказывали в узком кругу в качестве анекдота.

Колхоз «Правда» владел в горах большими участками земли, богатыми травой. Но технике туда было не пробраться, и эти участки каждый год оставались нескошенными. Об этом прознал Полвонов. Договорился с председателем и, купив сено на корню за бесценок, скошил его...

А зима в тот год выдалась суровой, с гор долгое время не сходил снег. Лошади, коровы, овцы остались без кормов. И тогда председатель колхоза «Правда» уплатил Полвонову в десять раз дороже за то самое сено, что продал ему за бесценок.

То ли в свое время сыграла свою роль похвала Бурханова, то ли всякие были и небылицы, передаваемые из уст в уста, принесли популярность Полвонову, то ли, как говорится, пища из казана попала наконец в половник, но последние пять лет «Шарк юлдузи» числится в ряду знаменитых. А три года тому назад Полвонов получил Золотую Звезду Героя...

Усманов до этого знал о Полвонове больше понаслышке. Прежде не доводилось соприкасаться с ним вплотную, не беседовал по душам, как вот сегодня. Однако первая же встреча со знаменитым раисом, неожиданно раскрывшиеся перед Усмановым его душевная мягкость и щедрость, мудрые отцовские наставления в беседе с Халидой пробуждали к нему доверие и симпатию.

Зная, что человек, подобный Полвонову, ничего не делает так просто и каждый его шаг продуман, рассчитан, Усманов спросил, имея в виду чабана:

— У вас к нему дело?.. Все там у него благополучно?

— Благополучно, — ответил Полвонов почти равнодушно. — Давно не виделись. А сам, если нет ко мне серьезного дела, ни за что не придет. Вот и решил проведать. Хороший человек и чабан отменный... — Полвонов задумался, нахмурил брови. — Но не везет ему...

— Почему? — удивился Усманов.

— Уже пять лет подряд выдвигаем его на звание Героя — не проходит. Не проходит, и все. Дают Почетную грамоту. Даже многие из тех, кто имеет куда более низкие показатели, уже давно ходят в Героях. А у него даже медали нет... Все грамоты да грамоты.

— А вы узнавали причину? — поинтересовался Усманов.

— А то нет... — Полвонов умолк, завидев впереди медленно ползущий навстречу бульдозер. Остановив машину, высунулся из кабины и раздраженно спросил у совсем юного бульдозериста: — Ты еще только едешь?

Чумазое лицо паренька расплылось в улыбке.

— Возвращаюсь. Все закончил. Теперь еду в бригаду к Мамаду-ака.

— Молодец! — похвалил Полвонов и, тронув машину, сразу поддал газу. — Суюнбай, сын тракториста. Отличный парень. Недавно вернулся из армии. Осенью женим. — Он сделал небольшую паузу, углубившись в собственные мысли, затем посмотрел на Усманова. — Узнавал. Но, кажется, все бесполезно... Дамир Усманович, я слышал, что вы историк, так скажите мне... Уже тридцать лет, как

кончилась война. Почему в некоторых вопросах до сих пор нет ясности?

— Что вы имеете в виду?

— Взять хотя бы пленных... Ведь иногда люди оказывались в плену после ранения. А наш Ишимов Саидмурад... С ним так было. Во время боя рядом разорвался снаряд, и его засыпало землей. Очнулся, а вокруг немцы... Друзья видели, как его засыпало, решили — погиб. Домой пришла похоронка, справили поминки. А он, оказывается, не погиб. Бежал из плена и партизанил. В Югославии. Ему до сих пор оттуда письма приходят. А мы... До каких пор будем унижать этого человека, мол, «был в плену»? Он же герой! Или я не прав?

Усманов не ответил. Есть очень сложные вещи, которые двумя словами не объяснишь. Рассказ раиса об Ишимове опять напомнил ему об отце. Усманов знал по именам группу реабилитированных. Некоторых освободили еще в годы войны и направили на фронт. Кое-кто вернулся после победы домой. Некоторые на пенсии, а некоторые и поныне трудятся. Он перебирал в памяти имена этих людей, живых, здоровых, стараясь представить их лица, и как-то тоскливо защемило сердце из-за того, что нет среди них отца. Наверное, отец предпочел бы погибнуть на фронте, подумал Усманов. А если бы на его долю выпала судьба Ишимова, он считал бы себя счастливым.

— Дети у него есть? — спросил Усманов.

— У Саидмурада? Был. Сын... — ответил Полвонов, сосредоточенно глядя на проселочную дорогу, где то и дело попадались рытвины, вымоины, и ловко крутя баранку. — Погиб. В армии. Пограничником служил. Два года прошло.

Если бы отец оказался случайно в плену, то и там, за колючей проволокой, продолжал бы сражаться с врагом. Усманов в этом не сомневался. Тогда почему же нельзя поверить Ишимову? Допустим, у него нет свидетелей, никто не видел, как он попал в плен. Но ведь вся дальнейшая жизнь Ишимова говорит о том, что он не сложил оружия. Десятки людей знают, как самоотверженно он дрался с фашистами. Пусть в Югославии, пусть среди партизан. Не все ли равно... Если мы станем перед необходимостью каждый свой поступок объяснять с помощью свидетелей, какая же это будет жизнь? И если не верить одному, то почему можно верить другим, свидетелям?..

Целый рой противоречивых мыслей носился, кружась

и путаясь, в голове Усманова. Он задавал себе вопросы и искал ответы, спорил с собой.

Правильно, сложный это вопрос — плен. Были же случаи, когда изменники, пользуясь отсутствием свидетелей их предательства, жили себе долгое время припеваючи. Но как отличить честного человека от подлеца? А отличить надо. Нельзя, чтобы невинный человек страдал всю жизнь.

Усманову припомнился один давний случай. Он тогда учился в институте. На четвертом курсе уже в конце сессии ректорат объявил, что пятеро лучших студентов во время каникул могут отправиться в путешествие вокруг Европы. Желающие должны обратиться в комитет комсомола. Желающие тут же нашлись...

В группе, где старостой был Усманов, учился Мухамед Мирзоев, немногословный, нелюдимый парень, был одним из самых лучших студентов. Так вот, он грустно посмотрел на товарищей и сказал, мол, тоже поехал бы, но ему не разрешат. Все удивились: как не разрешат? Почему? «Отец...» — только и объяснил он. «Ты сначала оформи документы и сдай, а потом узнаешь, разрешат или не разрешат», — посоветовали ему сокурсники.

Мирзоеву разрешили поехать вместе с другими, даже никаких разговоров не было об отце.

«Может, и сейчас такой же случай?» — подумал Усманов и спросил:

— А документы оформлялись правильно?

— Хе!.. — хмыкнул Полвонов. — А то неправильно! Тысячу раз проверяли. Я лично сам проверял. Последние даже собственной рукой заполнил. Как только документы доходят до Бурханова, дело сразу и стопорится. Так было и в позапрошлом году, и в прошлом...

— Что говорит Казим Бурханович?

— Да то самое, что я вам! Был, мол, в плену... А разве он нарочно в плен попал? Даже те, что из-за трусости сдавались, вернулись кроткие, как овечки, раскаялись и живут себе спокойненько. А Саидмурад ни в чем не виноват. Я верю каждому его слову, всему, что он рассказывает, еще и письма его боевых друзей-югославов читал!.. Вот сейчас увидите его и сами поймете, какой это человек. Ведь у людей по лицу видно, могут они лгать или нет...

— Да, поговорить следует, — согласился Усманов.

И подумал, что, если человек незаслуженно страдает уже годы, значит, не встретил никого, кто пожелал бы ему

помочь. А может, и не искал, разуверясь в успехе, в людях. Разувериться легко, куда труднее вновь обрести веру в добро. Усманов это знает. По себе знает и по матери своей. Помнит, будто вчера это было, как мать, обливаясь слезами, ходила из одного учреждения в другое, стучалась то в одну дверь, то в другую, и нигде никто не желал ее выслушать. Сердце у нее и у сына отвердело, стало каменным. Немало весен минуло, пока оно отмякло, ожило. С тех пор, конечно, многое переменилось, и все же трудно было им поверить опять в доброту людей. Очень трудно... А сейчас многое зависит от него самого, чтобы люди никогда не теряли этой самой веры.

— Военный комиссар знает? — спросил он.

— Знает, — кивнул Полвонов. — Да что он может сделать? С военной точки зрения документы Саидмурада в порядке. А вот... Раза два мы хотели послать его в Югославию на встречу бойцов Сопротивления, он сам не пожелал. «Зачем бередить старую рану?» — говорит. Я и не стал настаивать... А после гибели сына как-то сразу постарел, осунулся, хотя и старается держаться молодцом. В горах и живет, в работе старается забыться, в ней утешение ищет. А работа его, скажу я вам, заслуживает всяческой похвалы... Скрывать мне от вас нечего, вы и сами, наверное, знаете, что в некоторых хозяйствах в Герои заранее «готовят» то одного, то другого. Создают им условия, чтобы они смогли показать себя. Может, эти самые «герои» и поднимают авторитет хозяйства, не знаю. Однако Саидмурад, даю вам слово, настоящий герой! Немнимый. Истинный герой труда!.. Может, раз в год ездит в город, два-три раза в кишлак, а все остальное время то в горах, то на луговых пастбищах. Если мы не в состоянии по достоинству оценить работу такого человека, то чей же труд мы можем приводить в пример другим? Что скажут люди, глядя на нас? А молодежь?.. — Полвонов изучающе посмотрел на сидящего рядом Усманова и умолк на целую минуту. Лобовое стекло покрылось тонким слоем пыли, и сквозь него с трудом можно было различить дорогу; впереди виднелись горы; по мере приближения к ним они росли прямо на глазах, все четче проступали из марева. Полвонов дорогу знал хорошо и ехал, почти не сбавляя скорости. Он еще раз мельком взглянул на соседа и проговорил извиняющимся тоном: — Простите меня, Дамир Усманович, при первой же встрече я затеял этот трудный разговор. Не горит, могли бы поговорить и позже...

— Ничего,— сказал Усманов хмуро.— Хорошо сделали, что рассказали... Если и впредь мы с вами будем столь же прямыми и откровенными, то дела наши пойдут хорошо. Я займусь этим вопросом, обещаю. Попытаюсь помочь Саидмураду-ака. Вы очень правильно заметили: если мы не научимся правильно оценивать труд людей, то можем поколебать их веру в справедливость.

Машина, надсадно подвывая, преодолела подъем, и, когда стала спускаться с холма, впереди открылась зеленая долина, разделенная надвое голубой извилистой полоской речки, начало которой терялось далеко в тумане, у подножия гор. Неподалеку от речки как на ладони виднелись два выложенных из камня загона для овец и приземистое жилище чабанов с плоской крышей, на которой уже цвели маки.

Около одной из кошар стоял кокетливого вида ярко-желтый микроавтобус с антенной.

— Кажется, приехали? — спросил Усманов, расправляя затекшие ноги.

— Приехали,— ответил Полвонов.— Интересно, кто еще пожаловал сюда? Какая-то машина...— И тут же, вспомнив, шлепнул себя по лбу.— Да это же из Ташкента! Из телевидения.

Подогнав газик почти вплотную к микроавтобусу, Полвонов выключил зажигание. Они вышли из машины и стали отряхивать с себя пыль. По виду раиса, оглядывающегося по сторонам, было заметно, что он в некотором недоумении, что их никто не встречает.

Перед входом в хижину стояло пять или шесть человек. Они были явно чем-то расстроены. Седой молодежавый смуглый мужчина в джинсовом голубом костюме отделился от группы и направился к председателю.

— Ну как вы тут, братец? Работа подвигается к концу? — спросил Полвонов, здороваясь с ним за руку. И, не дожидаясь ответа, представил его Усманову: — Знакомьтесь, Дамир Усманович, режиссер из столицы Гафуров...

— Вообще-то дела закончены,— сказал режиссер и иронически усмехнулся.— Но вот... Остался всего один кадр. А Саидмурад-ака не соглашаются сниматься... Осерчали немножко...

— Из-за чего? — удивился Полвонов.— Где сам Саидмурад?

— Там,— кивнул режиссер в сторону хижины и, не скрывая досады, пожаловался: — Битых два часа упра-

шиваем, а он не выходит. Не желает, и все тут! А кадр-то главный!.. Знаете какой? Символ! Основная идея произведения! Столько средств уже затрачено, а он хочет все испортить...

— Что, что? Какой символ? — поморщился Полвонов. — Что за кадр?

Режиссер плавно провел рукой вдоль горизонта, будто наносил кистью изящный мазок на полотно:

— Представьте себе — раннее утро. Солнце только что выглянуло из-за гор и протянуло к земле первый ласковый луч. На просторах бескрайних полей вот-вот начнутся работы. А для чабана рабочий день уже начался раньше. Чабан гонит бесчисленные отары овец навстречу солнцу, навстречу алой заре. И отары словно бы выходят из утренней тени, из облака пыли на свет. Представили?

— Ну, ну, — кивнул внимательно слушавший Полвонов.

— Этот кадр, — с чувством продолжал режиссер, — должен быть в начале и в конце фильма. Так написан сценарий.

— А почему же он не соглашается? — быстро спросил Полвонов, кивнув на занавешенную рогожей дверь хижины.

— Да, знаете ли, несостоящее происшествие, — махнул рукой Гафуров, изобразив на лице кислую мину.

Режиссер чем-то не понравился Усманову. Наверное, из-за высокомерия, что ли, из-за пренебрежительного тона. Усманов отошел в сторонку, незаметно разглядывая столичных гостей. Помощники режиссера тоже одеты модно. Двое с густыми бородами, в темных очках. У одного подвитые волосы до плеч. Режиссер, пожалуй, среди них старший по возрасту. Остальные молодые, наверное, недавно окончили школу. Стоят, сгрудившись в кучу и опустив головы, словно дети, совершившие нехороший поступок, изредка с тревогой поглядывают в сторону председателя. Видимо, здесь что-то произошло.

— Несостоящее дело, ей-богу! — говорил Полвонову режиссер, проходя мимо Усманова. — Скажите ему, еще один кадр. Всего один!..

— Лжет он, лжет!.. — Из хижины выбежал мужчина лет пятидесяти в чапане, подпоясанном платком, Он был такой же высокий и сухощавый, как Полвонов, крепкий и жилистый. Усманов сразу догадался, что это и есть Саидмурад Ишимов. — Ложь! — повторил Ишимов. — Стал бы я с ними из-за несостоящего дела браниться!

«Вот видите? Что я говорил!» — словно бы хотел сказать режиссер, обернувшись к Усманову и разведя руками.

— Ассалом алейкум! — поздоровался Ишимов с раисом, а потом шагнул к Усманову.

Пожимая его жесткую горячую руку, Усманов почувствовал, что она слегка дрожит. Что же могло так расстроить этого человека?

— Что случилось, Саидмурад? Все ли в порядке? — спросил Полвонов.

— Где там порядок! — махнул рукой Ишимов. Он был бледен, губы дрожали. — Застрелили моего Куктая. И зачем только вы их послали ко мне, Сатыбалды-ака? На что мне их кино! Я остался без любимого пса! Эх-х!..

— Когда? Зачем застрелили? — ничего не понимая, спросил Полвонов, но волнение чабана передалось и ему.

— Откуда я знаю — зачем! Застрелили, и все. А я, душень, еще принес им свою двустволку! Если б знал, зачем она им, гнал бы самих до самой границы колхоза!.. Вот этот подал знак, — Ишимов показал рукой на режиссера, — а вон тот, с бородой, вон он стоит отвернувшись... Эй, выйди сюда, не скрывай лица! Вот этот, с бородой, застрелил! Нужно, мол, для кино! На черта мне такое кино, которое так снимается! Я же не отдал эту собаку Юсуфали даже за коня и двадцать баранов! А эти... Не киношники они, а фашисты!

— Думайте, что говорите, Саидмурад-ака! Зачем понапрасну оскорбляете? — возмутился режиссер, и его оттопыренные уши стали пунцовыми. — Искусство требует жертв. Подумаешь, пес издох! Зато сами остались в истории. Надо же это понимать!

— Я остался без собаки! Ты это понимаешь, глухая башка?

— Успокойся, Саидмурад, — мягким голосом заметил Полвонов. — Нельзя же так разговаривать с гостями.

— Не можете ли объяснить, почему искусству потребовалась такая жертва? — спросил Усманов у режиссера.

— Сейчас все расскажу, — охотно согласился тот, явно заботясь о том, чтобы избежать скандала. — Только вы, товарищ Ишимов, помолчите, не перебивайте. Так вот, уже прошло три дня, как мы приехали в колхоз. Не потехи ради, а работать. У нас командировочные, в которых черным по белому написано, чтобы нам оказывали содействие...

Сатыбалды-ака еще год назад сказал: «Если хотите сделать передачу о нашем колхозе, то у меня есть замечательный чабан». И попросил снять его. Мы не забыли, приехали. По просьбе самого председателя. И вот уже трое суток днюем и ночуем тут. В процессе знакомства с Ишимовым появилась идея создать о нем документальный фильм. Чабан он действительно что надо! И, оказывается, убил более пятнадцати волков!.. Мы отсняли его с овцами и на склонах гор, и в кошаре, и как он новорожденных ягнят принимает. В общем, можно сказать, все его дела теперь на ленте. Остался единственный эпизод. Мы приступили к его съемкам сегодня утром. Эпизод такой... — Режиссер выхватил из нагрудного кармана джинсовой куртки сложенные вчетверо листки бумаги и, развернув, начал читать: — «Светает. Саидмурад-ака еще в постели...»

— Да когда это было, чтобы я нежился в постели, если уже светает?! — пришел в негодование чабан.

— Да погодите вы! — махнул рукой режиссер, не отрывая взгляда от бумаги: — «...Внезапно залаяла собака, овцы в страхе заметались, заблеяли. Саидмурад-ака вскакивает с постели. В руках у него двустволка. В кошару забрался волк...» — Режиссер на мгновение поднял голову, чтобы взглянуть на председателя и Усманова. — Это по сценарию. Сценарий я сам написал. В таких вот условиях приходится иногда заниматься творчеством. «Чабан стреляет и убивает волка. Остальная стая разбегается...»

— Разбежится тебе стая волков с одного выстрела!.. — проворчал Ишимов. — Да будь он проклят, этот твой эпизод! Где я найду такого пса? Не я чабан, а Куктай был чабаном!

— Позвольте вы мне закончить? — раздраженно огрызнулся режиссер. И, повернувшись к Усманову, уже спокойнее продолжал: — Конечно, пес и в самом деле был завидным. Тысячу сожалений. Ну что поделаешь... Где мы нашли бы волка? Я понимаю, вы скажете, могли бы взять в зоопарке, но сколько бы мы потеряли драгоценного времени? А у нас минуты на счету, дел невпроворот. К тому же Куктай издали смахивал на самого настоящего волка. Мы и решили воспользоваться этим — дать псу роль волка. Конечно, Саидмурада-ака мы не предупредили. Зачем, если заранее знаешь, что человек не поймет и ни за что не согласится. Мы же сами интеллигентные люди, видим... Нет-нет, эпизод получился вполне реалистическим.

Крупным планом мы сумели отснять гибель волка. Искусство должно убеждать! Иначе какое же это искусство? Собака погибла, зато мы имеем прекрасный реалистический фильм.

— Значит, вы считаете, что поступили правильно? — спросил Усманов.

— Несомненно! — ответил режиссер. — Например, немецкие документалисты побывали в Чили. Они палачей, пиночетовцев...

— Да, видели по телевизору, — перебил его Усманов. — Однако у них задачи были иные, и они действовали, сообщаясь с обстановкой...

По блестящим и холодным, как стекло, глазам режиссера Усманов понял, что спорить с ним бессмысленно, и после короткой паузы спросил:

— Когда мы увидим фильм?

— Весной. Весной выйдет на экран. Если мы сегодня доснимем последний кадр...

— Хватит! — прервал его Ишимов. — Тут нет глупцов сниматься в твоём кино. Собирай свои манатки и катись отсюда!.. Я простой человек, товарищ Усманов. Говорю, что думаю. Если мы будем снимать кино всякий раз с жертвами, то зачем оно нам? Как же я буду смотреть этот фильм? Все время перед глазами будет мой пес! Как же я после этого взгляну в глаза людям? Разве не скажут они: «Вон тот человек, который ради того, чтобы сняться в кино, убил свою любимую собаку!»?

— Да-а, хороший был пес, — с огорчением произнес Полвонов и вздохнул. — Саидмурад взял его у одного своего друга в Казахстане. Договорились в письмах, а потом специально съездил. Такие псы редко встречаются, Дамир Усманович. Одолевал любого волка. Тут упомянули, что Саидмурад убил более пятнадцати волков. Но Саидмурад только десять застрелил. И тех бы, может, не выследил, если бы не учуял пес. Остальных Куктай сам задушил... Эх, братец, разве нельзя было как-то иначе, чтобы не убивать?

— Можно было! — громко и зло крикнул один из помощников режиссера, стоявший в стороне. — Не обязательно было показывать агонию собаки! Это же фильм не о волке, а о чабане. Я говорил...

Режиссер неприязненно покосился в его сторону и, отвернувшись, иронически усмехнулся:

— Простите его, молод еще. Не знает, что такое под-

линное искусство. В последний раз спрашиваю, Саидмурад-ака, будете сниматься или нет?

— Не буду! — упрямо повторил Ишимов.

Режиссер пожал плечами и посмотрел на раиса:

— Может, вы убедите?

— Этот человек говорит только раз. Коль отказался, теперь не согласится, — ответил Полвонов, отводя в сторону хмурый взгляд.

— Поехали! — крикнул режиссер, махнув своим парням рукой, и, заметив, что Усманов отошел в сторону, попрощался только с раисом: — Фильм будет отменный. Весной привезу.

Через несколько минут микроавтобус уехал, оставив после себя запах выхлопных газов и облачко пыли над дорогой. Ишимов, поостыв, опомнился и теперь стоял с опущенной головой, не произнося ни слова, испытывая горький стыд оттого, что к нему пожаловали почетные гости, а он при них учинил скандал. Раис и Усманов понимали его состояние и тоже молчали. Если бы эти киношники приехали снимать не Ишимова, а кого-нибудь другого, Полвонов сделал бы так, что в следующий раз они бы забыли сюда дорогу. А фильм про Ишимова, лучшего чабана колхоза, все же следует закончить... Только ради этого и сдержался раис, хотя внутри все у него кипело, постараясь спровадить киношников по-доброму, по-хорошему.

С этим молодежавым седым режиссером Полвонов знаком давно. Лет десять назад, на Празднике урожая в Ташкенте, брал он у Полвонова интервью, а вечером они сидели вдвоем в «люксе» гостиницы и смотрели эту передачу по цветному телевизору. Передача Полвонову понравилась. Тогда он и пригласил режиссера в колхоз. Вскоре тот прибыл с тремя товарищами; они отдохнули с недельку и укатили обратно. С той поры, как только планируется в телестудии передача из Бадамсая, Гафуров всякий раз приезжает в «Шарк юлдузи». Полвонов старается, делает все, чтобы он остался довольным и возвратился как с праздника... А в прошлом году в очередной его приезд раис ему поведал об Ишимове. Попросил, чтобы тот подготовил о нем передачу. Верно, сам попросил.

Потому Полвонов и сдержался. Не то бы...

А Усманов в душе недоумевал, почему председатель так мягко обошелся с режиссером и даже, провожая, пригласил, кажется, приехать еще раз. Зачем он ему, этот человек, весьма и весьма далекий от настоящего искусства?

Очевидно же, что такой мастер никогда не сумеет создать стоящего фильма. Даже чабан Ишимов сразу это понял. А раис на что-то надеется?.. Что и говорить, не всегда искусству служат истинные художники. Но этот человек с благообразным лицом на глазах у всех совершил аморальный поступок, мотивируя его законами искусства. Законами! А это уже страшно.

— Не огорчайтесь, Саидмурад-ака, — сказал Усманов, положив ему на плечо руку, — у меня в Казахстане много знакомых. Я думаю, мы вам найдем хорошего пса...

Слова секретаря рассеяли воцарившуюся неловкость.

— Конечно, найдем! — подхватил Полвонов.

— Извините. Я немного погорячился, — виновато пробубнил Ишимов, не поднимая головы.

— Но вы правы, — сказал Усманов.

Ишимов поднял на него недоверчивый взгляд, как бы стараясь определить, действительно ли секретарь так считает или только успокаивает.

— Вы правы, — повторил Усманов. — Пес для чабана — самый близкий друг.

— Да, да, товарищ Усманов, — оживился Ишимов. — Как мне не злиться, когда он этого не понимает! А еще режиссер! Хотя что же это я опять? Идемте в наше жилище. Добро пожаловать. Очень хорошо, что вы приехали. — Быстро приблизясь к двери хижины, он отвел в сторону рогожу. — Прошу вас. Давеча зарезал маленького барашка, в казане варится. Ваши тещи, наверное, любят вас. Присаживайтесь на курпачи¹. Сейчас я сам и дастархан растелю, и чаю заварю. Жену отправил верхом в кишлак за продуктами. Вот-вот начнется окот, дел навалится столько, что некогда будет и лепешек испечь...

— Хороший ожидаете приплод? — поинтересовался Усманов, сев на курпачу рядом с раисом.

— По сто сорок ягнят на сотню маток, думаю, получим.

Полвонов довольно улыбнулся, погладил усы и посмотрел на Усманова — дескать, я же говорил!..

¹ Курпача — тонкий матрас.

По пути в кишлак их настиг вечер. В потемневшем небе почти одновременно вспыхнули мириады звезд. Полвонов включил фары. Дорога была неровной, и яркий сноп света то припадал к земле, то взметался кверху, выхватывая из тьмы одинокие кусты за придорожными кюветами, деревья, покатые бока зеленеющих холмов. Прямо у передних колес тенью мелькнул через дорогу то ли шакал, то ли бродячий пес. На переднем щитке фосфоресцировали приборы. Тихо и успокаивающе играла музыка. Оба молчали. Ночные поездки, когда вокруг одна только мгла и не на чем остановиться взгляду, всегда располагают к раздумьям. Полвонов, видимо, уже обдумывает свой завтрашний день. И не только свой, а большого трудового коллектива.

А Усманов находился под впечатлением разговора с Ишимовым. Он действительно, как и говорил Полвонов, оказался человеком незаурядным. Вначале, правда, чувствовал себя скованно, избегал разговора о своем прошлом. Но потом, кажется, проникся к Усманову доверием и за чаем поведал ему обо всем, что некогда пережил.

Летом 1943 года Ишимов попал в плен...

Взвод сержанта Саидмурада Ишимова держал оборону на подступах к Белгороду. Еще в начале боя Ишимова ранило в левую руку и голову, но он не ушел с позиции и продолжал командовать бойцами. Решил стоять насмерть, пока не получит приказа об отходе на вторую линию обороны. Но такого приказа не поступило. Прорвавшиеся немецкие танки проутюжили их окопы по нескольку раз; лязгая гусеницами и сминая края траншей, проползли над головами бойцов и помчались дальше. Из взвода в живых осталось всего трое. Не успели они прийти в себя, в траншею как горох посыпались фашисты. Наши бойцы отбивались штыками, прикладами, лопатками. В нескольких шагах от них громыхнул взрыв, разметало землю. Ишимов лишь почувствовал, будто кто-то сильно толкнул его в спину... Так он оказался в плену. Его отправили в Германию. Через некоторое время, отобрав наиболее крепких из пленных, немцы повезли их в Югославию. По пути, уже в Черногории, Ишимову удалось бежать. Много дней он скитался в горах, нередко падая и теряя сознание от истощения, и, наконец, отыскал партизан. И уже до конца войны сражался в составе интернациональной партизанской бригады. Ишимов возглавлял

диверсионную группу и среди товарищей был известен под кличкой Черный Миша...

Весной 1946 года Ишимов вернулся на Родину. Командир партизан, прощаясь с ним, подарил ему свой пистолет. С надписью. Ишимов как-то слышал, что этот пистолет сейчас хранится в музее Министерства обороны. Правда или нет, кто его знает. Ишимов сам не видел. Некогда поехать взглянуть, все дела и дела. Но фамилию своего командира помнит. Антонов-Ристич. Он уже генерал-лейтенант. В прошлом году с группой югославских военнослужащих приезжал в Москву. Ишимов читал об этом в газете...

Этих сведений, думается, достаточно, чтобы заняться делом Ишимова. Правда, Усманов ничего ему не обещал, но уезжал с твердой уверенностью, что предпримет все необходимое.

Перед правлением колхоза стояла, дожидаясь его, райкомовская бежевая «Волга». Усманов отказался от приглашения Полвонова зайти в правление.

— Благодарю вас, — сказал он, прощаясь. — Вы познакомили меня с интересным человеком. К его судьбе нельзя оставаться равнодушным...

— Я и говорю! — обрадовался Полвонов. — Ему надо помочь... Я был уверен, Дамир Усманович, что вы ему можете. Отца вашего я знал. Он не проходил мимо чужой беды... Когда я осиротел, меня, мальчишку с шестиклассным образованием, послал на курсы бухгалтеров. Заставил учиться. Разве я это забуду?.. Добро не забывается. Такова жизнь. Все можно забыть: и боль, и горе, а добро — нет. Я рад, что вы приехали в наш район, я бы сказал — вернулись. Желаю всяческих успехов, Дамир Усманович.

— Рахмат.

Испытывая искреннюю признательность к этому внешне суровому, но очень доброму и сердечному человеку, Усманов коротко пожал ему руку и сел в машину.

Проезжая через новый кишлак, он невольно посмотрел в сторону дома, который Халида назвала своим. Из окон ярко лучился свет. «А что, если неожиданно пожаловать в гости?» — подумал он и сам устыдился своих мыслей. Нет, не знает она толком Сатыбалды-ака. Столько работает с ним, а не знает. Иначе сработалась бы... Как часто люди рука об руку проходят через всю жизнь, а не понимают

души друг друга! Встречаются каждый день, разговаривают, занимаются одним делом, а души друг от друга на замке. А может, просто не стараются подобрать ключики?.. Какой огромный мир открылся бы в каждом из людей! Об этом ему хотелось сейчас сказать Халиде. Ладно, как-нибудь в другой раз... Чем-то эта девушка напоминает Хафизу. Интересно, что сейчас делает Хафиза? Скорее всего названивает ему по телефону. Он посмотрел на часы и обернулся к водителю:

— Прибавь-ка газу, братец.

Позавчера поздно вечером, идя по коридору, он услышал, как надрывается в его номере телефон. «Голос у тебя усталый. Трудно, да?» — справилась Хафиза после того, как они расспросили друг друга о самочувствии. Он перевел разговор на другое. Мужчина не должен жаловаться женщине на трудности. Конечно же нелегко ему. А то как же. Ответственность за целый район не мешок на плечах. Тут физические силы еще не всё. Тут в тебе еще и какая-то другая сила должна быть. Жизнь человека, ответственного за большое дело, никогда не бывает легкой. А тут люди. Они очень разные. К каждому надо иметь ключик. Сегодня день удачный. Сегодня он встретился с хорошими людьми, и на душе от этого легко. Полвонов, Ишимов, Халида... Нет, с ними ему не будет трудно. И таких, наверное, в районе немало. Он только должен найти их. Он должен знать, чем живут эти люди в районе, их горести и радости и по возможности помогать. Тогда и они ему всегда помогут. Тогда легко будет поднять район, люди сами будут поднимать его...

В райкоме, кроме дежурного, уже никого не было. Заведующий отделом сельского хозяйства Назир Каримов сидел в приемной и, увлекшись, что-то писал, потому не сразу заметил появление первого секретаря. Он был примерно одних лет с Усмановым. Прежде работал агрономом в колхозе у Хаитбая-ака. Бурханов год назад освободил его от должности и перевел в райком. Усманов давно собирался у него порасспросить, почему он ушел из колхоза, да все было как-то недосуг.

— Порядок? — спросил Усманов, входя.

— Порядок, Дамир Усманович, — ответил Каримов, поднимаясь с места.

В помещении было накурено. На столе лежали исписанные листы бумаги, стояла пепельница, полная окурков.

— Чем-то заняты? Я не помешал? — спросил Усманов, кивнув на бумаги.

— Нет, совершенно!.. — смутился Каримов и одним из листов накрыл пепельницу. — Кое-какие записи... Остались еще со студенческих лет...

Было заметно, что ему не хочется вдаваться в подробности. И Усманов проследовал в свой кабинет, оставил там свой блокнот и вышел.

— Будут какие-нибудь поручения, Дамир Усманович? — спросил Каримов.

— Нет, — улыбнулся Усманов, — можете заниматься своими делами. — Однако у дверей он обернулся: — Вы знаете чабана Ишимова? Саидмурада Ишимова?

— Из «Шарк юлдузи»? Знаю.

— Завтра покажите мне его документы.

— Хорошо. Они у меня.

— До свидания. В случае чего я в гостинице.

Усманов уже спускался по лестнице, когда его догнал Каримов:

— Дамир Усманович! Извините, забыл сказать, вас спрашивала одна женщина.

— Женщина?

— Говорит, была у вас на приеме. Очень благодарила...

— Кто же это?

— Карамонова. Она, скорее всего, и сейчас все еще ожидает вас в гостинице. Говорит, у нее важное дело. Мне не сказала. Мол, только лично...

«Что там у нее еще стряслось?» — подумал Усманов, вспомнив могучую жену «спесалиса» и испытывая неловкость, что так и не смог выполнить обещания и поговорить с ее мужем.

Подъезжая к гостинице, он увидел крупную фигуру Карамоновой, прохаживавшейся по тротуару у подъезда, заложив руки в рукава бархатного жакета. Как только он вышел из машины, лицо ее расплылось в улыбке и она устремилась к нему навстречу. Но, вдруг застыдившись, остановилась:

— Ассалом алейкум, товарищ Усманов! Сказали, что вы приедете поздно, а вы совсем рано!..

— Здравствуйте. Что же не подождали в райкоме? — спросил Усманов, зная, что женщина ожидала давно и, по видимому, озябла.

— В райкоме мне теперь нечего делать, товарищ Усманов. Тысячу раз спасибо вам! — сказала Карамонова, сверкнув глазами. — С тех пор как я вам пожаловалась,

ваш зять стал тише воды и ниже травы, ласков, как теле-нок, спокоен, как ягненок. Минута в минуту уходит на работу и минута в минуту приходит. Куда там выпить водку, провалиться ей, даже минеральную воду в рот не берет! Все сам делает дома. И даже, скажу я вам, товарищ секретарь, — она перешла на шепот, косясь на входную дверь, — ...и постель сам стелет. Я стала жить как молодая жена, только вчера пришедшая в дом мужа.

— Видите, как славно, я очень рад, — сказал Усманов, сдерживая улыбку. — Понял, значит, свои ошибки?

— Еще как понял, товарищ Усманов! Теперь прислушивается к каждому моему слову. Позавчера я пригото-вила острую-преострую мاستаву¹, сидим ужинаем, а он мне и говорит: «Одну вещь я понял, жена: мужчину может возвысить до небес женщина и с землей сровнять тоже может женщина. Я это тебе говорю как спесалис». Сказал он это мне и даже есть перестал. У него аппетит пропал. И я пожалела, что огрела его скалкой. «Вот видишь, — обрадовался он, — мужчину делает мужчиной только жен-щина! Маладес!»

— Хорошо, очень хорошо, — перебил ее Усманов, же-лая закончить разговор. — Ну, а зачем же вы ждете меня?

— У меня просьба, товарищ Усманов.

— Какая же?

— Уже не надо принимать никаких мер к вашему зятю...

— Хорошо, апа, — пообещал Усманов. — Не буду.

— Спасибо. Тысячу раз спасибо. До свидания. — Женщина хотела было идти, но остановилась: — Товарищ Усманов!

— Ну?

— Без жены вам трудновато, я знаю. Я принесла вам манты². В комнате вашей. Сразу ешьте, пока не остыли. А в столовой разве это еда...

Он засмеялся и, благодарно кивнув ей, вошел в гости-ницу. «Вот уже и подношение принял», — подумал он, понимая, однако, что это сделанное честными руками «подношение» не что иное, как проявление заботы доброй женщины. Так заботились бы о нем мать или сестра. Надо не забыть рассказать об этом Хафизе. Будет рада, что на-ходятся люди, которые проявляют заботу о ее муже. Уди-вительно устроен человек: иногда простые слова подни-

¹ М а с т а в а — рисовый суп с приправами.

² М а н т ы — паровые пельмени.

мают у него настроение, придают силы, пробуждают в нем доброту. И слово же может убить...

Он отпер ключом дверь и зашел в комнату. Не успел снять пальто, как зазвонил телефон. Хафиза!

Они разговаривали долго. Усманов рассказал ей, где побывал сегодня, с кем встречался. Доволен ли он? Доволен. Доволен тем, что приехал именно в Бадамсай, что тут живут замечательные люди. Скучает ли по ней? Конечно. Еще как. Им обоим неприятна разлука. Но что поделаешь? Хорошо, что это ненадолго. Как только уладится с жильем, она приедет к нему, и жизнь их наладится. И они никогда больше не станут разлучаться... Нет, он не забывает маленького. Разве можно о нем забыть?.. Почему девочка? Нет, у них будет сын. Сын с глазами и бровями, как у нее, у его любимой Хафизы. И сердце доброе, как у нее, и ум... Девочка? Что ж, он будет рад и девочке. Только она в таком случае должна быть похожа на него: говорят, девочки, похожие на отца, счастливы... Не голоден ли он? Сыт. Что ел? Днем ел шашлык. В гостях у чабанов, на вольном горном воздухе. А сейчас примется за манты. Точно такие же, какие готовит она, Хафиза: в меру крупные и так аппетитно пахнут, что не откажешься, если даже только что упледел барана. Кто принес? Нет, совсем не молоденькая и вовсе не красивая, пусть не в обиду ей будет сказано, а средних лет женщина. Она раза в четыре толще Хафизы. Но очень веселая и общительная тетья. Да, конечно, он обязательно познакомит с нею Хафизу... Что, позвонить завтра?.. Он не знает, когда вернется. Как только придет к себе, сам позвонит. Спасибо за добрые пожелания. И им тоже всем троим он желает спокойной ночи.

Не откладывая, Усманов решил поговорить с Исмаилджаном. Уже потом спокойно поужинает. Исмаилджан оказался дома и сам взял трубку:

— Дамирджан?

— Говори прямо, — потребовал Усманов. — Когда на страницах областной газеты будет отведено более обширное место Бадамсаю?

— В ближайшее время. Организуем целую страницу. Я уже и «шапку» придумал.

— Какую?

— «Товарищ Усманов, куда вы ведете Бадамсай?» Как? Ничего? — Исмаилджан зычно рассмеялся.

— Ничего. Только не забудь про инициалы, — засме-

ялся и Усманов, подумав, что его друг без шутки ну никак не может, и, сразу перейдя на серьезный тон, продолжал: — Исмаил, нужна твоя помощь. В колхозе «Шарк юлдузи» есть чабан. Саидмурад Ишимов. Слышал? Нет? Ты сказал про страницу, так вот этот человек заслуживает многих страниц. Нет, не корреспондента. Я хочу, чтобы ты приехал сам. Мне нравится, как ты пишешь. А этот человек для тебя находка, слышишь? Находка! Судьба его может послужить основой для большого и серьезного произведения. Приедешь? Когда?..

— Дня через три-четыре.

— Жду. Запиши. Саидмурад Ишимов. Тебе непременно надо с ним встретиться. Сегодня я слушал его и не заметил, как пролетел день.

— Послушай, Дамир! — спохватился Исмаилджан, когда они уже распрощались. Чем кончилось дело... Ну случай с тем трактористом? Султанов отделается легким испугом? В редакцию поступила жалоба из колхоза...

— Послезавтра бюро, — сказал Усманов.

XI

Придя утром на работу, Усманов встретил в приемной Хайдарали Кабулова, как видно истомившегося уже ожиданием.

— А, Хайдарали, заходи!

Осторожно прикрывая за собой дверь, Кабулов сообщил, что он не мог уснуть всю ночь и ни свет ни заря, даже не позавтракав, примчался сюда.

— Что же случилось? — насторожился Усманов, садясь в кресло и предлагая парторгу из колхоза занять место напротив. — Надеюсь, все в полном здравии?

— Здоровы-то здоровы, — ответил Кабулов, запинаясь от волнения, не зная, с чего начать разговор. — Знаете, Дамир Усманович... Вчера вечером у нас состоялось партийное собрание. Открытое... А двумя днями раньше мы провели бюро, хотели серьезно поговорить с Хаитбаемака. Но Хаитбай-ака попросту не явился на бюро. Сказал, что у него срочные дела, и куда-то уехал. Что ж, решили обойтись без него... Заседали долго. О многих вещах говорили члены бюро. И о пренебрежении в нашем колхозе техникой безопасности... И об уходе молодежи из кишлака... И о недопустимом самовольстве некоторых бригадиров... Словом, очень активно выступали товарищи... По-

дробно обсудили последнее происшествие. Тщательно продумали, взвесили все «за» и «против» и решили объявить мне и председателю выговор. Мусабай-ака, бригадир, сказал, что наказать, по-видимому, следует и его, поскольку случай произошел на его участке. Но большинство с ним не согласилось. И я тоже высказался против. На наш взгляд, он тут ни при чем. Он же... наоборот, пытался отговорить раиса и Яхшибая, сказал им: «Если так уж необходима эта земля, пусть немножко потеплеет и просохнет, вспашем край этого поля омачем»¹. Словом, его мы наказывать не стали... И вот какое приняли решение...

Кабулов вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок, исписанный чернилами, и протянул Усманову.

Хотя решение бюро излагалось несколько упрощенно и даже с орфографическими ошибками, основная мысль была ясна, мотивировки убедительны.

— Что ж, решение верное, — сказал Усманов, дочитав бумагу до конца.

— Верное-то верное, но... не прошло оно, — вздохнув, произнес с огорчением Кабулов.

— Почему?

Узнав о таком решении бюро, Султанов страшно разгневался. Около полуночи — Кабулов уже собирался ложиться спать — раис прислал за ним человека и, вызвав к себе, резко отчитал.

— Что ты за человек? Соображение у тебя есть? — возмущался Султанов, вертя у виска указательным пальцем. — Разве парторг сам себя наказывает? Да еще и раис заодно?! Это глупость, а не решение! В колхозе я главное лицо, тут нет никого, кто мог бы дать мне выговор! Порви эту бумаженцию и выбрось! Не срамись лучше. Если же ты собираешься вынести это дело на суд народа, то, говорю сразу, со мной работать не сможешь! — И раис решительно рубанул воздух кулаком.

Султанов, конечно, кое в чем и прав. Секретаря парторганизации колхоза могут наказать только вышестоящие партийные органы. Однако члены бюро и сам Кабулов пошли на маленькую хитрость: наложив взыскание на парторга, они как бы изыскали возможность наказать заодно и председателя. До каких пор раис будет чувствовать себя единовластным правителем и делать что хочет?.. Пора

¹ О м а ч — соха.

дать ему почувствовать, что в колхозе имеется власть и посильнее его, султановской.

Когда же угрозы не подействовали, Султанов выбрал другую тактику — стал просить парторга не выносить такого решения на обсуждение общего собрания, не позорить его перед честным народом. Так умолял и заклинал, что сердце Кабулова дрогнуло и размякло, как попавший в бульон хлебный мякиш, и он чуть было не согласился. Но решить сам этого он уже не мог...

А вчерашнее собрание затянулось чуть ли не до полуночи. Вообще-то понятно, оно прошло неплохо. Но как только дело дошло до обсуждения решения бюро, для его утверждения вдруг не хватило голосов. Вдобавок ко всему еще и жена Яхшибая Эргашева, до сих пор, можно сказать, ни разу не ходившая на собрания, взяла да и выступила. В категоричной форме она заявила: «Если вы накажете Хаитбая-ака, то я с этим не согласна!..» И посеяла тем самым среди людей сомнение... Словом, решение бюро не прошло. Вот так... Большинство настояло на другом решении: дескать, тракторист Яхшибай виноват сам, ему следовало быть осторожнее...

Усманов задумался. Легкое ли дело Кабулову, молодому еще, неопытному парню, бороться с Султановым. Но он сумел все же настоять на своем и вынести решение бюро на обсуждение собрания. Молодец! Усманов в душе радовался за него. Ведь чтобы ослушаться такого раиса, как Султанов, немалое мужество нужно. А на жену тракториста тоже обижаться не стоит. Понять и ее можно. Она знает, что муж долгое время не сможет работать, и ей в этих условиях не резон попасть к председателю в немилость. Что случилось, того не исправить. И ссора с председателем ничего, кроме лишних хлопот и огорчений, не сулит. Да и какая ей польза, если кто-то будет наказан? Душу придавит еще большая тяжесть, и только.

— Дамир Усманович! — прозвучал по селектору голос секретарши. — Из больницы спрашивают.

— Слушаю, — сказал Усманов, прижав к уху трубку. И, едва поздоровались с ним, узнал низкий голос главного врача. — Салам.

— Дамир Усманович!.. Тракторист из колхоза имени Горького... Яхшибай Эргашев... скончался.

Усманов растерянно молчал, позабыв, что и говорят в подобных случаях, лишь мысленно произнес с горечью: «Пусть пухом будет земля ему...» Наконец спросил, и го-

лос с трудом вырвался из горла, хрипловатый и сдавленный:

— Сколько ему было?..

— Тридцать три.

«Почти мой ровесник», — подумал Усманов. Помедлив, сказал:

— Ладно. Сейчас приеду...

Положив трубку, он посидел минуту молча, стараясь овладеть собой, унять внутреннюю дрожь. Не глядя на Кабулова, произнес глухо:

— Слышали?.. Эргашев скончался...

Кабулов хотел что-то сказать, да так и застыл с полукрытым ртом. На его лице проступила бледность.

Первым человеком, которого они встретили во дворе больницы, была жена Эргашева. Всего за несколько дней она осунулась, похудела, ее темное сморщенное лицо сделалось маленьким, с кулачок. Женщина сидела на скамейке у входа в больницу, обхватив голову руками, а рядом с ней стоял узелок с кастрюлей. Видимо, принесла поесть... Она не ответила на приветствие, будто не слышала ничего и никого не видела. Даже не пошевелилась, отрешенно глядела в землю. Тонкие бесцветные губы что-то шептали. Быть может, и не шептали, а дергались от нервного напряжения, от дрожи, охватившей ее всю, от неожиданно свалившегося горя.

Усманов и Кабулов лишь замедлили возле нее шаги, но не остановились и не решились заговорить с ней. Хотели пройти в здание больницы, но дверь отворилась, и на встречу им вышел главный врач.

— Ничего не могли поделать, — грустно ответил он на их немой вопрос. — Перестала функционировать печень...

— В колхоз сообщили? — спросил Усманов.

— Позвонил. Раис обещал подъехать...

Усманов посмотрел на Хайдарали. Взглядом показал на женщину:

— Побудьте с ней, пока приедут из кишлака люди.

Усманов сел в машину, когда перед больницей остановилась зеленая «Волга» Султанова. Водитель, включивший было двигатель, опять выключил мотор, полагая, что секретарь райкома выйдет, чтобы поговорить с раисом. Но Усманов не вышел.

— Поехали, — сказал он.

И прикрыл глаза. Потер двумя пальцами переносицу. Ясно увидел овраг с обрывистым краем, на дне опрокинутый трактор с вмятой в рыхлую землю кабиной, тускло мерцающими, задранными кверху гусеницами, а вокруг суетятся люди... И, как из потустороннего мира, прозвучал в ушах голос: «Это же знатный тракторист!..» Голос Муслима-ака. И сразу звонкий, медсестры: «Матлаб-ака опытный хирург. Вся надежда на него...» Тотчас перед глазами замелькало множество лиц, мужских, женских, знакомых и незнакомых. Одутловатые, щекастые и худые, бледные, одни обливались слезами, другие смеялись, разевая до ушей рты. Но не от горя плакали и не от веселья смеялись, а дразнили его, строили ему рожи. Бред!.. Неудивительно, если подскочило давление. В затылке тупая боль, будто надавили чем-то жестким.

Машина качнулась, замерла. Усманов поднял голову. Они уже стояли перед райкомом.

— Похороны, наверное, сегодня. Поедем? — спросил шофер.

Усманов утвердительно кивнул.

Секретарша перестала печатать и проводила его впросительным взглядом. Войдя в кабинет, он плотно прикрыл за собой дверь, чтобы не слышать тарактения машинки. Малейший звук отдавался болью в голове.

Усманов по селектору пригласил к себе Бурханова.

— Казим Бурханович! — сказал ему, как только тот появился на пороге. — Завтра на бюро соберите руководителей всех хозяйств. Непременно должны быть все.

Бурханов кивнул.

В эту ночь Усманов почти не сомкнул глаз. На душе скребли кошки. Едва погружался в сон, как тут же просыпался от ощущения, будто задыхается, будто ему не хватает воздуха. И снова мучился от мысли, что уже миновал немалый срок, как он приехал в район, а ничего толком так и не сделано. Никак не удается войти в колею, что-нибудь да мешает работать по выработанному заранее плану...

За минувший день он ознакомился с подшивкой газеты «Алга» за последние три месяца. Съездил на насосную станцию, строящуюся на берегу Бадамсая. Зашел в районную библиотеку и поинтересовался списком книг, которые за последние два года прочли работники райкома и райисполкома. Съездил в колхоз имени Максима Горь-

кого и принял участие в похоронах Эргашева. Как ни просил Султанов зайти в правление, Усманов отказался, сославшись на усталость. Знал: стоит зайти, начнется тягостный для них обоих разговор. А сегодня не хотелось затевать его.

Дотемна просидел в своем кабинете, изучая документы последних лет. Когда головная боль сделалась невыносимой, он выключил свет, попрощался с дежурным и вышел на улицу.

Впервые после приезда в Бадамсай он вечером не позвонил Хафизе. И хорошо сделал, что не позвонил. Он был не в себе, раздражен и вряд ли отыскал бы слова, способные поддержать ее. Скорее, испортил бы ей настроение...

В полночь, почувствовав жажду, встал напиться. После этого, однако, не лег, а включил настольную лампу и стал перелистывать «Анналы» Тацита. Сначала листал стоя. Потом сел. Он очень любил эту книгу. Перечитал ее несколько раз. Даже конспектировал разделы, относящиеся к Средней Азии и Ирану. И все-таки не расставался с этой книгой. Если отправлялся в дальнюю поездку, всегда брал ее с собой. И в тот день, когда уезжал в Бадамсай, он в последний момент засунул эту книгу в чемодан, уже уложенный Хафизой, куда, казалось, не поместится и иголка. Эта книга ему нравилась не только обилием интересных фактов, касающихся давнего прошлого его родного края, но он восхищался и ясностью изложения. Язык книги напоминал прозрачную поверхность родника, на дне которого видны и малейшие песчинки; увлекшись, перестаешь замечать строки, забываешь, что ты занят всего лишь чтением, а становишься сам участником давным-давно минувших событий, видишь людей, живших много веков назад, их одежду, выражение лиц, слышишь их голоса...

Открыв книгу наугад, Усманов углубился в чтение. Ему попалась страница, где живописуется приход центуриона к Сенеке. Вот он, спеша исполнить приказ императора, поднялся по мраморным ступеням, свернул в одну из боковых палат и оказался лицом к лицу с Сенекой. Старый философ знал о его приходе и внутренне подготовился к встрече. Представитель власти молча вынул из ножен длинный кинжал с рукояткой из слоновой кости и протянул седому старцу. По лезвию кинжала скользнул красноватый блеск стоявшего в нише светильника. Сенека не принял оружия. Ученый, посвятивший всю жизнь воспи-

танию нынешнего властителя, но не дождавшийся от него ни капли добра ни для себя, ни для народа, ни для государства, брезгливо отвернулся от посланца императора. Он умрет, коль его приговорили к смерти. Но умрет от собственного оружия. Сенека встал и произнес с обычным своим спокойствием:

— Передай Нерону, приказ его будет исполнен.

Сказав это, он неспешно прошествовал во внутренние покои. За ним последовала жена...

Усманов каждый раз, когда доходил до этого места, поражался спокойствию и самообладанию Сенеки. Старый философ своей смертью потряс всю Римскую империю, пред ним почтительно склонят голову все последующие поколения, а имя осудившего его на смерть Нерона вот уже двадцать столетий предается проклятию человечеством. Думая об этом, Усманов вдруг явственно представил себе Нерона, ждущего возвращения центуриона. Он не знает, куда себя деть, бесшумно расхаживает взад-вперед по мягкому ворсу ковров, малейшие звуки заставляют его вздрагивать. Он хорошо понимает, на кого занес руку. Но не видит иного выхода. Жизнь Сенеки — вызов ему, императору. Нерон совершил столько преступлений, столько несправедливостей, что ему страшно даже представить себя рядом с человеком кристально чистой совести, любимцем Рима. Нет, или Сенека, или он! Другого не дано.

Светильники догорали, и Нерон распорядился подлить в них масла. Центурион возвратился поздно.

— Старик умирал очень долго, — сказал он. — Ваш кинжал он отверг.

— Как он умер? — спросил император.

— В бане. Собственным кинжалом вскрыл себе вены. Точно так же поступила его жена.

— А она... зачем? — поразился Нерон.

Центурион не ответил...

Да, Сенека и в смерти своей одержал победу над Нероном...

Усманов с трудом заставил себя закрыть книгу. В окно уже вливался бледный свет утра. День обещал быть трудным.

За несколько минут до начала заседания бюро райкома в кабинет Усманова один за другим вошли руководители хозяйств; члены бюро заняли места вокруг длинного стола, приставленного торцом к письменному столу секретаря, а приглашенные расселись на стульях, расставленных

вдоль стен. Усманов сам просил их не ждать в приемной или коридоре. Но Султанов пока отсутствовал. Без трех минут десять пришли Садыков и районный прокурор Соколов. И в самый последний момент вошел Бурханов с толстой красной папкой под мышкой. Хотя Бурханов и пришел на работу час назад, он уединился в кабинете и не показывался, не поздоровался с Усмановым ни лично, ни по селектору, а главное, не разговаривал с ним ни по одному из вопросов, которые ставились на бюро. Конечно же им следовало заранее обговорить все, и Бурханов это знал. Поэтому Усманов не приглашал его для специального разговора. С тех пор как Усманов приехал в Бадамсай, Бурханов избегает по утрам первым заходить к нему в кабинет и здороваться. Смешно, но факт. Стараясь не заострять на этом внимания, Усманов сам несколько раз заходил к нему в кабинет, чтобы поприветствовать. Решил ли Бурханов, что так оно и должно быть — ведь он старше по возрасту, или всякий раз хотел подчеркнуть перед работниками аппарата свою независимость, но он не изменил своих привычек. Что ж, придется просто не придавать этому значения. И все-таки временами Усманова брала досада: «Почему он так ведет себя?.. Чего добивается? Ссоры?»

Вот и сейчас... Перед тем как занять свободное место поближе к столу, за которым сидел первый секретарь, Бурханов подал Усманову руку, как бы тем самым подчеркнув перед присутствующими: вот, мол, и я, как и вы все, только что вошел в этот кабинет. Наконец появился запыхавшийся Султанов.

— Прошу извинения, — сказал он, вытирая обильный пот с красного лица. И, ни на кого не глядя, присел на краешек стула возле самых дверей.

В кабинете воцарилась тишина.

Члены бюро с повесткой дня были ознакомлены, но Усманов зачитал ее еще раз для приглашенных. Вначале предстояло утвердить решения местных парторганизаций о приеме в партию нескольких товарищей, кандидатский срок которых истек. Принимаемых было четверо. Двое рабочих — один с насосной станции, другой из совхоза; доярка из колхоза «Правда» и сотрудник газеты Мирхайдар Баратов. Все четверо произвели на членов бюро хорошее впечатление. Вопросы им задавали не много.

У молодого поэта Усманов спросил:

— Почему газета выходит поздно?

Спросил и пожалел, что поставил его в неловкое поло-

жение. Баратов покраснел, мельком взглянул на Бурханова. Усманов понял, что ему известна причина, но называть ее молодой человек не решается, и повернул разговор на другое:

— Вам доводилось бывать в колхозе «Шарк юлдузи»?

— Довольно часто, — оживился Баратов.

— Чабана Саидмурада Ишимова знаете?

— Слышал о нем.

— Вам стоит повидаться с этим человеком, — посоветовал Усманов. — Ветеран войны. И хороший чабан. Может, что-нибудь напишете...

— Хорошо! — обрадовался Баратов. — Сегодня же поеду.

Члены бюро засмеялись.

Усманов поздравил молодого поэта с вступлением в партию и отпустил его.

— Переходим ко второму вопросу, — сказал он. — Слово товарищу Бурханову.

— Я буду краток, — предупредил Бурханов, поднимаясь с места. — Вы все, наверное, знаете о происшествии в колхозе имени Горького. Тракторист Яхшибай Эргашев попал под трактор. Машина перевернулась, он не успел спрыгнуть и... Вчера похоронили его... Несчастный случай... — Он посмотрел на Султанова; тот кивнул: правильно, мол, согласен. — Районная партийная организация, бюро не могут пройти мимо такого случая, закончившегося гибелью человека. Я лично одобряю то, что по инициативе Дамира Усмановича этот вопрос вынесен на наше бюро и сюда приглашены все руководители хозяйств. Происшествие это обязывает нас сделать для себя очень серьезные выводы. Что же, собственно, произошло? Правление колхоза решило освоить нынче в течение многих лет не обрабатывавшуюся землю вдоль оврага. Так ведь, Хаитбай Султанович? — Султанов, не отрывая от него взгляда, утвердительно кивнул головой. — Благие намерения! Однако во время работы трактористом Эргашевым были нарушены элементарные правила техники безопасности. Он не учел, что накануне прошел дождь и земля скользкая. Но ни правление колхоза, ни партийная организация не обратили внимания на это обстоятельство. Положились на то, что тракторист имеет опыт и сам примет меры предосторожности. Но, увы, он их не принял... Зная сложные условия данного участка, Хаитбай-ака поручил вспашку не какому-то молодому джигиту, а опытному Яхшибаю Эргашеву. Я подчеркиваю — опытному трактористу. Однако я не со-

бираюсь, конечно, оправдывать раиса. Он виноват. И партийная организация колхоза тоже. У них абсолютно не налажены охрана труда и техника безопасности. Вот почему я их считаю виноватыми, товарищи! По-моему, этому вопросу уделяется недостаточно внимания и в других хозяйствах. Прав я или нет? Скажите честно, товарищи?..

— Правы.

— Верно говорите, — слышались голоса.

— Дамир Усманович, у меня имеется предложение, — продолжал Бурханов. — Нам следует создать авторитетную комиссию и поручить ей изучить эту сторону дела во всех хозяйствах района. Что же касается случая с трактористом Эргашевым... я предлагаю строго предупредить товарища Султанова. Учитывая, конечно, что сама трагедия — достаточно серьезное наказание для этого человека и всего коллектива.

Бурханов сел и медленно оглядел присутствующих, словно желая определить, какое впечатление на них произвело его выступление.

Усманову выступление его не понравилось. Говорил вроде бы все верно. Прав и насчет того, что раис да и весь коллектив наказаны. Смерть человека конечно же для всех тяжкое наказание. Однако Бурханов сглаживал причины, повлекшие за собой трагедию, смягчал вину тех, кто мог предотвратить ее, но не предотвратил, сводил все к нарушениям техники безопасности. Самовластие Султанова и то, что именно он приказал, не теряя ни дня, ни минуты, пахать в опасном месте, осталось в стороне, — об этом Бурханов не обмолвился ни словом. Усманова так и подмывало тут же выступить самому, задать тон обсуждению, но он заставил себя повременить.

— Кто желает еще выступить? — спросил он, оглядев членов бюро.

Слова попросил председатель райисполкома Кудрат Саимович Садыков.

— Казим Бурханович исключительно прав, — сказал он, покашляв в кулак. — Сегодня мы должны сделать серьезные выводы. Аналогичное случается то в одном, то в другом колхозе. Помнится, лет десять назад, кажется, в колхозе «Айбек» один арбакеш вез сено и свалился с арбы. Мы тогда не обратили внимания на этот случай, и сам пострадавший никуда не пожаловался. Между тем этот человек с того самого времени не поднимается с постели. Кто в этом виноват? Бесспорно, в первую очередь он

сам. Но косвенно виноваты и мы, товарищи! Мы нередко забываем про заботу о людях. Никто не сказал этому арбакешу: мол, зачем так много грузишь, лучше сделай еще одну езду... Теперь вот и Эргашеву никто не сказал: «Этот склон скользкий, будь осторожен». Как говорят люди, его даже заставили начать там пахоту. Вы заставили, Хаитбай Султанович! Да, вы! Я побывал там, осмотрел участок. Там же очень легко перевернуться даже при соблюдении всех правил безопасности! Неужели вы этого не видели? Земли-то с ладонь. Нет, не было необходимости пускать туда трактор. — Садыков откашлялся, помолчал, как бы собираясь с мыслями, и обратился к Усманову: — Дамир Усманович! Я не против предложения товарища Бурханова. В конце концов сейчас не главное, какое наказание применить к виновным, а главное — осознать, что произошло, главное — понять свою вину в происшедшем. Если Хаитбай Султанович не понимает этого, если не понимают этого и другие, то мы не излечимся от своих «болезней» и такие трагедии будут повторяться и впредь...

— Почему я не понимаю? — пробубнил Султанов, подетски надув губы. — Я всё понимаю. Очень нехорошо получилось. Только одного не возьму я в толк. Вы что, хотите, чтобы я вообще не распорядился? Тогда зачем в колхозе председатель?

— Вот видите! — сказал Садыков, обращаясь к Усманову. И, обернувшись к Султанову, с укоризной покачал головой: — Распорядьтесь, товарищ Султанов, распорядьтесь. Только распорядьтесь разумно. Распорядьтесь так, чтобы люди не гибли.

— Я, что ли, его убил?! — повысил голос Султанов, поднимаясь с места. — Вы хотите меня сделать убийцей? Я за свою жизнь и воробья не убил. Думайте, что говорите, товарищ Садыков.

— Не забывайте, что вы на бюро, товарищ Султанов, — строго сказал Усманов, постучав о стол тупым концом карандаша.

Султанов недовольно крикнул, вытер платком покрывшийся испариной лоб и опустил на место.

После Садыкова выступил районный прокурор Виктор Иванович Соколов. Усманов очень давно знал этого человека, хотя общаться близко до приезда в Бадамсай с ним не приходилось. Виктор Иванович жил в этих местах очень долго, и все считали его местным. Хорошо знал людей района. В самом начале войны Соколов добровольно ушел на фронт. Отступал с нашими войсками до самой Москвы,

а потом гнал врага до Берлина. По возвращении долгое время работал в республиканской прокуратуре, а восемь или девять лет назад его потянуло в родные места: он и попросился снова в Бадамсай. С тех пор тут и работает. В областной и республиканских газетах часто появляются его статьи на морально-этические темы, о воспитании молодежи. Работы у него невпроворот. Усманов по прибытии в Бадамсай видит его лишь вторично. В первый раз он разговаривал с ним по делу ювелира Мамашарифа-ота. Виктор Иванович внимательно выслушал его и полностью поддержал.

Внимательно вслушиваясь в неторопливое выступление Виктора Ивановича, Усманов порадовался про себя, что работает с таким человеком. Им надо встретиться особо и обговорить ряд вопросов. Усманов полистал настольный календарь и сделал пометку.

— Простите меня, Хаитбай Султанович, — сказал в заключение Виктор Иванович. — С юридической точки зрения, конечно, за вами никто не усматривает вины. Однако вы виноваты. Вы же заставили его! И напрасно обижаетесь на Кудрата Саимовича. Из-за вашего неразумного распоряжения погиб человек. Я ни в коей мере не могу согласиться с предложением Казима Бурхановича. Наказание должно соответствовать тяжести вины. Виновному в трагедии, повлекшей за собой смерть человека, предупреждение — слишком легкое взыскание. Я предлагаю председателю колхоза Султанову объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Заседание продолжалось до полудня. Выступили почти все члены бюро.

— У вас есть что сказать? — спросил Усманов, обращаясь к Султанову, который сидел, облокотясь о колени и опустив голову.

Раис поднялся с трудом, будто ноги едва держали его.

— Я же не знал, что так получится, — еле слышно произнес он сдавленным голосом. — Разве я хотел, чтобы он погиб?.. Мой лучший тракторист... Трудяга был. Скромный. Думал, представлю его к званию Героя. Он бы стал Героем... Думаете, мне легко? Как увижу его детей, сердце кровью обливается... Конечно, я виноват, кто же еще?.. Ругаю себя. Если бы не пожадничал, ничего бы не случилось... Товарищ Садыков говорит, я не понимаю. Нет, я очень хорошо понимаю. Но ведь он сам не без головы, должен же был работать осторожно!.. Я же с благими намерениями послал его туда. Из сотни парней выбрал его...

Эх-х... — Он махнул рукой и, взглянув на Усманова, тут же отвел глаза: мол, закончил я. И сел на место.

В комнате воцарилась тишина. Все ожидали, что скажет первый секретарь. А Усманов о чем-то задумался, поигрывая карандашом. Из выступления Султанова он понял, что раис не о своем поступке сожалеет, а лишь огорчен судьбой покойного, его семьи. Садыков прав: как бы ни страдал Султанов, он таки не понял сути трагедии. Произносил тут правильные слова, как и Бурханов, но в них не чувствовалось уважения к человеку, заботы о нем. Эта трагедия для него — простой несчастный случай, и только.

— Вчера я встретил в больнице жену Эргашева, — тихо произнес Усманов и, отодвинув назад кресло, медленно поднялся. — Я видел ее и в первый день, когда ее мужа привезли в больницу. Но вчера... Вчера я не мог смотреть ей в лицо. Стыдно мне было. Мне не довелось быть на войне. Но в книге военных воспоминаний я прочитал недавно, как командир, потерявший в рукопашной схватке своего солдата, после боя плакал.

— Правильно, — негромко произнес кто-то.

Усманов знал, что говорит правильно. Если не ошибается, он читал об этом эпизоде в воспоминаниях маршала Конева.

— То было на войне... А в мирное время хороший командир тем более не пошлет солдата на верную смерть, — продолжал ровным голосом Усманов. — Согласен, большую часть работ без распоряжений не осуществишь. Но нельзя же командовать вслепую. Если в чем-то недостаточно компетентен, надо же советоваться, прежде чем отдавать распоряжения. А вы, товарищ Султанов, не только не посоветовались ни с кем, но даже не вняли разумным словам бригадира механизаторов и самого Эргашева. Они же высказывали свое опасение!.. А вы за это накричали на них. Невежество, самодовольство всегда приводят к несчастью, все это знают... Человек же погиб! Это надо понять. Но до вашего сознания все еще не дошло случившееся... Если вы не измените отношения к людям, то руководить колхозом вам будет трудно. И нам будет трудно с вами работать... Казим Бурханович внес очень дельное предложение. Мы создадим при райкоме партии специальную комиссию и проверим состояние охраны труда и техники безопасности во всем районе. Решение же сегодняшнего бюро мы разошлем во все хозяйства. Трагедия,

происшедшая в колхозе имени Горького, не должна повториться нигде. И прежде всего в самом колхозе имени Горького. Голосуем, товарищи. Первое предложение: за нарушение правил техники безопасности, приведшее к несчастному случаю со смертельным исходом, председателя колхоза имени Максима Горького товарища Султанаова предупредить. Кто за это предложение?

Первым поднял руку Бурханов, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, будто запоминая, кто не поддержал его предложения. «Неужели не ясно, что не прав? — подумал Усманов.— Мог бы отказаться от своего предложения до голосования...»

Под взглядом Бурханова нерешительно поднял руку заведующий отделом народного образования. Этого человека Усманов еще, можно сказать, не знал. Лишь раза два встречал на собраниях. Кажется, он давно работает в районо. Однако как работает? Это пока ему неизвестно. Усманов заметил, что тот нет-нет да и поглядывает на Бурханова. И это его покорило.

Никто больше не проголосовал за первое предложение. Султанову был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Все вопросы, вынесенные на повестку дня бюро, тщательно проанализированы, по каждому принято решение. Заседание прошло именно так, как Усманов и предвидел. Однако чувство неудовлетворенности почему-то не покидало Усманова.

В конце дня к нему зашел Бурханов. Он был заметно взвинчен. Его состояние, конечно, можно было понять.

— Ко мне у вас ничего? — хмуро спросил он, глядя в сторону, мимо Усманова.

— Нет,— Усманов встал из-за стола и подошел к нему.— Вид у вас очень усталый, Казим Бурханович.

— Голова разболелась. Полежать бы... Если вы не против...

— Идите, идите. Только не расхворайтесь.

Бурханов кивнул и вышел.

С его уходом мысли Усманова обрели ясность. Неприятный осадок у него остался от выступления Бурханова, от его стремления оградить Султанаова от неприятностей. Он и прежде слышал, что они близки с Султановым, почти приятели. Дружба дружбой, но не должны же приятельские отношения отражаться на деле, наносить ущерб авторитету партийного органа. Невольно пришли на ум слова Ивана Александровича Гончарова: «Если ты не можешь

прямо, откровенно, даже резко сказать другу все, что ты думаешь о нем, о его поступках, или выслушать от него такую же правду о себе, значит, вы не верите по-настоящему друг другу, не понимаете и не уважаете друг друга».

Да, если учесть, что на заседании, кроме членов бюро, присутствовали руководители колхозов, то второй секретарь райкома, откровенно встав на защиту Султанова, допустил промах. Понял ли он это?..

Надо поговорить с Бурхановым с глазу на глаз. Откровенно. И не откладывая. Он же многоопытный человек! А почему-то притворяется простаком. Хочет продемонстрировать свое «человеколюбие»? Но в районе его давно знают как человека жесткого, с «твердой рукой»... Да, Бурханов, кажется, посложнее, чем Усманов предполагал раньше. Что же он задумал?..

XII

Поначалу весна была нерешительной, уступчивой, и даже в середине марта не раз вторгались на уже подвластную ей территорию ветры и холодные дожди. Но в конце концов, потеряв терпение, она объявила себя единственной хозяйкой и смела с неба серые тучи, открыла солнечным лучам свободный доступ к земле. И враз склоны холмов, берега арыков покрылись изумрудной зеленью с вкраплениями красных, желтых, синих цветов. Среди деревьев первыми зацвели-заневестились кокетливые урючины и резко выделялись теперь своим то белопенным, то розовым нарядом во все еще темных садах. Начались дни, когда спешка, как говорят дехкане, вводит в соблазн и надувает, а промедление разоряет. На полях с рассвета до ночи рокотали тракторы, шел сев хлопчатника. По утрам люди, едва протерев глаза, хватали газеты, отыскивая взглядом сводку, чтобы знать, на каком месте по севу их область, их район, их колхоз или совхоз...

В эту страдную пору и состоялось расширенное собрание партийно-хозяйственного актива Бадамсайского района. На нем присутствовал Искандер Гаипович. Усманов очень обрадовался тому, что он приехал. С тех пор как Усманов стал в Бадамсае секретарем райкома, этот актив был первым крупным собранием. Подготовка к нему доставила Усманову немало хлопот и волнений.

Вначале были заслушаны отчеты трех председателей колхозов, расположенных в гористой местности и занимающихся в основном скотоводством. Они говорили о ходе окотной кампании. В этом отношении положение района беспокойства не вызывало. Куда более волновал всех ход посевной. Поговорка «Что посеешь, то и пожнешь» в народе родилась неспроста. И совершенно естественно, что большинство руководителей хозяйств уделяло в выступлениях главное внимание севу. Выступил и Хаитбай Султанов. Сделав в конце своего сообщения многозначительную паузу, он обвел зал орлиным взглядом и вдруг объявил о том, что колхоз имени Максима Горького сверх взятых обязательств решил продать государству еще одну тысячу тонн хлопка-сырца.

В зале бурно зааплодировали.

Султанов и сам, стоя у трибуны, несколько раз вяло ударил ладонью о ладонь, медленно оборотился к президиуму, как бы вопрошая: «Ну как, довольны?»

Конечно, довольны! Еще бы не быть довольным! Усманов от чистого сердца хлопал ему. Продать государству дополнительно тысячу тонн хлопка — это ли не подарок! Усманов еще раз убедился, что Хаитбай-ака — умелый руководитель, дело свое знает отменно и справедливо пользуется авторитетом не только в районе, но и в республике. И прежде поговаривали, что на все большие собрания Султанов приходит с какой-нибудь доброй новостью, а сегодня Усманов и сам в этом убедился. И все же где-то в уголке сердца шевельнулась обида: «Если собираешься внести такое ценное предложение, неужели нельзя хоть двумя словами информировать райком перед началом собрания?! Почему ждал актива? Чтобы отличиться и еще более умножить свою славу?.. Если бы проинформировал нас заранее, райком посоветовал бы и другим руководителям пересмотреть свои обязательства. Нашлись бы, наверное, коллективы, пожелавшие продать государству хлопка больше, чем задумали вначале. А сейчас... Султанов один. Султанов — герой дня... И район, возможно, взял бы дополнительное обязательство сверх того, что объявлено на курултае¹ хлопкоробов... Тысяча тонн хлопка! Не шутка. Здорово, что и говорить. Но обещание Султанова сейчас выглядит как посулы человека честолюбивого. А может, он об этом все же сказал кому-нибудь в райкоме? Например, Бурханову? Отношения

¹ Курултай — съезд.

между ними более чем хорошие. Когда Султанов приезжает в райком, первым делом заходит к Бурханову. Если он заранее уведомил Бурханова, то второй секретарь, скрыв это, допустил большую оплошность. Можно же было до актива еще раз, хотя бы приблизительно, прикинуть возможности хозяйств, найти дополнительные резервы. Тогда бы и район, безусловно, повысил свои обязательства...»

Когда Султанов отошел от трибуны и стал спускаться со сцены, Искандер Гаипович громко спросил Усманова:

— Ну а район? Какие планы у района?

Хотя аплодисменты еще не стихли, но вопрос первого секретаря обкома услышали все. В зале воцарилась тишина. Ведь вопрос, обращенный к Усманову, касался всех. Усманов задумался. Гаипов застал его врасплох, он не был готов к ответу. Султанов своим предложением поставил всех в неловкое положение.

Молчание первого секретаря райкома несколько затянулось. И тогда, то ли придя Усманову на помощь, то ли еще из каких соображений, Бурханов не очень громко, но уверенно произнес:

— Искандер Гаипович!.. По предварительным расчетам, сверх обязательства шесть тысяч тонн. Предполагаю, что будет даже больше.

— А что скажет первый секретарь? — снова спросил Искандер Гаипович.

Усманов не спеша поднялся с места. Весь зал смотрел на него. Что сказать? Мол, Казим Бурханович прав, наш расчет именно таков? Большинство уверено было, что он это и скажет. Но Усманов не мог произнести этих слов. Потому что ответ Бурханова не был согласован ни с ним, ни с руководителями хозяйств, это лишь личный подсчет опытного человека. А Усманов считал, что ни актив, ни секретарь обкома не нуждаются в таком ответе. Им нужны ясность и точность.

— Хаитбай-ака выступил с хорошим предложением, — начал он. — Но это пока лишь желание. В сердцах тружеников всех без исключения хозяйств нашего района есть такое желание. Я в этом убежден...

— Правильно!.. Верно!.. — слышались голоса в разных концах огромного зала.

— И конечно же имеются свои намерения и у района. Но наше твердое слово мы вам скажем, Искандер Гаипович, когда засеет поля, — заверил Усманов, повернувшись

вполоборота к секретарю обкома. — Можете нам верить: бадамсайцы пересмотрят свои обязательства.

В зале дружно зааплодировали.

Улыбка секретаря обкома говорила о том, что он удовлетворен ответом.

Уезжая, Искандер Гаипович пошутил, прощаясь с Усмановым:

— Дамир Усманович, я был убежден, что из вас выйдет хороший партийный работник. Но вы, оказывается, еще и дипломат...

Усманов смутился.

— Правильно ответили, — Гаипов дружески положил руку ему на плечо. — Райком знал об инициативе Султанова?

— Нет.

— Я так и подумал. Инициатива вещь хорошая, но ею надо управлять. Актив прошел на высоком уровне. Поздравляю. Однако должен сказать, на всех наших активах пускает корни определенный штамп. И Бадамсай не исключение. Заранее известно, кто выступит и даже что он скажет. От этого надо избавляться. — Искандер Гаипович отворил дверцу и уже садился в машину, но, вспомнив что-то, выпрямился. — Почему вы не переезжаете в отведенный вам дом? Первый секретарь райкома не гость для района. Ему не к лицу жить в гостинице. Он отец района, глава большой семьи... Договорились?

Усманов кивнул.

Искандер Гаипович уехал. А Усманов еще долго стоял, не трогаясь с места. «Как же я так опростоволосился? — подумал он и ударил кулаком о ладонь левой руки. — Как не догадался обсудить с товарищами взятые хозяйствами обязательства?..» Легкий ветерок освежал лицо, трепал ему волосы. Большая круглая клумба в скверике напротив уже была сплошь в цветах. В тени темно-зеленой арчи сидела молодая женщина и покачивала детскую коляску, держа на коленях раскрытую книгу. Усманов подумал о Хафизе. Как она там? Искандер Гаипович прав: нехорошо столько времени жить врозь. И опять, словно электрический ток, пронзила мысль: а правильно ли поступил, приехав в Бадамсай?.. Что ни день, то новые трудности, которых не ждал. И борьба, борьба... Надолго ли хватит сил?.. Должно хватить. Отступать поздно. Какими глазами он посмотрит в лица товарищей, когда будет их просить: мол, не могу, освободите меня? Как просить об этом Ис-

кандера Гаиповича, который возлагает на него столько надежд? А другие? Разве не скажут они ему: «А ты думал, партийная работа — это игрушка?!» А мать?.. Хафиза?.. Впрочем, он приблизительно знает, что скажет Хафиза. Она скажет: «Ладно, не огорчайся, занимайся себе спокойно своим Спитаменом». Сказать-то скажет, а сама будет за него переживать. Если и не выдаст ничем своих волнений, он-то все равно почувствует. А мать, та прямо скажет: «Твой отец никогда не искал в жизни легких путей! И он ошибался, но не отступал — учился. Не нужно пугаться своих ошибок, лучше постараться скорее их исправить. Твой отец не боялся трудностей, и ты не должен бояться». Да, так скажет мать. А друзья? Они будут удивлены и разочарованы. Исмаилджан, пожалуй, даже обидится... Возрадуются только недруги. У всех они имеются. Есть и у Усманова. Усманов представил себе ехидную ухмылку на лице Далимова. «Вот тебе и любимчик обкома!» — скажет он, хлопнув в ладоши, и захихикает...

Нет, отступать поздно. Остается работать. Работать, не зная ни дня ни ночи. Только так можно приобрести опыт. Опыт накапливается только в работе. «Не ошибается тот, кто ничего не делает» — так, кажется, говорят мудрые. Становился ли кто секретарем, заранее все умея? Может, и есть такие, кому любое дело по плечу. Но Усманов не из таких. Он из тех, которых большинство. Ну и что из того? Постепенно он постигнет суть многих дел, изучит район и будет знать его не хуже самого старого старожилы. Вот если и тогда, спустя четыре-пять лет, он станет ошибаться, как сегодня, тогда что ж, тогда можно будет сказать: «Эта работа не по мне, освободите меня». У него есть специальность, которую он любит. Вот и будет преподавать историю...

От раздумий его отвлек председатель райисполкома Садыков. Он, видимо, направлялся к себе, но, увидев Усманова, подошел:

— Дамир Усманович, простите... Но сегодня вам уже нельзя не переехать в новый дом... Искандер Гаипович отругал меня...

— Да, да, — рассеянно ответил Усманов. — Надо переехать. В тот самый?

Его вопрос Садыков истолковал по-своему:

— Есть и другой дом. Там жил председатель комитета народного контроля. Тоже хороший дом. Только требует небольшого ремонта. Рядом с домом товарища Бурханова...

— Нет, нет, меня вполне устраивает этот,— быстро ответил Усманов, но было заметно, что мысли его заняты чем-то другим.

— Тогда я распорядюсь, чтобы ваши вещи перенесли из гостиницы?

Усманов кивнул и взял Садыкова под руку:

— Кудрат Саимович, как вы думаете? Мне кажется, после сегодняшнего актива не стоит проводить нового собрания в ближайшее время. Что, если вопрос о дополнительных обязательствах решать в каждом хозяйстве отдельно? Как вы на это смотрите?

— Очень хорошо,— поддержал его Садыков.— Я тоже как раз подумал об этом. Поговорить здесь — это одно, а поговорить там, непосредственно в хозяйствах,— совсем другое. Повышается ответственность.

Они помолчали. Мимо них к клумбе и обратно словно пули пролетали пчелы. Кудрат Саимович потер увечную руку и посмотрел на Усманова почти с отеческой нежностью. Он с первого дня почему-то сразу преисполнился симпатией к этому человеку. Бывает так: еще не обмолвились ни словом, еще, как говорится, и ломтя хлеба не делили, а уже чувствуешь душевную близость.

— Дамир Усманович,— сказал он.— Я побеседовал с некоторыми председателями. Все довольны вашим ответом...

Усманов испытующе посмотрел на Садыкова, будто сомневаясь в его искренности. Искандер Гаипович сказал то же самое, только Усманову казалось, что он это сказал лишь для того, чтобы его успокоить, поддержать дух. Иначе и нельзя было ответить, но Усманову хотелось, чтобы это поняли и другие.

Садыков выдержал его взгляд.

— Все, с кем я разговаривал, довольны,— повторил он.— Все так считают: рано говорить что-либо определенное. Сегодняшняя бравада — это голые обещания. Хаитбай Султанов щедр на обещания. Тем более ему хорошо известно, что сегодня хоть с три короба наобещай, это нигде не фиксируется и не накладывает строгой ответственности. Посмотрим, что будет через месяц...

Настроение Усманова улучшилось. Садыков сразу это заметил и опять завел разговор о переезде:

— Значит, пусть вещи перевозят? По-моему, Хафизе Рахимовне дом понравится. Светлый, окна на солнечную сторону выходят...

— Значит, в этом доме раньше никто не жил? — еще раз уточнил Усманов.

Об этом он спрашивал не впервые. Поинтересовался этим и когда ходил взглянуть на предложенный ему дом, стоявший приблизительно в километре от районного центра, в тихом, малолюдном тупике, и когда в гостиницу к нему приходили директор совхоза и парторг, чтобы узнать, скоро ли он намерен вселиться. У него имелись свои причины на это. Во-первых, он вообще не любил пользоваться подержанными вещами. Когда был мальчишкой, мать покупала ему одежду в комиссионном магазине, где вещи стоили дешевле. Как-то — он уже учился в девятом классе — она на свои сбережения приобрела ему бобровую шапку. Зима в тот год выдалась очень холодная, а он носил старую фуражку с помятым козырьком. Можно ли было не обрадоваться настоящей бобровой шапке, пушистой и переливающейся, словно присыпанной блестками! Но едва взял ее в руки, в нос ему ударил запах нафталина, смешанный с кислым духом пота. Он брезгливо поморщился и отложил шапку, даже не примерив. Мать расстроилась, стала допытываться, чем он недоволен, почему не приглянулась шапка, а он не мог толком объяснить. Не мог ее, будь она неладна, эта шапка, нахлобучить на себя, и все тут. Почему-то в нем возникла убежденность, что бывший хозяин шапки был недобрым человеком, к тому же и нечистоплотным. Он и сам не знал, почему решил так. Просто вспомнил, что одиннадцать лет назад в их прихожей, после того как увели ночью отца, долго держался в точности такой же вызывающий тошноту смрад. Они с матерью тогда открыли окна, проветрили дом. Но этот запах ему помнился многие годы, преследовал его...

Он больше никогда не надевал подержанных вещей, а мать перестала их покупать. Теперь он боялся, что и старый дом может оказаться для него такой же вот одеждой с чужого плеча...

Была и другая причина. И она, быть может, еще более важная... Спустя несколько дней после того, как отца арестовали, им предложили срочно съехать, а в их доме поселился прокурор, тот самый, который подписал ордер на арест отца. Дом, конечно, был не их собственный, а государственный, и отца арестовали вовсе не потому, что это жилье кому-то понадобилось. И мать и сын хорошо понимали это. И все же на сердце остался осадок... Поэтому Усманову не хотелось вселяться в дом, где недавно кто-то жил.

Кудрат Саимович еще раз заверил, что коттедж совершенно новый и находится в ведении исполкома, хотя и расположен на территории шестого совхоза. Место хорошее, возле речки, вокруг сады, виноградники. Прямо рай. Какие могут быть сомнения?

— Дом вам выделен по решению исполкома. Если хотите, могу показать решение, — добавил Кудрат Саимович.

— Спасибо, не нужно, — ответил Усманов и улыбнулся. — Будем считать, вы меня убедили. Сегодня же перееду.

Решился — и будто гора с плеч. Да, именно с этого дня он начнет вращать корнями в бадамсайскую землю.

Он на прощанье кивнул Садыкову и легко взбежал по ступенькам райкомовского подъезда.

На столе лежала кипа бумаг, приготовленная еще со вчерашнего вечера. Жалобы, просьбы, накопившиеся дела, требующие решения. К тому же сегодня приемный день. С пяти часов приемная наполнится людьми. Надо каждого выслушать, с каждым обстоятельно поговорить. Опускаясь в кресло, он взглянул на часы: уже перевалило за вторую половину дня, а он еще и не пообедал. Как бы то ни было, а до пяти надо с делами управиться.

Взял письмо, лежавшее поверх остальных бумаг. Начал читать, увлекся и сразу позабыл обо всем: и о предстоящем переселении в новый дом, и о недавних сомнениях в своих силах, и о голодном посасыванье под ложечкой. Несколько страниц были исписаны убористым почерком. Лично к первому секретарю райкома обращался персональный пенсионер, член партии с 1919 года. Он подробно излагал события времен гражданской войны, происходившие в Бадамсае. Автор письма был активным участником этих событий, встречался с видными деятелями революции: Юлдашем Ахунбаевым, Михаилом Васильевичем Фрунзе, Валерьяном Валерьяновичем Куйбышевым. Эти люди несколько раз бывали у него в доме, а однажды проводили даже военный совет. Как сообщал автор, у него имеется множество ценных документов и фотографий. Заботясь о сохранности этих бумаг и снимков, автор письма предлагал превратить его дом в музей. С этим предложением он, оказывается, не раз обращался во многие инстанции, но ниоткуда не получил определенного ответа. «Слышал, что вы историк, — прочел Усманов

и улыбнулся. И откуда они прознали, что он историк? Историк ли теперь?.. — Потому и обращаюсь к вам, надеюсь, что правильно меня поймете. Жить мне осталось немного, кто знает, сколько еще протяну... Боюсь, что с моим уходом из жизни могут затеряться и все эти документы...»

В конце письма значился адрес: улица Бадамзарская, дом номер тридцать один. Абдували Инагамов.

«Надо зайти, — подумал Усманов и отложил письмо на видное место. — Вдруг и в самом деле там поджидают историков интересные находки!»

Теперь перед Усмановым лежали документы Саидмурата Ишимова. Автобиография. Усманов прочел ее. Вот и бумаги, связанные с представлением его к награде. Много их, всяких бумаг. Первые заполнены еще в 1977 году, края уже успели измяться, пожелтеть. Несколько характеристик, выданных колхозом. Каждый год писались. Но ни на одной не имеется резолюции райкома; неизвестно, читал ли их кто-нибудь вообще. При рассмотрении кандидатур для представления к награде эти документы всякий раз оставались в стороне, никуда не отсылались.

Усманов нажал кнопку селектора:

— Казим Бурханович, если не очень заняты, зайдите на минуту.

Пригласив второго, он тут же подумал, что поспешил. Лучше бы сначала дожидаться приезда Исмаилджана и выхода в газете очерка об Ишимове. А впрочем... Впрочем, и правильно сделал, что пригласил. Нужно поговорить конкретно и внести в это дело ясность. Зачем ждать обнародования материалов? Пусть все идет своим чередом.

— Я вас слушаю, — сказал Бурханов, входя в кабинет.

Он сел в кресло перед письменным столом и закинул ногу на ногу. Руку положил на край стола, постукивая пальцами. Всем своим видом, движениями, взглядом выражал спокойствие и самоуверенность.

— Я хотел спросить вас... — Усманов придвинул к нему бумаги Ишимова. — Почему до сих пор не рассмотрены эти документы?

— Что это? — Бурханов, не меняя позы, чуть наклонился вперед и, слегка щурясь, посмотрел на бумаги.

— Собралась их целая кипа. И, видимо, лежат давно...

— Это же документы Ишимова... Ну конечно... Чабан из колхоза «Шарк юлдузи». Что, пожаловался? — Бурханов криво усмехнулся.

— Нет, не пожаловался. Я сам узнал, когда ездил в «Шарк юлдузи». Это и неважно. Важно другое. Четвертый год подряд на Ишимова заполняются наградные листы, но дальше райкома они не идут...

— Правильно, — качнул головой Бурханов, отодвинул бумаги к Усманову. — Ишимова нельзя представлять к награде. А Сатыбалды Полвонов даже собирался его сделать Героем!..

— Почему нельзя? Работает хорошо. Такое трудолюбие заслуживает награды.

— Работает-то хорошо, верно. Но к награде представлять нельзя. Райком против. Ишимов долгие годы находился в плену.

— Ну и что из того?

Бурханов устремил на собеседника удивленный взгляд:

— По-моему, этого достаточно.

— Такого мнения придерживаются все члены райкома?

— Сейчас затрудняюсь сказать. Но вопрос обсуждался на бюро. Например, такого же мнения придерживается товарищ Султанов. Прокурор, кажется, тоже склонен так думать... И...

— А вы знаете, что Ишимов делал в плену?

Бурханов иронически усмехнулся:

— По мнению Сатыбалды-ака, он там вершил героические дела. Однако... утверждения эти беспочвенны, просто слухи. Райком не может руководствоваться слухами при решении вопросов.

— В райкоме не могут и безразлично относиться к судьбам людей, сидеть сложа руки, пока бумаги, от которых зависят судьбы, не пожелтеют. — Усманов произнес эти слова, сохраняя внешнее спокойствие, хотя внутри у него все кипело.

— В этом виноват он сам, — сказал Бурханов, пожимая плечом. — Если кто не хотел сдаваться в плен, никто же не тянул его туда за руку!

— На войне случалось всякое, Казим Бурханович. Это ведь война... Согласен с вами: были и предатели, которые по своей воле шли в плен. Некоторые и посейчас болтаются на чужбине... Ишимова я не могу причислить к таким. Он честный человек. Вы только вникните в его документы, прочтите письма его соратников. Да и по лицу видно же...

Бурханов опять криво усмехнулся, обнажив желтоватые зубы:

— Я не исключаю возможности, что вы опытный физиономист. Но поймите меня правильно, Дамир Усманович. Мне тоже небезразлична судьба Ишимова. Трудолюбив, передовой чабан, ничуть не хуже тех чабанов, которые давно уже ходят в Героях. Однако мы же ничего не знаем, что он делал на той стороне...

— Ну так узнайте!

— Нет никаких свидетельств!

— А эти письма?

— Письма не документ.

«Да, с этим человеком трудно разговаривать, — подумал Усманов. — Он верит только официальной бумаге, в действиях руководствуется только бумагами с печатями и штампами». Стараясь не потерять над собой контроля, спокойно произнес:

— Авторы писем — свидетели. Свяжитесь с ними...

— Но эти свидетели не знают, как он очутился в плену.

— Но его близкие получили извещение, что он героически погиб. Геройски! Это ли не доказательство, что он не поднял рук перед врагами?!

— Во время войны многие получали похоронки, — возразил Бурханов. — Однако большинство из тех людей действительно отдали жизнь за Родину... Случалось, конечно, что о некоторых тяжелораненых сообщали, что они погибли, а те чудом выжили. Но в конце войны их родственники о них уже имели сведения. А об Ишимове и после войны долгое время никто ничего не знал. Домой он возвратился аж в сорок седьмом году. Вот тут-то и заковыка. Почему сразу не вернулся? Боялся? Не хотел?.. — Бурханов выпрямился в кресле, уверенный в своей правоте, и небрежно махнул рукой. — Ладно, пусть себе работает, трудом смывает свое бесчестье. Закрытый казан оставлять закрытым, забыть прошлое — это неправильные взгляды, Дамир Усманович. То, что мы не тронули его, а оказали доверие, предоставив возможность спокойно жить и трудиться, разве это не свидетельствует об уважении государства к его работе? Если он этого еще не понял, то я скоро буду в «Шарк юлдузи» и растолкую как следует...

— В этом нет надобности, — негромко произнес Усманов и вздохнул. Он ощущал страшную тоску и опустошенность. Вспомнил отца, прижавшего к груди маленького сына, его пушистые, порыжевшие от курева усы. — Нет надобности, Казим Бурханович. Делом Ишимова вы не будете уже заниматься. Я сам займусь им... Кстати, не

довелось ли вам посмотреть телефильм о Зиямате Хусанове?

— Нет, не довелось, — ответил Бурханов и сжал губы, лицо его сделалось каменным.

— Тоже попал в плен. Под Курском. В рукопашном бою был ранен. А дома получили извещение о его гибели... Но Хусанов бежал из плена, воевал против фашистов в отряде болгарских партизан. Вот этому-то человеку, побывавшему в плену, но нашедшему силы и возможность продолжать борьбу, наша партия и наше правительство недавно присвоили высокое звание Героя Советского Союза! Вы не на высоте, Казим Бурханович...

Бурханов покинул кабинет, не произнеся более ни слова. А Усманов некоторое время сидел еще неподвижно, чувствуя невероятную усталость.

И он должен работать с таким человеком! Не год, не два, а многие годы. Трудно. А работать надо... Интересно, он только документам Ишимова не дал ходу? Или и еще есть «лишенные доверия»? Надо проверить.

Размышляя о Бурханове, Усманов находил все больше причин, объясняющих, почему обком не рекомендовал его первым секретарем. Значит, там неплохо знают его. И, видимо, считают, что этот человек, предвзято относящийся к зависимым от него людям, не всегда объективный в своих действиях, должен быть под постоянным контролем. Мало приятного в этом. У Усманова забот и так предостаточно. Но только он может контролировать работу второго секретаря. И никто более. А как это делать? Ведь ясно, что Бурханов и ухом не ведет в ответ на критику, на советы других людей. Шутка ли сказать — чтобы он, Бурханов, внял чьему-то совету! Ясно, самолюбие не позволит. Но исполнять свой долг и работать как положено — тут его надо заставить. Коль скоро он признает лишь официальную бумагу и факты, только этим и можно его одолеть — бумагами и фактами. А когда нужно, придется воспользоваться и своим положением... Первой победой над Бурхановым будет разрешение проблемы с Ишимовым. Значит, делом этим придется заниматься очень серьезно...

Усманов попросил секретаршу принести ему крепкого зеленого чая и принялся изучать остальные заявления и письма. Увлекся и не заметил, как пролетело время. Из селектора донесся голос Малохатхон:

— Дамир Усманович, будете принимать по личным вопросам? Уже пять часов.

— Буду. Много посетителей?

— Шестеро. Первым хочет зайти к вам Носир Пулатович.

— Пригласите.

Усманов поспешно встал и направился к двери.

— Что же сидите там, Носир Пулатович? — укорил он Пулатова, который переложил из одной руки в другую палку, чтобы обменяться рукопожатием. — Надо было сразу зайти.

— Знаю, что заняты. Не хотел помешать раньше времени. К тому же я по личному вопросу на этот раз. Как все, так и я...

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Усманов взял Пулатова под руку и проводил к дивану, с радостью отмечая про себя, что на палку Пулатов почти не опирается, а взял ее скорее по привычке.

— Как здоровье, Носир Пулатович? Выглядите превосходно!

— Благодарю.

Они сели на диван напротив распахнутых настежь окон. В кабинет, шевеля бордовые портьеры, вливался теплый ветерок. Прячась в густой листве чинары, заливалась майна, выводила такие рулады, что впору и соловью заслушаться.

— Мне кажется, дело идет на поправку, — сказал Пулатов, потирая колено. — Суставы, слава богу, теперь не болят. Только голова порой кружится, в такие минуты непременно надо на что-то опереться, вот и ношу палку с собой... Но, думаю, скоро и это пройдет.

— Непременно пройдет! — поддержал Усманов.

— Ну а как сами? — спросил Пулатов, внимательно приглядываясь к нему.

— Рахмат, тружусь потихоньку, — улыбнулся Усманов.

— Не потихоньку, а превосходно! Думаете, откуда я знаю? Районный «телеграф» работает! Людям ведом каждый ваш шаг. А значит, и мне. Правильно поступили, что не оставили без последствий случай с трактористом в колхозе имени Горького. И Мамашарифу-ота помогли. Мудро поступили, мудро. Люди к вам приглядываются, все замечают. И ваших добрых дел никто не позабудет.

Усманову была приятна похвала старого и опытного партийного работника. Знал, что прямолинейный и откровенный Носир Пулатович не сказал бы этих слов лишь для того, чтобы доставить ему удовольствие. Вот только

сам Усманов не был собой доволен. И сейчас испытывал чувство вины перед Носиром Пулатовичем. Сколько уже времени в районе, а так и не собрался провести его. Вернее, собирался, и не один раз,— хотел посоветоваться по ряду вопросов, но в последний момент передумывал: как-то неловко было беспокоить нездорового человека. А он выглядит вон каким молодцом! И не скажешь, что болен.

— Значит, мы с бадамсайцами испытываем друг к другу всевозрастающую симпатию,— смеясь, сказал Усманов.— Я ведь тоже стараюсь в меру сил изучить район, его людей...— Но тут же оборвал смех.— Только знаете, Носир Пулатович, как бы вам это объяснить?.. Мне все кажется, что ни одного дела я не довел до конца...

— Вам это только кажется. Недаром существует поговорка: «Не рассказывай о своих делах. Лучше послушай, что говорят о них другие». Люди рады, что вы сюда приехали. Я тоже рад.

— Благодарю. И я не жалею, что приехал. Буду и впредь стараться не разочаровать бадамсайцев. Однако многое мне все еще неясно. Хотел зайти к вам посоветоваться...

— Пожалуйста. В любое время. Буду рад. Но сейчас я к вам за советом.

— Слушаю вас, Носир-ака.

— Издавна лелеял мечту... К землям колхоза имени Горького с юга подступает степь. Целина. Вода туда не поднимается, а без нее там ничего не посеешь. Когда я работал в райкоме, не раз говорил Султанову: мол, давайте освоим эти земли, разобьем там сад. Огромный сад, на много гектаров! Он соглашается, обещает... и ничего не делает. Мол, времени не хватает. Вот если бы присоединить к его владениям готовый колхоз, то он не отказался бы. А осваивать новые земли — забот много... Ну а мне эта мечта до сих пор покоя не дает... Я уже, можно сказать, здоров. А главное — свободен. Если вы не возражаете, хочу с десятком парней освоить эти земли. А?.. Как считаете?.. Что же мне, остаток своей жизни дома прозябать? Останется от меня хоть какая-то память. И не заметим, как промчится несколько лет и здесь вырастет замечательный сад. Впоследствии можно будет неподалеку построить небольшой консервный завод.

— Завод? Сколько же там земли?

— Пятьсот — шестьсот гектаров. Площадь, достаточная для целого садоводческого совхоза. Я и имя нашел

этому совхозу. «Бадамсай»! Как? Ничего?.. Если райком даст свое «добро», можно начать хоть сегодня. Энтузиасты найдутся.

Усманов задумался. Тут есть над чем помозговать. Бывший секретарь пришел, конечно, с дельным предложением. Но по силам ли груз он хочет взвалить на свои плечи? Говорит, здоров. Но не так уж он и пышет здоровьем. Искандер Гаипович говорил о его тяжком недуге, от которого так просто не избавляются. Не окажет ли ему Усманов медвежью услугу, согласившись? Врачи же рекомендуют ему покой и покой... А сказать: «Знаете, Носир-ака, не стоит пока этим заниматься», — значит, обидеть его крепко. Пока он медлил с ответом, Пулатов не сводил с него пронизательных глаз и, будто угадав его мысли, сказал:

— Я знаю, кое-кто против этого предложения. Есть такие и в райкоме. Говорят, что я болен... Сомневаются, есть ли нужда в таком совхозе. В целесообразности создания такого совхоза могут сомневаться только близорукие люди. Их обычный аргумент — у нас фруктов и так предостаточно. Но они упускают из виду, что один наш совхоз сможет ежегодно обеспечивать фруктами два-три сибирских города. Думаете, строители БАМа или других строек не будут рады нашим фруктам?.. — Он помолчал, задумчиво глядя на трепещущую листву чинары, высвеченной вечерним солнцем. — А что касается моего здоровья... Чего уж там... Я не строю никаких иллюзий. Но тем не менее... не может же человек прежде времени хоронить себя. И домашние мои успокоятся, будут рады, видя, что я бодр, тружусь. А там... Да что загадывать? Там пусть продолжает кто хочет. Ведь главное — начать. Если дерево посажено в добрую почву, оно уже вырастет... Не подумайте, что все это взбрело мне в голову сейчас. Вопрос согласован. — Пулатов улыбнулся. — С моей благоверной согласован. И она готова отправиться со мной. Поставим шалаш, будем работать вместе, вспоминая молодые годы наши и первые народные стройки, где мы с ней познакомились. А к концу осени и какие-никакие жилища возведем... Ну, что скажете, Дамир Усманович?

— Удивительный вы человек, Носир Пулатович!

— А насчет сада?..

— Вашу мечту будем претворять в жизнь вместе!

Еще ни разу, с тех пор как приехал сюда, Усманов не испытывал такого удовлетворения. Предложение Пулатова открывало для него новое поле деятельности. Вливалось

в однообразную повседневность новую живую струю. На пустом месте будет создан совхоз! Конечно же Усманов создаст Пулатову все условия, будет помогать. Совхоз «Бадамсай»!.. Хорошо придумал Носир Пулатович. Есть еще, оказывается, у старой гвардии порох в пороховницах!.. Кто знает, может, в районе еще немало людей, которые вынашивают в сердце прекрасные идеи! Как узнаешь?.. А сколько таких идей, наверное, безвозвратно утрачено из-за скромности самих этих людей или из-за отсутствия человека, с которым можно поделиться, кто смог бы внимательно выслушать...

Проводив Носира Пулатовича до двери и сердечно простившись, Усманов опять подумал о старом пенсионере, письмо которого лежит на столе. Усманов обязан встретиться с ним. Завтра же. Не так-то уж много осталось активных участников гражданской войны, свидетелей бурной эпохи.

Усманов принял последнего посетителя и прибрал у себя на столе, собираясь уходить, когда вошел секретарь по идеологии Холяр Алиев.

— Я по личному делу, Дамир Усманович, примете? — явно испытывая неловкость, спросил он.

— Прошу вас, Холяр Алиевич.

Усманов, хотя и встречался уже с ним сегодня, поздоровался за руку и, сев на диван, хлопнул около себя ладонью, приглашая сесть рядом.

— Все благополучно?

— Да вроде бы... — сказал смущенно Алиев, отводя взгляд в сторону. — Дамир Усманович, я все собирался поговорить с вами, да никак не мог решиться... Вы меня поймете. Я, Дамир Усманович, много думал, прежде чем решился зайти к вам по этому поводу. Мне кажется... будет лучше, если я вернусь на прежнюю работу...

— Почему? — спросил Усманов.

— Видимо, эта работа для меня слишком трудна...

Именно от Алиева Усманов никак не ожидал такого. Этот скромный, немногословный человек всегда был занят какими-то делами. Нет, замечая его рвение, никак нельзя было сказать, что он тяготится своей работой. Когда Усманов посылал за ним секретаршу, то почти никогда его не оказывалось на месте: то он в какой-нибудь школе, то в клубе, то на полевом стане, куда приехали артисты. В один из первых дней своей работы здесь Усманов, знакомясь с районом, объезжал колхозы. В правлении колхоза имени Горького он никого не застал, а из открытых окон

клуба доносились чьи-то голоса. Усманов зашел туда. И сразу обратил внимание на то, с каким умением велась наглядная пропаганда. На стенах красочно оформленные плакаты, ежедневные боевые листки, фотомонтажи, стенная газета. Еще тогда он решил поговорить с Алиевым, попросить ознакомить его с культурно-просветительной работой в районе. Но до сих пор ему так и не удалось этого сделать. Алиев два года не был в отпуске и теперь около двух месяцев отдыхал в санатории. А когда вернулся, уже всю шла посевная, тут уж Усманов был слишком занят. Сейчас Усманов пожалел, что не нашел времени поговорить с Алиевым. Необходимость в этом была. Недостатки в культурно-просветительной работе даже в райцентре стали заметны. А в клубе колхоза имени Максима Горького висели все те же плакаты и листки, которые когда-то так порадовали его. Пришлось крепко поговорить и с райсом, и с парторгом.

Усманов намеревался создать комплексную бригаду для проверки культурно-просветительной работы в колхозах и совхозах и обсудить результаты на бюро. После завершения сева он сразу и займется этим...

Но почему Алиев решил уйти? Увидел недостатки в своей работе — и в кусты? Или причина в другом?.. Усманов знал, что Алиев в райкоме работает более двух лет. До этого был директором школы. Большинство сотрудников о нем хорошего мнения. Во всяком случае, пока ничего плохого об Алиеве Усманов не слышал. А на последней партконференции Алиев получил при голосовании сто процентов голосов. Уж это ли не свидетельство того, что он пользуется авторитетом! Что же случилось? «Может, не хочет работать со мной?..»

— Мне тяжело это слышать... — сказал наконец Усманов.

Алиев поднял голову:

— Я боялся, что вы так подумаете. Нет, мое решение не имеет к вам никакого отношения.

— Надеюсь, — сказал Усманов. — И тем не менее... Я тут новый человек. А новичку обычно все помогают. Я же не помощи прошу. Если бы каждый занимался своим делом на совесть, уже это было бы большой помощью...

— Правильно... Я тоже так считаю. Поэтому как раз я и решил... Я же чувствую и вижу, что работу свою не выполняю как следует, как хотелось бы...

— Что же вам мешает?

Алиев взглянул на него и тут же отвел глаза, вздохнул:

— Что может мешать секретарю райкома?.. По-видимому, виноват сам. Не могу наладить дела... В школе... там все было ясно. Я четко знал, что мне предстоит сделать через месяц, не говоря уже о завтрашних делах. А сейчас... Занимаюсь какими-то мелочами, которые и сами по себе могут решаться в хозяйствах. А серьезные дела остаются в стороне. Приведу хотя бы один пример.

Ташкентское телевидение зимой организовало межколхозный конкурс «Добро пожаловать, таланты!». От нашего района участвовал в конкурсе коллектив колхоза имени Горького. Вторую премию получили. Это хорошо, конечно. В районе есть способные музыканты, певцы, танцоры. К конкурсу готовился весь район. И это хорошо... Плохо то, что мы готовились к этому конкурсу для того, чтобы занять какое-то призовое место, а вовсе не для того, чтобы поставить на должный уровень развитие нашей художественной самодеятельности. Единственная цель — победить в конкурсе. Под видом самодеятельных артистов колхоза имени Горького мы собрали способных участников самодеятельности со всего района, одели их, учили. К тому же, не доверяя своим специалистам, пригласили художественных руководителей из Ташкента. Обратились к видным композиторам республики, умолили их написать специально для нас новые песни... Конкурс прошел, диплом получили — и опять... как говорится, старый таз и старая баня... В большинстве колхозов так и не создано более или менее укомплектованных ансамблей. Даже в самом колхозе имени Горького. А в клубах, к стыду нашему, мы содержим шелковичных червей, храним зерно. Как будто не хватает амбаров!.. Это только один пример...

— Давайте еще.

— Из года в год принимаем решение не привлекать к сбору хлопка школьников. Принимаем, но не выполняем. Качество учебы в школах от этого страдает. В прошлом году в школах района посредственные оценки составили семьдесят процентов. Самый низкий показатель в области!

— А вы ставили эти вопросы на бюро? — спросил Усманов.

Очертания чинары перед окнами размылись в вечерних сумерках, листва слилась в сплошную темную массу,

с улицы потянуло прохладой. Усманов встал, включил электрический свет и вновь вернулся на место.

Подумав, Алиев ответил:

— До вас ставил неоднократно. Есть даже решения бюро. А что касается выполнения... — Алиев развел руками. — Все соглашаются, решение, мол, верное, но никто не выполняет. Я собирался поставить на бюро отчет некоторых райсов, но... не получил согласия... В первое время старался, пытался что-то изменить, а теперь... просто руки опускаются...

Усманов догадался, кто не дал согласия. Конечно же Казим Бурханович.

— Я сожалею, что мы с вами раньше не поговорили так же откровенно, — сказал Усманов. — Поначалу вы отсутствовали... Да и я, признаться, еще не был готов к подобному разговору. Все, что вы сказали, правильно. Недостатков у нас немало, предстоит еще многое, многое сделать... О своем решении уйти вы сказали только мне, пусть никто больше не узнает об этом. По-моему, мы хорошо сработаемся. Договорились?

С этими словами Усманов протянул Алиеву руку. Тот встал и крепко пожал ее.

— Я не хотел жаловаться, Дамир Усманович...

— Мне кажется, по многим вопросам наши взгляды совпадают. Теперь вам будет полегче. Вот мне без вас было бы тяжело. — Усманов улыбнулся. — В ваше отсутствие я дважды побывал в колхозе «Максим Горький»...

— Мне уже все известно, — сказал Алиев, виновато потупившись. — Сейчас парторг колхоза «Максим Горький» составляет годовой план работы клуба. Каждый пункт согласован с управлением культуры... Видимо, прослышали об этом и в других колхозах: приходят, просят показать им план. Словом, люди интересуются. Понимают, что от них самих во многом зависит, насколько полной, интересной будет жизнь в кишлаке.

Алиев перечислил готовящиеся мероприятия и конкурсы, назвал наиболее активных и способных организаторов.

Они беседовали долго. За окнами совсем стемнело, угас дневной шум. Лишь чуть слышно доносились звуки оркестра из парка да изредка где-нибудь сигналил автомобиль. Пришлось к слову, и Усманов рассказал о старом ювелире Мамашарифе-ота.

— Таких мастеров еще лет двадцать назад было много,

а теперь почти не осталось, — с сожалением заметил Алиев. — Бадамсайцы должны гордиться, что среди них живет настоящий художник. Кудрат Саимович недавно сказал, что исполком решил открыть для Мамашарифа-ота мастерскую. Он сможет подготовить учеников...

— Видите, как много дел у нас впереди. А вы...

Алиев опустил глаза и негромко проговорил:

— Будем работать, Дамир Усманович. Вот теперь я, кажется, начинаю чувствовать себя секретарем райкома. Будем работать!

Усманов еще раз, не скрывая симпатии, внимательно посмотрел на своего ровесника, начавшего преждевременно сидеть и чем-то — выражением ли глаз или манерой разговаривать, — еще неясно чем, напоминающего Пулатова.

ХIII

— В новый дом поедем? — спросил шофер, когда Усманов сел в машину. Но в его интонации прозвучал не столько вопрос, сколько напоминание об уже принятом решении.

А Усманов и в самом деле забыл, что сегодня может ехать не в гостиницу. С улыбкой кивнул — да, в новый. Интересный народ эти шоферы, все они всегда узнают, ничего, кажется, мимо них не проходит. Наверное, уже несколько раз побывал в новом доме...

Усманов давно собирался спросить у этого с виду сильного и неробкого парня, почему он работает на легковой, когда мог бы с такими физическими данными найти себе занятие более подходящее и лучше оплачиваемое — управлять, к примеру, экскаватором или, на худой конец, бульдозером, но все как-то не решался, думал: вдруг человек обидится? Рустамджан как демобилизовался из армии, так и работает с тех пор в райкомовском гараже. Ему бы штурвал хлопкоуборочной машины или МАЗ в руки! И зарабатывал бы больше, и работа для джигита. Усманов хотел сейчас затеять этот разговор, но сказал совсем другое:

— Рустамджан, в гостинице у нас ничего не осталось?

— Абсолютно. Все взяли, — весело ответил шофер, прибавляя скорость, и как-то странно посмотрел на Усманова. Будто собирался сказать что-то, но раздумал и лишь улыбнулся многозначительно.

«Вот теперь становлюсь настоящим бадамсайцем,—

подумал Усманов. — Дом есть. Интересно, понравится Хафизе? Понравится. Все, что нравится мне, нравится и Хафизе».

Усманов попробовал представить себе, что сейчас делает жена. Он любил ее, и с годами любовь его только крепла. Некоторые утверждают, что со временем любовь угасает, остается привычка. Но вот они с женой восемь лет прожили, а кажется, только вчера поженились. Хафиза стала ему близким другом, мудрым советчиком. Кто знает, может, женщины так и задуманы — должны быть семи пятей во лбу, во всяком случае Хафиза, хоть и моложе его на три года, куда мудрее и опытнее, чем он сам. Усманов часто не замечал даже, как во многих житейских ситуациях поддавался влиянию жены. Со стороны могло показаться, будто все делается, как хочет он, однако сами-то они знали, чья воля в данном случае возобладала. Он ни разу не раскаялся, что послушал жену. Потому что все, о чем заранее говорила Хафиза, что предсказывала, в конце концов исполнялось. Иногда он уступал ей после долгих споров, но и тогда оказывалось, что жена была права. «Вот видишь! — радуясь, говорила она в таких случаях. — А ты не верил...» — «Ты моя добрая ведунья!» — смеясь, отвечал Дамир.

Они познакомились во время сбора хлопка. Как давно это было! Усманов был секретарем комитета комсомола в своем институте и в страдную пору работал в штабе при правлении колхоза. Однажды он отправился верхом в бригаду, где собирали хлопок первокурсники; объехал поля, проверяя, чисто ли обобраны кусты, не остается ли в коробочках ошипков хлопка, который потом развеет ветер. Вечерело. Сборщики несли уже собранный хлопок на хирман. Парни с трудом тащили на себе мешки-канары, девчата, поддерживая обеими руками, несли на голове, словно большие белые караваи, набитые хлопком узлы. Скосив глаза, они с интересом поглядывали на молодого всадника. Многие узнавали его, здоровались. А кто на язык побойчее, опускали ношу на землю, словно бы передохнуть, и с улыбкой говорили: «Дамир-ака, покатайте! На таком скакуне хоть на край света... с вами!» Ну и сороки, любого джигита могли в краску вогнать. Он поднимал коня на дыбы и пускал вскачь. Под ним и вправду был добрый скакун. На солнце гладкий круп его блестел как шелковый. Ноги длинные, тонкие и быстрые. Сам раис одолжил ему своего коня. А кому не известно, что раис ездит на самом лучшем в колхозе жеребце.

На хирмане высилась белоснежная гора хлопка. А сборщики все несли и несли набитые мешки и фартуки. У весов собралась очередь. На хирмане первокурсников каждый день хлопковая гора вырастала выше, чем у соседей. Переходящее Красное знамя они удерживали у себя до конца сезона. И так каждый год — никто не мог отобрать знамени у первокурсников. Чем выше курс, тем ниже хлопковая гора на хирмане. А меньше всех собирали дипломники. Ни критика, ни уговоры на них не действовали. Если же их пытались пристыдить, приводя в пример первокурсников, они отвечали, что тоже были первокурсниками и собирали не меньше сегодняшних, если не больше. И это было правдой. Студенты старших курсов переиначили народную песню и весело распевали:

Мы были такими, как вы,
Вы станьте такими, как мы!..
Мы джигиты что надо — Алпымышу под стать,
А ваши девушки красивы, как Барчиной...¹
Помогайте сокурсницам норму собрать,
А нам предоставьте девчат развлекать,
С ними гуляя всю ночь под луной.
Собирайте, эй, собирайте,
Ощипок на кустах не оставляйте!..

Первокурсники, конечно, замечали в песне скрытую иронию, но и пожеланием старшекурсников оставались довольны и, теша себя надеждой, что спустя три-четыре года тоже станут такими, как они, старались до конца сезона работать на совесть.

И в тот день, как всегда, первокурсники поработали на славу. Усманов взял у табельщика сведения, опять сел на коня и поехал в правление. Дорога шла краем поля. Смеркалось. Вдалеке слышались голоса, смех сборщиков, возвращающихся в кишлак. Вдруг откуда-то из почти невидимых в сумерках междурядий до него донесся тоненький жалобный голосок:

— Эй, дядя!..

Усманов натянул поводья, конь нетерпеливо затоптался на месте.

— Дядя, подойдите, пожалуйста, сюда!..

Дамир прищпорил коня и въехал в поле. Конь резкими скачками, словно чего-то испугавшись, преодолел несколько междурядий. Дамир осадил его и увидел пря-

¹ Алпымыш, Барчиной — герои дастана «Алпымыш».

мо перед собой девушку, испуганно отпрянувшую в сторону.

— Вай, это вы, Дамир-ака? — удивилась она. — А я думала, тот дядя, который хлопок принимает!..

— Что так задержались? — спросил Дамир, слезая с седла.

— Не заметила, как наступил вечер, — простодушно ответила девушка и огляделась, отыскивая взглядом среди междурядий узел, до отказа набитый хлопком. Она была невысокого росточка и хрупкой, и, должно быть, поэтому узел ее показался Дамиру невероятно большим. — Не могу поднять, — смущенно сказала девушка.

Усманов нагнулся, чтобы одной рукой взять узел и положить на седло: мол, знай наших.

— Тяжелый... — предупредила девушка.

Дамир хотел поднять рывком, но узел выскользнул из пальцев. Осердясь, схватил обеими руками, поднатужился, но из-под ноги выскользнул ком сухой земли, он остутился и бухнулся на колени. Девушка звонко рассмеялась. А он залился краской — благо было темно и она не заметила, как он смутился и покраснел.

— Камней, что ли, для веса добавили? — спросил он, раздражаясь.

— Хлопок... С обеда не сдавала. Я помогу...

Девушка нагнулась и тоже взялась за узел. Дамир почувствовал ее теплое чистое дыхание. Ее выбившиеся из-под платка волосы коснулись его щеки. Он смягчился:

— Сами собрали столько?

— Конечно.

— Многовато.

Дамир положил свои ладони поверх ее рук. Они были теплые, нежные и очень маленькие. Девушка выпрямилась и поспешно спрятала руки за спину, поглядела исподлобья.

А Усманову в эту минуту почему-то смерть как захотелось понравиться ей. Он собрал все свои силы, поднял узел и взгромоздил его на седло. От напряжения даже испариной покрылся. Стараясь дышать ровно, как можно спокойнее посоветовал:

— Завтра не задерживайтесь так поздно. Вдруг я поеду другой дорогой?

— Ладно, — кивнула девушка и улыбнулась.

Однако он приехал и назавтра. И на следующий день. А спустя некоторое время уже весь институт говорил о влюбленных. Но Усманова эти разговоры нисколько не

смущали. Он чувствовал себя на седьмом небе, что встретил такую славную девушку. Всем сердцем полюбил он Хафизу. Мучился, не зная, любит ли она. А вскоре, когда они сидели на травянистом берегу канала, Хафиза призналась, что видела его во сне. А когда же девушке может присниться юноша? Только в том случае, если она его любит...

Они уговорились, что поженятся, когда оба закончат учебу. Но спустя два года пришлось спешно сыграть свадьбу. О причине знали только они двое: Хафиза сказала, что у них будет ребенок. Да не дождалась — не получилось, как они хотели. Хафиза тяжело заболела гриппом, и... не суждено было родиться их ребеночку. Оба извелись. Хафиза все глаза выплакала. Мاستура-апа старалась успокоить их: дескать, молоды еще, успеете обзавестись и детьми и богатством. Она очень привязалась к Хафизе, полюбила как родную дочь. И Хафиза с первого дня называла ее «онаджон» — мамочкой. Усманов радовался этому. Ведь мать с таким трудом вырастила его, единственного сына, и ему было бы больно, если бы невестка была с ней холодна и сдержанна. До женитьбы он не раз слышал о том, как бывает: невестка и свекровь нередко не понимают друг друга, и это приводит к разладу в семье. Он боялся даже думать об этом, зная, что не сможет вступить ни за ту, ни за другую, — он и к матери и к Хафизе относился с одинаковой нежностью. К счастью, его опасения оказались напрасными. И мать и жена были на редкость сердечны друг с дружкой. Они никогда не обидели бы никого напрасно, да и сами не были чрезмерно обидчивы.

Иногда Усманов шутя говорил Мастуре-апа:

— Мама, не очень ли вы разбаловали свою невестку?

А та, не принимая шутки, отвечала:

— Почему это я разбаловала? Она меня называет мамой, как и ты. Я осталась в свое время с одним ребенком, а теперь вас у меня двое.

Усманов не без удовольствия передавал жене слова матери.

— Я тоже онаджон очень люблю, — говорила Хафиза. — Она только посмотрит и уже знает, что у меня на душе...

Но шли годы, а детей у них все не было и не было. И учебу закончили, и работать начали, поздравляли с первенцами своих друзей, которые поженились много

позже. А сами... Правда, ни Дамир, ни Хафиза никогда не заводили разговора о детях, хотя временами, особенно когда в доме становилось нестерпимо тихо, сердца их наполнялись безотчетным беспокойством...

А позже... У каких только врачей не побывала Хафиза! И в Ташкент ездила с Мастурой-апа, и в Москву. И все безрезультатно. Кто-то из врачей прямо сказал, что детей у них не будет; другие все-таки оставляли надежду.

И вот после стольких переживаний они вновь ожидают ребенка. Мастура-апа не позволяет Хафизе ничего делать по дому, сторожит каждый ее шаг, каждое движение.

«Рискнет ли мать привезти невестку сюда до родов?» — подумал Усманов, когда «Волга», скрипнув тормозами, остановилась у ворот.

А в новом доме, оказывается, его ожидала радость. Давешняя улыбка Рустама имела особый смысл! Едва Усманов, отворив калитку, шагнул во двор, увидел Хафизу.

— Хафиза! Когда же? — Он бросился к ней, обнял.

— Я их привез еще днем, — сообщил Рустам, поднимаясь мимо них по широким ступенькам веранды с охапкой книг в руках.

Голос шофера отрезвил Усманова. Выпустив жену из объятий, он взял у него книги и укоризненно покачал головой:

— А мне хоть бы слово, а, Рустам?

Рустам взглянул на Хафизу, улыбнулся:

— Сюрприз!

— Что ж, за такой сюрприз полагается суюнчи¹! — смеясь, сказал Усманов. — Проходите в дом.

— Не-е, мне домой пора.

— Оставайтесь поужинать, — предложила Хафиза.

Но Рустам поблагодарил, попрощался и ушел. На веранду неспешно вышла Мастура-апа в фартуке и с шумовкой в руках. Свободной рукой обняла сына, поцеловала.

— Хафиза решилась. Одна, говорит, поеду. А разве ж я отпущу ее в дорогу одну? Как можно... А ты похудел, скулы выступают, — заметила она, внимательно взглядываясь в лицо сына.

— Что же не сообщили? Завтра-послезавтра собирался съездить за вами. Зачем было спешить?

— Не посмели послушаться Искандера-ака, — ответила

¹ Суюнчи — подарок за радостную весть.

Хафиза, лукаво поблескивая глазами. — Он позвонил нам и упрекнул, что мы тебя бросили одного.

— Только мы с собой не захватили почти никаких продуктов. Так, налегке, — призналась Мастура-апа. — Взяла только крупного девзиранского рису. Умывайся скорее. Плов, наверное, уже готов.

И она заспешила обратно на кухню.

— Значит, рад? — спросила Хафиза, когда они остались одни.

Усманов осторожно прижал ее к груди. Его поразила перемена в ней: лицо сделалось одутловатым, в пятнах, но глаза все так же были полны лукавства.

— А чья это кастрюлька в гостинице, признавайтесь?

— Какая кастрюлька? — удивился Усманов и вдруг ощутил толчок в ее округлом, касающемся его животе. — Это он шевелится?

— Такая белая с красными цветочками... Этой... Карамоновой, да?

Усманов рассмеялся:

— Нет, не ее. А молодой... красивой... очень стройной и симпатичной девушки.

Он попытался положить ладонь на ее высокий живот.

— А как ее зовут? — спросила Хафиза, отодвигаясь.

— Как зовут? — С языка чуть не слетело первое пришедшее на ум имя — Халида, но спохватился, подумал, что они ведь могут встретиться, и тогда шутка делается слишком похожей на правду. — Мухаббат! Ее зовут Мухаббат!

— Красивое имя, — задумчиво проговорила Хафиза и по-детски надула губы.

— Самое красивое твое, — поспешил сказать Усманов, заметив, что глаза жены вдруг погрустнели. — Соскучился! Хорошо, что ты приехала!

— Я тоже... соскучилась, — сказала Хафиза тихо, почти шепотом и, закрыв лицо руками, прижалась к его груди.

Во время ужина Усманов, окинув взглядом комнату, спросил:

— Нравится?

Хафиза положила ложку и внимательно осмотрелась, словно до этой минуты толком и не разобралась, где находится. Видимо, так оно и было. Хафиза радовалась не дому, а тому, что они наконец вместе.

— Одну комнату отведем вам под кабинет, — сказала она.

— Тогда наш малыш останется без комнаты. Нет, лучше одну из комнат сделаем детской,— предложил Усманов.

Мастура-апа перевела взгляд с сына на невестку, потом опять на сына.

— Двор, оказывается, большой,— вступила она в разговор.— Если где-нибудь в углу соорудите мне комнатушку с маленькой верандой, то все прекрасно разместится...

— Ну что вы, мама! — запротестовал Усманов.— Лучше я пристрою для себя отдельное помещение для кабинета. А вы будете жить здесь. С невесткой.

— Конечно! — поддержала его Хафиза.

После ужина Мастура-апа заставила их пойти прогуляться. Хафиза надела широкое клетчатое пальто, скрадывавшее ее полноту. Усманов бережно взял ее под руку. Он решил, что они дойдут до райцентра и вернутся обратно. Уже стемнело. Вдалеке мерцали огни районного центра. В густых зарослях джиды и плакучих ив, разросшихся по берегам речки, всюду заливались соловьи. Слушая их, Хафиза некоторое время шла молча. Потом принялась рассказывать, как они жили вдвоем с матерью, шутила, смеялась. Не заметили, как дошли до райцентра. Когда проходили мимо здания райкома, Усманов увидел на втором этаже свет. Хорошо, что он организовал дежурства. В любой час дня и ночи каждый человек, если необходимо, может обратиться прямо в райком.

— Это мои окна,— показал он на два темных окна рядом со светящимся.

Хафиза остановилась и долго смотрела на них. Потом внезапно спросила:

— Дамир... Ты... не боишься?

— Чего? — не понял Усманов.

— Ведь район какой большой, а?.. Сколько людей! И надо знать, что у них на сердце, что думают... Это же такая ответственность...

— Иногда боюсь,— признался Усманов.— Когда остаюсь один...

— Я никогда не оставлю тебя одного,— сказала Хафиза и крепче прижала локтем его руку к себе.

Усманов улыбнулся. Как здорово, что приехала Хафиза. На душе спокойно, и думается лучше. Пока прогуливались, он рассказывал ей о Полвонове, о Носире Пулатовиче, об Ишимове. Когда знаешь, что вокруг тебя такие люди, можно ни о чем не тревожиться.

Свернув с главной улицы, они вошли в садик. Хафиза устало опустила на скамейку.

— Знаешь... уже скоро, — прошептала она и улыбнулась таинственно и робко.

Усманов нежно взял в руки маленькие горячие ладони жены, поднес к губам...

— Если родится сын, как мы его назовем?

Усманов молча улыбнулся. Наверняка Хафиза уже знает как.

— А я придумала. Улугбек. Сыновья историков должны носить славные имена. Да и красиво, правда? Мне кажется, такое имя могут носить только мужественные люди.

— А если девочка? — спросил Усманов.

— Икбол. Девочку назовем Икбол. Это имя означает «счастье». Мы же с тобой счастливые, правда?..

Хорошие имена придумала Хафиза. Наверное, долго выбирала.

Вдруг Усманов почувствовал, как вздрогнули ее руки в его ладонях.

— Дамир! — испуганно сказала Хафиза, и в ее глазах он увидел растерянность и страх: — А вдруг... Опять... Родится мертвым?..

— Не говори так... — Усманов опустил глаза. У него у самого нет-нет да и мелькала эта пугающая мысль. — Не думай об этом. Теперь он будет жить. Вот же он, живехонький, шевелится...

— Если опять... больше рожать не буду... Не могу я больше...

Она заплакала.

Усманов обнял ее за плечи, прижал к себе и прошептал, касаясь губами ее волос:

— Ты мне дороже всего на свете. Дороже жизни, дороже ребенка. Была бы ты! Ты мое счастье.

— А люди?.. Люди не дадут покоя. Скажут: такой человек и без детей. Будут советовать тебе жениться на другой. И будут правы. Да что там, если и на этот раз... возьми себе другую. Ладно? — Хафиза опять всхлипнула и уткнулась мокрым лицом ему в грудь.

Усманов рассмеялся:

— Ну и глупышка... О чем ты, право? Я же сказал — ты мне нужна. — Он посерьезнел. — Даже если и не будет у нас ребенка — не судьба, значит. Что ж, не одни ведь мы на свете без детей.

— Тогда... Тогда возьмем на воспитание, — еле слышно прошептала Хафиза.

— Не бойся так... У нас будет свой.

Усманов крепко прижал жену к себе, почему-то испытывая необъяснимую жалость к ней и тревогу. Он вспомнил жену тракториста, как она сидела, придавленная горем. Ее все жалели, никто не мог остаться равнодушным: вдова и с шестью детьми. Но куда труднее, наверное, было бы ей пережить горе, если бы она осталась совсем одна. Кажется, все женщины боятся одиночества. Но Хафизе он никогда не даст даже подумать об одиночестве.

Он вытер слезы на ее щеках и стал целовать, как давно не целовал, торопливо, нежно, в лоб, в глаза, в щеки, в шею.

— Ну что ты, перестань... увидят же, сумасшедший, — смеясь, тихо приговаривала Хафиза, а сама теснее прижалась к нему, обвила руками его шею. — Скажут, секретарь райкома по ночам в парке целуется с девчонками.

— Ну и пусть. Секретарь райкома тоже человек!

Мастура-апа заждалась их и начала беспокоиться.

— Как же ты так, Хафиза! — упрекнула невестку, едва та переступила порог. — Надо же беречься! Тебе уже нельзя по стольку ходить.

Хафиза многозначительно посмотрела на мужа, будто хотела сказать: «Да, я очень устала. Зато счастлива. Около тебя мне ничего не страшно...»

Ночью у нее начались схватки. Усманов вызвал машину и сам отвез Хафизу в родильный дом.

XIV

Бюро райкома обсуждало ход посевной. В середине заседания Бурханов почувствовал себя нехорошо. По телу разлилась какая-то слабость, и голова разболелась, словно налилась свинцом. С ним иногда случалось такое, и он надеялся, что вот-вот само и пройдет, полегчает. Но боль не отпускала. Он почти не слышал, о чем говорят выступающие. В ушах звучали голоса, а слова как бы пролетали мимо сознания. Он постарался вслушаться, когда снова зашла речь о Султанове. Опять толкут воду в ступе. Говорили же о нем на предыдущем бюро, разве недостаточно?.. И все Усманов. Он. Еще и об Ишимове разговор затеял. Заодно и Бурханова помянул. Что он от Бурханова хочет? Собирается с грязью смешать? А иначе зачем подрывать

его авторитет перед членами бюро? Нет, Бурханов не из тех, кого легко сломать. Бурханов сам может кого хочешь...

Бурханов с трудом дождался конца заседания. Еще никто не успел встать с места, он поднялся и первым покинул кабинет. Зайдя к себе, бросил в рот сразу две таблетки анальгина и запил двумя пиалушками остывшего зеленого чая. Посидел в кресле, закрыв глаза, прислушиваясь к голосам идущих через приемную членов бюро. Облегчения не наступило. Прибавилась еще и ноющая боль в левом плече. Боль эта ему уже знакома — сердце дает о себе знать. Обычно с ним такое бывает, когда он чем-нибудь сильно раздражен. Но, слава богу, быстро проходит. А сейчас... Все еще жжет плечо, будто раскаленную иглу вогнали в него.

Взглянул на часы. Ого, давно пора быть дома...

Придя домой, Бурханов велел жене сварить маставу поострее. Зашел в кабинет и, не дожидаясь, пока будет готов ужин, медленно выцедил рюмку коньяку. Затем переделся и растянулся на диване. Упругие толчки крови в голове ослабли, покалыванья в сердце стали утихать.

Что вообще случилось? Что его так расстроило? Ведь никто из членов бюро и слова не сказал против Бурханова. Только этот выскочка Усманов... Все, конечно, почувствовали, что Бурханов защищает Султанова. Ну и что? А если он так считает? Его твердое убеждение — нельзя без конца винить Султанова. Если за каждый несчастный случай привлекать к ответственности руководителя, то он мало-помалу потеряет инициативу, станет и тени своей бояться, перестанет самостоятельно решать наипростейшие вопросы. А такое положение хозяйству, более того — району не может сулить ничего хорошего. Ну и что, если раис приказал вспахать этот злополучный участок? Должна же быть у каждого человека и своя голова. Если тебе приказывают спрыгнуть с крыши, надо ли прыгать? Конечно, нельзя сказать, что Султанов совсем уж не виноват, однако главная вина лежит на самом трактористе! Так считает Бурханов. Убежден. Не согласились с ним — и не надо. В спорах рождается истина. Диалектика! Стоит ли из-за этого так расстраиваться?..

Бурханов закрыл глаза. Побаливали веки. Приподнялся на локте и, подложив под голову две расшитые шелком подушки, взял лежавший на валике журнал.

«Шум и ярость», — прочитал он по-русски. По-видимому, сын оставил. Фолкнер. Знакомое имя. Что же он читал из его произведений? Попытался вспомнить, но не мог. Он вообще читал немного. Не потому, что не хватало времени, просто не любил. Зато обожал песни. Знал наперечет всех певцов республики. И поэтов-песенников тоже знал. Если в район приезжала бригада писателей, а среди них не оказывалось поэтов-песенников, то он сам предлагал организаторам встречи немедленно пригласить их. И до самого отъезда гостей находился с ними. Бурханов любил лично участвовать в составлении программы поэтических вечеров или концертов, а затем, сидя в зале, когда выступал поэт или певец, со знанием дела объяснял сидящим рядом суть песни, кто и как ее исполняет. Впрочем, он и сам неплохо пел, аккомпанируя себе на дутаре. В узком кругу друзей не заставлял себя долго упрашивать. Ему нравились и собственный голос, и аплодисменты. Самым любимым его поэтом был Бабур, царствовавший несколько веков назад и находивший время писать стихи, волнующие и наших современников. А среди хафизов¹ он отдавал предпочтение Фахриддину Умарову. Он и других певцов, конечно, слушал с удовольствием, но никого не ставил выше Фахриддина Умарова... Что же он еще любил?.. Да, еще он любил мультфильмы. Если в официальном кругу или с друзьями речь заходила о культуре и искусстве, то он обязательно замечал, что в Ташкенте давным-давно пора открыть кинотеатр для демонстрации мультфильмов. А в Бадамсае дважды в год проводились недели мультфильмов. По чьей инициативе? Конечно, по инициативе самого Бурханова. Эти недели становились настоящим праздником. Радовались и дети и взрослые. Госкинокомитет республики несколько раз награждал Бурханова почетными грамотами.

Он, конечно, слышал о Фолкнере по печати. «Шум и ярость»... О чем эта вещь? Интересное название. Надо спросить у Мансура. Опять словно буравчик ввинтилась в голову боль. Лекарства бы еще выпить, да лень пошевелиться. Даже жену позвать лень... Он, кажется, понял наконец, что сегодня его так расстроило. Усманов. Не столько сам он, сколько... Изо дня в день все больше и больше людей проникается к нему симпатией. И чем больше он нравится окружающим, тем большую неприязнь испытывает к нему Бурханов. Вот и на бюро сегодня...

¹ Хафиз — певец, исполняющий старинные народные песни.

Усманов держался весьма свободно, не то что в первые дни. А Бурханов чувствовал себя неважнецки, скованно. Будто они местами поменялись, будто не Бурханов проработал тут с этими людьми столько лет, а он, Усманов!.. За все заседание произнес с десяток слов, зато как произносил: веско, внушительно... А эти...тьфу, сидят и смотрят ему в рот, стараются каждое слово на ус намотать. Определенно Усманов сегодня еще больше расположил к себе этих людей. Быть может, и самому Султанову приглянулся. Как прилежный ученик сидел Сатыбалды, не сводя с Усманова глаз, и после каждого его слова кивал головой. А Полвонов? Тот и вовсе таял как масло... Не только эти двое — все слушали, вытянув шеи и растопырив уши. Усманов говорил негромко, голос у него не такой зычный, как у Бурханова. А Садыков... Садыков сегодня прямо расцвел. И спину распрямил, и голос у него опять прорезался. В прежние времена он при Пулатове подобным образом держался. А когда Пулатов ушел, Бурханов его крепко в руки взял. Что Бурханов хотел, то Садыков и делал. При разговоре не смел и в лицо глянуть. А сегодня... Ишь, храбрец, показал себя — выступил против Бурханова. И как выступил! Мог бы свою мысль выразить и поиному. Так нет, рубанул напрямик: «Не могу присоединиться к предложению товарища Бурханова!» Не можешь... А в другое время присоединился бы. Еще как присоединился бы. Значит, силу за собой почувствовал. Силу, которая превосходит силу Бурханова... Когда и в чем Бурханов дал маху? Как Усманову удалось достичь такого влияния?

Бурханов принялся перебирать в памяти все то, что сделал Усманов по приезду в Бадамсай. И ничего такого он не находил в его делах, что можно было бы особенно отметить. Все это могло делаться и без него. А может, о некоторых его начинаниях Бурханов просто не знает? Неужели он так хитер, этот Усманов?..

Вспомнилось дело Ишимова. Правильно, его документы задержал Бурханов. И любой честный человек поступил бы так. Лучше документам этим лежать здесь, чем они будут возвращены сверху. Ну и что же, что хороший чабан? Ну и что, если трудолюбивый, опытный? А в биографии много «белых пятен». Никто, кроме него самого, не знает, как он очутился в плену и что там делал. Были бы свидетели, тогда другое дело. Жаль, конечно, что у него нету свидетелей. Бурханов же тоже человек, не бревно: как только подумает про Ишимова, всегда огорчается,

жалеет его. Но в жизни, особенно в партийной работе, бывают вещи, которые стоят выше всяких там огорчений и жалости. Разве не сказали бы в обкоме, в Центральном Комитете, Президиуме Верховного Совета: «Послушайте, что вы делаете? Глаза у вас есть? Ум есть? А вот мы в этом крепко сомневаемся!» Нет, Бурханов прав. И что бы ему ни сказали, он от своего не отступится...

Да, сегодня еще говорили о ювелире. Кажется, Садыков что-то о нем упомянул. Это же мелкий вопрос. Неужели секретарь райкома и бюро должны заниматься всякими там стекляшками и мишурой? Ну хорошо, произошла ошибка, согласен. Затем старик по чистой случайности наткнулся на Усманова, хотя встретиться и поговорить собирался с ним, с Бурхановым. Обратись он к Бурханову, объясни все как есть, неужели же он не понял бы его? Понял бы и оставил бы в покое. Что в том плохого, что проверили старика? Честен. Ну и хорошо, что честен, пусть себе трудится. Зато другим наука, тем, кто занимается частной торговлей: прижмут небось хвосты, а некоторые и свои «лавочки» прикроют. Нет, и в вопросе с ювелиром Бурханов не дал маху. Правда, жестковато обошелся. Но иногда и так не мешает. Иначе в районе не будет чувствоваться сильной руки. А в случае чего кто виноват? Бурханов. Потому что Бурханов стоял во главе района.

Да, стоял... Мог бы и остаться. Почему обошли его?.. Вспомнилась одна из бесед с Носиром Пулатовичем.

Пулатов в меру сил еще работал, но его заявление уже лежало в обкоме. Однажды в беседе с Бурхановым он как-то обмолвился о своей болезни и желании уйти с работы. С того момента Бурханов потерял покой. Сам чувствовал, что старается чаще попадаться на глаза Пулатову, что по несостоящим вопросам заходит к нему советоваться. Иной раз за это корил себя и все равно иначе поступать не мог. Пулатову он, конечно, говорил, когда приходилось к слову: «Ну что вы, напрасно вы это затеяли. Зачем уходить? Вы обязательно поправитесь, наберетесь сил...» — а в душе радовался. Разумеется, он отдавал себе отчет, что на место Пулатова могут и не его поставить, а прислать нового человека. Однако, когда речь пойдет о первом, могут вспомнить и про него. Почему бы и нет? Он уже столько лет в районе. Работает неплохо. С тех пор как прибыл сюда, план по хлопкозаготовкам выполняется. Бадамсай считается одним из передовых районов области. Его, Бурханова,

знают и в обкоме, и в Ташкенте. Выходит, первым стать он может, и это не так уж и нереально.

Бурханов с нетерпением ожидал дальнейших событий, волновался. Каждый день, являясь на работу, первым делом заходил к Пулатову в надежде узнать, нет ли чего нового. Если звонили из обкома или из Ташкента, сердце его екало, билось чаще и не успокаивалось до тех пор, пока он не выяснял причины звонка. Однако минул и месяц, и другой, а в его жизни ничего не менялось. И тогда он решил действовать. По всякому — стоящему и нестоящему — поводу мчался в Фергану, заходил в обком партии. А если не мог поехать, то без конца звонил знакомым, полагая, что, может, услышит от кого-нибудь что-либо для себя приятное. За суюнчи, конечно, дело бы не стало. Но, увы, никто ничего не знал, и никто из близких знакомых не говорил ничего приятного. Терпенье лопнуло, и тогда он сам зашел к Пулатову якобы посоветоваться по некоторым делам. Поговорили. Пулатов налил ему пиалушку крепкого горячего чая. Бурханов незаметно подвел разговор к интересующей его теме:

— Носир Пулатович... это... ваше заявление уже рассматривается или нет? Поймите меня правильно, я интересуюсь просто так.

Пулатов умолк. Задержав на Бурханове тусклый и усталый от болезни взгляд, улыбнулся. Бурханов не выдержал, отвел глаза.

— Заявление... — произнес глухим и каким-то чужим голосом Пулатов. — Рассматривается... Я знаю, мою просьбу удовлетворят. Как мне известно, сейчас подбирают кандидатуру. Бадамсай не маленький район, сложный, многоотраслевой... Думаю, человек найдется. Не сегодня завтра... найдется...

— Конечно, конечно, — поспешно закивал Бурханов. — Человек, разумеется, найдется. Но, знаете ли... Мы, конечно, не хотим, чтобы вы нас покинули, мы все очень хорошо с вами сработались. Однако... Если уж вы в самом деле решили уйти... желательно на ваше место кого-то из своих... или из тех, кто хорошо знает район...

Тирада эта ему далась не без труда, и он почувствовал, что краснеет, а на лбу выступили капельки пота. Не дождавшись ответа Пулатова, который сидел, задумчиво подперев рукой щеку, добавил:

— Поймите меня правильно... Меня беспокоит... Меня беспокоит будущее района. Я за район болею...

Пулатов и на этот раз промолчал. Бурханов взглянул на него исподлобья и в знак того, что не намерен более отнимать у собеседника время, попытался встать, однако не смог и пошевелинуться, словно приклеенный к месту.

— Казим Бурханович!.. — сказал Пулатов, глядя в окно, где медленно угасал день. — Давайте поговорим откровенно... Как коммунисты...

— Я слушаю вас, — проговорил растерянно Бурханов, почувствовав, как внутри у него что-то оборвалось, как заняли от напряжения фаланги пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

— Вы знаете, что я отношусь к вам с уважением, — негромко произнес Пулатов, продолжая глядеть в окно, где постепенно меркли лучи солнца, пронизавшие крону чинары. То ли его душила астма, то ли он медлил, подбирая и обдумывая слова, — после каждой фразы он умолкал на секунду-другую, и в груди у него слышался хрип. Чувствовалось, что разговор ему стоит усилий, но он не хочет, чтобы это заметили. — Вы хорошо знаете свою работу... И район, и людей... Если будете в дело вкладывать сердце, то станете хорошим секретарем. Вторым... Это очень большая ответственность. Большое дело... А для того чтобы подняться до уровня первого секретаря, необходимо обладать еще некоторыми свойствами. Например, душа должна быть шире. И чувствительнее, что ли... Нужно уметь не только думать о завтрашнем дне, но уже осознать его... Надо больше уважения к людям, внимания, любви... К сожалению, не могу сказать, что я сам обладаю всеми этими качествами... И быть может, потому собираюсь уступить свое место другому... Правильно поймите меня, как сами выражаетесь. Первый секретарь просто не имеет права таить на кого бы то ни было обиду, или, как в народе говорят, держать камень за пазухой. Он должен относиться ко всем одинаково... Для него нет крупных и мелких дел, важных и второстепенных. Все для него важно. Потому что за всяким делом, за всякой бумажкой стоит человек...

«Видимо, считает, что у меня эти чувства атрофированы. Потому и говорит, — с неприязнью подумал Бурханов. — А другие что... Такие уж идеальные? А ведь работают!..»

— Без этих качеств быть первым секретарем невозможно, — продолжал Пулатов. — Если даже он многоопытен, грамотен, окончил высшую партийную школу... Го-

ворят, у одного поэта спросили, мол, который из ваших сыновей станет поэтом? Он показал на одного из них и сказал: «Вон тот! Лжет много. Но лжет так, что эту ложь можно принять за правду!»

Пулатов засмеялся, и его желтое, будто пергаментное лицо вдруг порозовело. Бурханов тоже заставил себя улыбнуться, еще не понимая, к чему клонится разговор.

— Если бы меня спросили, кто может быть партийным работником, в частности первым секретарем райкома, я бы ответил: «Тот, кто любит людей и может пожертвовать собой ради правды». Может, ответ примитивный, но правильный... Писателей называют инженерами человеческих душ. Это название подходит и для партийных работников. Не зная тонкостей человеческой души, не умея разобраться в ней, вникнуть, трудно что-либо требовать от людей... Так что простите, Казим Бурханович... Я не могу рекомендовать вас первым секретарем. Пока... невозможно.

— Я... я не имел в виду себя... Я же не предлагаю своей кандидатуры!..

Бурханов и сам не знал, откуда нашел в себе силы, чтобы сказать так. Он был растерян, оглушен, все его существо будто обледенело.

— Знаю, знаю, — поспешно согласился с ним Пулатов. — Вы не предлагаете своей кандидатуры. И не предложите. Вы не из тех, кто печется лишь о себе... И, видимо, понимаете, что это выглядело бы... гм... нескромно. Но со временем, мне кажется, из вас может получиться хороший секретарь. Ведь все зависит от самого себя...

Бурханов сидел потупясь и молча кивал. Он не помнит, как вышел тогда из кабинета Пулатова, как возвратился домой. Он еще ни разу не попадал в столь неловкое положение. Из разговора с Пулатовым он понял, что не только не станет первым, но и на своей-то работе едва держится. Если бы его кипятком окатили с ног до головы, и тогда, наверное, он чувствовал бы себя лучше. Крепко обиделся он на Пулатова, хотя в ушах все еще звучал его голос: «...секретарь просто не имеет права таить на кого бы то ни было обиду...» Хочешь не хочешь — обозлишься. Ведь этот человек в прах развеял все его намерения, мечты! Дал понять, что Бурханов не годится в партийные работники. Неужели теперь он должен начинать жизнь заново?!

У Бурханова пропал всякий интерес к работе. Ни до чего не было ему дела. Будто одеревенели и душа и тело.

Бог знает, сколько бы это тянулось. Но Пулатов слёг, и выяснилось, что на работу он больше не выйдет. А Бурханова вызвали в обком и сказали: мол, будете пока исполнять обязанности первого секретаря. Так-то!.. Бурханов взял себя в руки. Былые мечты вновь ворвались в сердце. «А кто такой Пулатов? — рассуждал он, вспоминая беседу с ним.— Вопрос решает обком. Наверное, хотят испытать. Пусть испытывают. Бурханов еще покажет, чего он стоит!..» Так он утешал себя. Но нет-нет да и приходили в голову слова Пулатова. Старался забыть их — тщетно. Вот и сегодня пришли на память. Неужели еще кто-то думает о нем так же, как Пулатов? Это он, Пулатов, считал, что Бурханов увлекается администрированием. Не убеждает, нет, а лишь приказывает. Но если тебя посадили на это место, должен же ты иногда уметь и приказывать. Разве можно из этого делать вывод, что у тебя нет любви к людям! Когда надо, он ради людей себя не пощадит. Взять хотя бы сель прошлого года. Он же чудом остался жив, спасая людей. Искандер Гаипович, узнав об этом, даже отругал его. А потом, правда, все-таки поздравил, руку пожал. Да, очень просто мог тогда Бурханов погибнуть.

Случилось это в середине марта. Внезапно потеплело, в горах начал интенсивно таять снег. Бадамсай вышел из берегов. Однако синоптики сообщили, что половодье не представляет опасности, что к вечеру вода убудет. Хорошо еще, Бурханов их не послушался и предпринял кое-какие меры предосторожности. Всю ночь не мог уснуть, будто сердце чуяло беду. А перед утром по телефону сообщили, что в кишлаке Сельетди наводнение и три-четыре дома уже смыты потоком. В ту же минуту Бурханов выехал в Сельетди. Подъехать к кишлаку уже было невозможно. Бурханов выскочил из машины и увидел страшную картину. Перед ним разлилось целое море мутной воды. Где-то в его середине бурым островком возвышались глинобитные дома, темнели деревья — голые ветви, словно воздетые руки, молили о пощаде. А вода прибывала, бурлила, закручивала воронки. На ее поверхности плавали двери, оконные рамы, сундуки, тряпье. Проплыл, жалобно мыча, уносимый потоком теленок.

— Жертв нет? — спросил Бурханов.

— Пока нет. Но кто знает... В кишлак пробраться нельзя, — ответили ему.

И в это мгновение в середине потока показалась деревянная люлька. Накренясь на один бок, она плыла по те-

чению, плавно кружась у краев воронок. Не успел Бурханов подумать, пустая она или нет, как со стороны кишлака донеслись отчаянные крики женщины. Потом она показалась сама. Вернее, в воде промелькнули ее голова и руки.

— Сынок!.. Алишер!.. — кричала она, барахтаясь и пытаясь добраться до середины потока.

Бурханов бросился в воду. Едва пальто успел сбросить. Ледяная вода ожгла тело. В несколько взмахов он настиг люльку. Полный щекастый бутуз, уставясь круглыми глазами в небо, преспокойно сосал свою соску. Бурханов в отяжелевшей одежде едва мог двигать руками и ногами, он с трудом тянул люльку к берегу. Вода несколько раз накрывала его с головой, думал, все, не выплывет. Но подошли люди, вытащили и его и люльку.

— Где его мать? Спасите мать! — сказал Бурханов, ступив на берег. Его тошнило от усталости, а глаза заволокло черной пеленой.

Мать ребенка уже выбралась на этот берег и бросилась к люльке вне себя от радости.

Спустя четверть часа прибыли военные на вездеходах-амфибиях. Они эвакуировали людей из Сельетди в безопасное место. В тот же день жители кишлака в знак благодарности подарили Бурханову чапан — надела на него собственноручно мать спасенного ребенка. И слышать не хотела возражений, почти насильно натянула на его плечи бекасамовый чапан, еще и шелковым платком перепоясала.

— Через двадцать лет придете на его свадьбу! Алишер теперь и ваш сын! — сказала она.

Потом ее муж, служивший в это время в армии, прислал Бурханову телеграмму. Благодарил.

Что и говорить, об этом событии долго вспоминали в районе.

А происшествие в колхозе «Правда»?..

Года три или четыре прошло. Бурханов теперь и не помнит, по какому делу приехал в кишлак. То ли на партийное собрание, то ли с какой-то проверкой. При въезде в кишлак перекинут мост через Бадамсай. Сейчас новый построили, широкий, бетонный. А тогда был другой мост, деревянный. Когда проезжали по нему в машине, Бурханов вдруг заметил в реке опрокинувшуюся арбу с сеном. Из воды выступали только голова ишака и одно колесо, охапки мокрого сена медленно плыли вниз по течению.

— Останови! — крикнул он шоферу.

Они выскочили из машины и стали смотреть по сторонам, надеясь увидеть хозяина арбы.

— Эй, есть там кто-нибудь? — крикнул Бурханов в сторону арбы, сложив ладони рупором.

Из-за арбы показалась захлебывающаяся старушка; ее платок, видимо, уплыл. Седые мокрые волосы облепили лицо, шею. Бурханов подал ей руку, помог выбраться на берег.

— Этот проклятый боится моста, — проговорила она, трясаясь от холода и испуга.

Поблизости никого не было. Бурханов взглянул на шофера.

— Вытащим!

Через несколько минут они вдвоем добрались до арбы. Вода доходила до пояса. Половина сена уплыла. Но то, что осталось, промокло, потяжелело; им вдвоем лишь с большим трудом удалось поднять арбу и поставить на колеса. Ишак, который уж почти захлебывался, встал на ноги, напрягся изо всех сил, потянул, фыркая и отдуваясь. Бурханов и его шофер налегли на арбу сзади, поднатужились и, подзадоривая друг друга криками, вытащили арбу на берег.

Старушка не знала, как и благодарить их, приглашала домой. «Зайдите, выпейте хоть по пиалушке чая, погрейтесь», — просила она.

Бурханов тепло попрощался с ней и велел шоферу ехать прямо к дому раиса. Им прежде всего следовало обшиться...

И об этом событии столько было разговоров!..

Можно ли его после этого упрекнуть в черствости, невнимании к людям?..

А чего ради он связался с этим Мукимовым, директором совхоза имени Нариманова? Что ни встреча, то спор, дело чуть до скандала не доходит. Чего ради он стал бы портить себе нервы, если б не забота о людях?

Джура Мукимов, поездив по стране, побывав за границей, повидав свет, построил у себя поселок нового типа. Тридцать два двухэтажных коттеджа построил. На крышах открытые площадки: хочешь — сад разводи, хочешь — огород, а хочешь — наполни водой бассейн и купайся на здоровье. Хорошие дома. Бурханов приехал, посмотрел, похвалил. Потолки высокие — и прыгнешь, не достанешь. При каждом доме двор. По шесть соток. Любой, кажется, жил бы в таком доме да радовался. Ан нет...

На днях заспорил с Мукимовым, чуть не рассорился. И все из-за этих домов.

Мукимов планировал переселить в новый поселок всех жителей Найманчи. А старый кишлак снести и на его месте разбить хлопковое поле. Но некоторые сельчане, особенно старики, категорически выступили против. Когда Мукимов пожаловался на них Бурханову, то не получил поддержки, на которую рассчитывал.

— И правильно возражают! — сказал Бурханов.

— Почему? — удивился Мукимов.

— Потому что Найманча — их родной кишлак. Они здесь родились, выросли. Здесь жили и отцы их, и деды, тут могилы нескольких поколений. Можно ли взять и перерубить с маху все корни? Нужно начать с молодых, пусть они переселяются, а стариков пока не стоит трогать. Повременить надо. Постепенно, конечно, и они переберутся к своим детям... Словом, пусть Найманча остается на старом месте.

— В таком случае невозможно повышать культуру быта в кишлаке! — Мукимов, побагровев, развел руками. — Что же теперь... из-за стариков и нам жить по старинке?

— Постепенно надо, постепенно. Потихоньку...

— Как «потихоньку»? Век-то космический! Скорости нынче совсем другие. А нам плестись позади всех? По-моему, вы не правы, Казим Бурханович. Мы уже сегодня должны максимально приблизить условия жизни в кишлаке к городским условиям. Пусть и у нас будут свои ателье, свои парикмахерские...

— Не горячись, Джура Мукимович, не горячись, — попытался успокоить его Бурханов. — Культуру нельзя повышать отращиванием длинных волос и мини-юбками. Трудно да и неправильно ликвидировать старые обычаи и традиции, а вместо них придумывать нечто новое. Ваш совхоз ведь объединяет четыре кишлака. Соберите из этих кишлаков молодые семьи и вселите в новые дома. Молодежь быстро привыкает к новым местам. А стариков не трогайте, пусть старики остаются на своем месте.

Но Мукимов и слышать об этом не хотел.

— Нет, переселю всех, — упрямо заявил он. — Вы только представьте себе Найманчу! Это же самый старый кишлак. Одни полуразвалившиеся глинобитные хижины. Жить в таком кишлаке в конце двадцатого века? Ну уж увольте... Ни газа, ни воды! Даже захудалого клуба и то нет. Будем переселять!

— Ничего не выйдет, — возразил Бурханов, напустив на лицо строгость. — Райком этого не разрешит. А станете самовольничать, обсудим на бюро. Оставьте в покое стариков, мой вам совет!

После этого Мукимов возражать не стал. Распрощался и ушел. И, как Бурханову доподлинно известно, старикам сейчас никто не треплет нервов... Разве же эти пререкания с директором совхоза не свидетельствуют о том, что Бурханов не о себе думает, а заботится о людях?.. Почему такие, как Пулатов, не видят этого?

В комнату вошла жена. Заслышав ее легкие шаги, Бурханов спустил с дивана ноги и сел, потирая лоб. Головная боль прошла.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Карима, ставя на стол касу с маставой.

— Мансур дома? — осведомился Бурханов, пропустив вопрос мимо ушей.

Мансур, их младший сын, в этом году заканчивал школу. А старший, Элнур, учился в Ташкенте на пятом курсе мединститута.

— В школе. Сегодня у них практика.

Бурханову хотелось расспросить у сына о Фолкнере. «Фолкнер... Должно быть, не наш. Иностранец...» — подумал он.

— Дай-ка вон... — Бурханов кивком показал на бутылку пива, стоящую в буфете. — А сама не будешь ужинать?

— Пусть Мансурджан придет. Поужинаю с ним. А то он ничего не ест, совсем похудел в последнее время.

Бурханов выпил еще пива и начал есть. Ел он с аппетитом, торопливо, зачерпывая по полной ложке. Привычка эта у него с детства. Отец, торопясь на работу, ел всегда быстро и помногу. А он старался во всем подражать отцу. Да и тоже спешил в школу. А теперь ел быстро, если и не спешил. В гостях иногда раньше всех опустошал посуду и испытывал неловкость, когда ему предлагали добавку, думая, что он не наелся.

— Жена вашего Усманова приехала, — сообщила Карима.

Это известие не удивило Бурханова. Поразило другое. То, что жена сказала «вашего Усманова». Как она догадалась о его взаимоотношениях с Усмановым?

— Когда?

— Вчера.— Карима заметила, что разговор заинтересовал мужа.— Она, оказывается, была в положении. Ночью Усманов отвез ее в роддом.

— Вот как? — Бурханов отложил ложку.— Надо же... Ничего не сказал. Вот почему он был немножко рассеян сегодня... Проведай ее завтра-послезавтра,— посоветовал он и снова принялся есть.

— Я и сама подумывала. Решила сначала посоветоваться с вами...

— Ну?

— Что-нибудь понести или пойти так... с пустыми руками?

— Откуда мне знать ваши женские дела?

— Они молодые... Прямо не знаю, что и нести...

Бурханов промолчал. Покончил с ужином и опять вытянулся на диване, поглаживая живот. Да, Усманов молод, значительно моложе его. Образованнее, культурнее. Его умение держаться говорит об этом и каждое его слово...

— Я принесла из библиотеки несколько книг,— сказала жена, спутав его мысли.

— На старости лет решила повысить эрудицию? — усмехнулся Бурханов.

Карима когда-то окончила медицинский техникум и некоторое время работала медсестрой. А с тех пор как вышла замуж за Бурханова, сидела дома. Раза два-три намекала ему, что хотела бы устроиться на работу, так он на нее накричал. «Ты что, умираешь с голоду?.. Лучше трать время на детей!..»

— И вашу,— улыбнулась жена, загадочно глядя исподлобья.

— Что? — не понял Бурханов.

— И вашу эрудицию. Говорят, Усманов наводит справки, кто и сколько книг прочел. В его списках, говорят, видели и наши фамилии.

Бурханов внутренне обмер. Но, не выказывая перед женой волнения, спокойно сказал:

— Хорошо сделала. И Фолкнера, значит, ты взяла?

— А что это? — недоуменно округлила глаза Карима.

— Не что, а кто? Писатель такой. Ладно, ступай... Я немного подремлю. Если по телевизору будет кино, разбудишь.

Бурханов отвернулся к стене и закрыл глаза.

Проснулся он в полночь, как от толчка. Необычайное

волнение овладело им. Такое волнение, что внутри все дрожало. Он сел за письменный стол, включил лампу и лихорадочно быстро начал писать:

«Мы, группа трудящихся из Бадамсая, озабоченные событиями, происходящими в нашем районе в последнее время, вынуждены взять в руки перо. Первый секретарь райкома партии товарищ Усманов...»

Он задумался. Рука, державшая ручку, мелко-мелко тряслась. Он впервые решился на то, чего никогда в жизни не делал. Когда пришла ему в голову эта мысль? Давно! Он давно подумывал об этом, да все не отваживался. А сейчас... Он даже подумал, как лучше отправить письмо. Оно должно быть отправлено не из Бадамсая. Завтра он поедет в колхоз имени Горького, там и опустит в ящик. Получится, будто написали сторонники Султанова. Он это прекрасно придумал!.. Что же написать? Письмо должно быть кратким, но изобилующим фактами. Конечно, одним таким письмом не устроишь Усманова, на это и надеяться не приходится. На анонимные письма сейчас не обращают внимания. И все же они изучаются. Проверяются. Об Усманове слухи пойдут. А для начала это уже немало...

Острые пера быстро забегало по бумаге.

«...Товарищ Усманов творит дела, не соответствующие его положению. Сейчас мы еще не можем его винить в моральном разложении, но весь район только и говорит о его интимных отношениях с молодой женщиной, агрономом колхоза «Шарк юлдузи». Наша партия и правительство ведут непримиримую борьбу со спекуляцией, а товарищ Усманов берет районных спекулянтов под свое крылышко. Одного даже освободил из-под следствия. А также у него находят защиту лица, которые в годы Великой Отечественной войны неизвестно где были и чем занимались.

Мы глубоко огорчены поведением товарища Усманова. Желая, чтобы наш район, как и прежде, оставался незапятнанным, мы решили написать это письмо».

Пожалуй, достаточно. Три серьезных обвинения выдвинуты против Усманова. Каждое требует серьезного изучения. А это означает, что об Усманове постепенно начнет складываться определенное мнение.

Бурханов перечитал письмо. Написано, как и надо, шероховато, кратко, а главное, мягко, без злости. Пусть не подумают, что кто-то руководствовался личной неприязнью к секретарю. Бурханов вынул из ящика стола конверт, вложил в него письмо и, проведя языком по краю конверта, заклеил. И задумался. Кому адресовать? Если на имя

Искандера Гаиповича, то могут и не прислать никакой комиссии. Гаипов слишком высоко ценит Усманова. Не поверит. В лучшем случае пригласит Усманова к себе, даст ему прочесть, а затем порвет анонимку и выбросит в корзину... Пожалуй, лучше послать в отдел. Тогда письмо будет переходить из рук в руки, и прочтут его многие. А это как раз и надо. Тогда это письмо нельзя будет скрыть. И факты, указанные в нем, само собой, начнут проверять... Но на чье же имя написать? Бурханов начал перебирать в памяти ответственных работников обкома. Ага, Далимов. Пожалуй, лучше всего ему. Правда, Бурханов его знает не очень близко: просто здоровались, задавали традиционные вопросы, справлялись друг у друга о жизни, на том и расставались. Но недавно, когда они случайно встретились в коридоре обкома, Далимов пожал ему руку, словно старый, добрый друг, и как бы между прочим спросил:

— Ну, как новый шеф?

Бурханов уловил в его тоне иронию, посмотрел ему в глаза, чтобы убедиться, не ошибся ли. Но тот быстро отвернулся и прошел в кабинет, не дождавшись ответа...

Письмо, конечно, подлежит разбору в орготделе, но все-таки лучше, наверное, его отправить на имя Далимова.

Бурханов аккуратно вывел адрес и, как человек, завершивший тяжелую работу, закинул руки за спинку кресла и, сцепив пальцы, прогнул плечи так, что хрустнуло между лопаток. И долго оставался в таком положении, глядя в темное окно. Странно, душа не испытывала облегчения. Наоборот, стало еще хуже, совсем скверно. Ему вдруг захотелось порвать письмо на мелкие клочки, но он подавил в себе это желание. Быстро встал и, накинув на плечи легкий халат, висевший у двери, вышел во двор. Небо было усыпано звездами, и сияла полная луна. Пес-волкодав радостно взвизгнул и рванулся к хозяину, ласкаясь и гремя тяжелой цепью. Бурханов оттолкнул его и, отперев ворота, вышел на улицу.

Шагах в ста от его дома по обеим сторонам неширокой дороги росли высокие тополя. Это место он очень любил. Даже в безветренную погоду их серебристые листья мягко шелестели. Кроны деревьев почти смыкались над дорогой и образовывали длинный коридор, наполненный зеленым светом. В их гуще многие поколения птиц вили себе гнезда и выводили птенцов. Когда Бурханов уставал или находился в подавленном состоянии, ему хотелось побыть одному и о чем-то поразмыслить, он приходил сюда и гулял

ло аллее. На север от Бадамсая вела только эта дорога. Когда бы Бурханов ни проезжал по ней, всегда любовался ровными белыми стволами тополей, похожими на мраморные колонны старинных построек. Кто и когда посадил эти деревья? Когда он приехал в Бадамсай, они были такими же большими и величавыми. Только внимательно присмотревшись, можно увидеть среди старых деревьев и молодые. А кое-где тянулись кверху и совсем еще тонкие побеги. Известно, что тополя недолговечны. Но эти, казалось, стоят уже многие века. Число их не увеличивалось и не уменьшалось. Чьи-то заботливые руки спиливали засыхающие деревья, а на их место сажали новые, молодые. И те быстро догоняли в росте стариков. Кто этот заботливый человек, ухаживающий за деревьями? Оказалось, ухаживают все. Ни один бадамсаец не выбросит свеже-резанную ветку, а посадит ее в землю. И, казалось бы, обыкновенная палка пускает корни, превращается в росток, одевается в зеленое платье из листьев. Выращивание тополей и уход за ними стали для бадамсайцев традицией. Несколько лет назад Бурханов увидел пожелтевший, засыхающий тополь и, когда проезжали мимо, показал его шоферу, а на следующий год на месте этого тополя уже рос другой, молодой и стройный.

Сейчас на дороге было темно, как в тоннеле. Зато по обе ее стороны за зыбко белеющими стволами деревьев голубел простор, затопленный лунным сиянием. Не видно и края хлопковых полей. Убегают вдаль, смыкаясь где-то в сумраке, как у нижнего конца гигантского веера, рядки молодых всходов. И вдоль них мерцает, переливаясь, роса, будто кто-то не семенами засеял поле, а драгоценными камнями...

Бурханов перепрыгнул через глубокий арык и, выйдя на свет, зашагал по тропке. Под ногами виднелся каждый комочек, золотисто сияла каждая соломинка. Споткнуться тут мог разве только слепой. На душу снизошло спокойствие, и можно было предаться раздумьям... Должно быть, не один он, и другие приходили сюда, чтобы разобраться в самих себе, навести порядок в запутанных мыслях, и находили успокоение для души под этими высокими тополями; а может, и счету нет тем, кто тут размышлял о будущем, о жизни и строил свои планы... Многие видели эти тополя и многое знают. Кто-то шествовал под ними, выпятив горделиво грудь, распираемый радостью и счастьем; другие приходили с поникшей головой, пряча покрасневшие от слез глаза, с ноющим от горя сердцем...

Да, иначе и быть не могло: эти тополя видели и счастье людей, и беды. А с чем пришел к ним сегодня он, Бурханов?.. Почему так тяжело на душе у него, куда девался его покой?..

XV

Усманов, как обычно, пришел на работу раньше всех. Благо светает рано. Ему нравится выходить из дому на восходе и отправляться до райцентра пешком. Улицы еще погружены в прохладную тень, и только на вершинах деревьев, позолоченных солнцем, начинают робко тренькать птицы. Тротуары подметены, побрызганы водой. И когда хозяева успели потрудиться? Ночью, наверное...

В коридорах райкома тишина. Не слышно ничьих голосов, ничьих шагов. До прихода сотрудников Усманов успеваает просмотреть почту, на которую каждый день приходится затрачивать немало времени. Сегодня тоже он с этого и начнет. Хорошо, когда день начинаешь в приподнятом настроении. На душе у него как в праздник. Да есть ли на свете больший праздник, чем приезд жены и ожидание рождения ребенка! Славно поступила Хафиза, что приехала в Бадамсай! Теперь их сын будет коренной бадамсаец. Вырастет здесь, окончит школу, поедет учиться. После института, может, опять вернется сюда. Почему «может»? Обязательно вернется! Усманову тогда еще только исполнится пятьдесят четыре — пятьдесят пять. Значит, он еще не будет на пенсии. И он и сын станут трудиться в одном районе. А Бадамсай к тому времени неузнаваемо изменится. Городом станет. Уже сейчас в нем живет более семи тысяч человек. А до того времени население увеличится вдвое. Надо подсчитать... И вообще надо разработать перспективный план развития района, рассчитанный на пятнадцать — двадцать лет. Такой план, конечно, уже имеется. Но его необходимо пересмотреть. Теперь многое изменилось. В горах появился новый карьер, где добывают мрамор. Там построили поселок, приехали люди... А рыбоводческий совхоз? И этот совхоз в свое время не был предусмотрен планом. Образовался только в прошлом году. Но всего за один год набрал сил, стал мощным хозяйством, обеспечивающим всю область живой рыбой. Да, жизнь опережает все планы, все расчеты...

Захваченный раздумьями, Усманов вошел в приемную и на месте секретарши вместо Малохатхон обнаружил

Носира Пулатовича, который сидел, задумчиво глядя в окно.

— Я знал, что вы приходите рано, — сказал он, поднимаясь навстречу.

Они обменялись рукопожатием. Усманов отпер кабинет и пропустил вперед Носира Пулатовича.

— Прошу вас. Очень хорошо, что зашли. А я уже собирался наводить справки, как движутся ваши дела.

— Пока не вызывают тревог. Мне с помощью райисполкома, правда, не без труда, но все же удалось кое-что для себя выбить. «Сельхозтехника» выделила два трактора-универсала, бульдозер и две грузовые машины. Спасибо. Оказывается, и вы звонили им. Теперь у нас особых трудностей нет. Я зашел попрощаться. Сегодня мы с женой переезжаем. Председатель Сатыбалды дал нам две юрты. Пока поживем в юртах, а там к осени поставим и дома. И Султанов — я, признаться, не ожидал от него — проявил щедрость: у него оказалось три разобранных финских дома, он и отдал их нам... Дней за десять мы их соберем. Я не приглашаю вас сейчас. Приезжайте через месяц. Поговорите с людьми, боевой дух у них поднимете. Ваша поддержка нам необходима.

— Непременно приеду. Если будут какие-либо трудности, сразу же сообщите...

— Есть просьба...

— Пожалуйста.

Усманову нравилось разговаривать с этим человеком, немногословным, прямолинейным. Не раз замечал, что и сам старается вести беседы, как Пулатов, — четко, поделовому. Иначе уходит масса времени впустую.

— Дали бы вы мне Назирджана... — сказал Пулатов после короткой паузы.

— Назирджана?

Усманов с самого начала разговора чувствовал, что Насир Пулатович зашел не только попрощаться, но и по какому-то более важному делу.

— Назирджана Каримова, — повторил Пулатов.

— Нашего заведующего отделом?

— Да. Я его давно знаю. Он любит садоводство. А главное, руки у него добрые, все спорится.

Усманов, потирая гладкий подбородок, задумался. Член бюро райкома, заведующий отделом пропаганды и агитации Назирджан Каримов — номенклатурный работник райкома. Не будет ли ошибкой, если такой человек уйдет в агрономы? Он с его организаторскими способ-

ностями заслуживает куда более высокой должности. Самостоятельной работы. Сам может возглавить какой угодно совхоз... В душе Усманов даже слегка обиделся на Пулатова. Неужели столь опытный человек забыл о политике партии в вопросе кадров? Легко ли воспитать человека в аппарате, научить его работать? А Каримов уже три года трудится в райкоме. И прекрасно справляется. Спокойный, вдумчивый.

Заметив его колебания, Пулатов решил объяснить:

— В свое время он был агрономом в колхозе имени Горького, но не поладил с Султановым. Казим Бурханович его взял в райком, и, по-моему, он тут неплохо работает...

— Хорошо работает, — подчеркнул Усманов.

— Я и не собирался его сманивать. Но вчера он сам пришел ко мне... Не скрывает, что доволен работой. Многому, говорит, научился. Но он же, говорит, агроном — со студенческой скамьи мечтал своими руками осваивать новые земли, разводить сады. Из-за этого, мол, и с Хаитбаемака не поладили: еще когда предлагал ему разводить сады, а тот не согласился... Так вот теперь этот парень пришел ко мне и говорит: «Давайте создавать новый совхоз вместе!» Я очень обрадовался его предложению, Дамир Усманович. Он мне напомнил десятитысячников, тех, что в тридцатые годы уходили в кишлаки поднимать хозяйство...

Усманов сразу же вспомнил отца. У них дома была пожелтевшая фотография: большая группа людей, многие стоят, некоторые сидят на корточках, а двое полулежат впереди всех прямо на земле. Славные, веселые лица. Большинство в тибетейках, в чапанах. Усманов много раз слышал о них от матери. Кое-кого она знала по именам, рассказывала, как сложилась их дальнейшая судьба. Это партийные работники, ушедшие работать в кишлак. Добровольно вызвавшиеся поехать в глушь и преобразовывать там жизнь. Их было тогда десять тысяч... В детстве Дамир более всего любил отыскивать отца среди множества лиц на этой фотографии.

Усманов нажал на кнопку селектора, попросил зайти Каримова.

Каримов появился тотчас, будто ожидал приглашения.

— Проходите, Назир Каримович. Садитесь. — Усманов показал на кресло напротив Пулатова. — Ваше решение твердо?

— Да, — кивнул Каримов, садясь. — Я бы поехал...

Садоводство — моя основная профессия, Дамир Усманович. Люблю... Услышав, что Носир Пулатович взялся... Словом, я очень обрадовался. Я хорошо знаю те земли. Исходил вдоль и поперек. Можно создать замечательный сад. Я давным-давно прикинул, на каком участке какие деревья сажать...

Слушая его, Усманов все более убеждался, что Пулатов сделал свой выбор правильно. Каримов как раз тот человек, который ему нужен. Да, эти люди вырастят замечательный сад. Никакие должности их не интересуют, спокойная жизнь и комфорт тоже. Они одержимы мечтой и лишь тогда будут счастливы, когда мечта их исполнится. Можно ли не внять их просьбе, не помочь?..

— Хорошо, — сказал Усманов, — думаю, бюро пойдет вам навстречу.

— Рахмат, — глаза Каримова радостно блеснули. — Разрешите идти? — спросил он, поднимаясь с кресла.

— Да. Пока продолжайте заниматься своими делами, а там посмотрим.

Носир Пулатович тоже встал и, благодарно пожав Усманову руку, покинул кабинет одновременно с Каримовым. Оставшись один, Усманов сразу же позвонил в родильный дом.

— Ну как?

— Не беспокойтесь, Дамир Усманович, все будет хорошо, — ответила главный врач роддома.

Усманов с этой полноватой, средних лет женщиной познакомился позавчера, когда отвез туда Хафизу. Ее фамилия тоже была Усманова. Хамида Усманова.

— Как мать? — Усманов впервые назвал Хафизу так. Сам не заметил, как у него вырвалось это слово.

— Настроение у нее хорошее, смеется, — ответила врач. — Говорит, что хочет сына. Думаю, вы сегодня станете отцом.

«Дочь или сын? — мелькнула мысль. — Сын...»

— Откуда вы знаете?

— Это тайна, — засмеялась врач. — Я вам позвоню. Не беспокойтесь.

Усманов опустил трубку. Рядом стояла Малохатхон. Он не заметил, когда она вошла. Девушка улыбалась.

— Первой узнаю я, дадите суюнчи, — кокетливо предложила она.

Усманов засмеялся:

— Непременно.

— Сегодня «Алга» в восемь утра уже продавалась

в киосках, — сказала Малохатхон и положила на стол два свежих номера, еще пахнувших типографской краской.

Разворачивая газету, Усманов вспомнил одну из бесед с Бурхановым. Он не приглашал Бурханова специально для этого разговора. Тот зашел по какому-то делу.

— Казим Бурханович, газетой «Алга» почти перестал заниматься редактор, — сказал Усманов без всяких предисловий. — Предоставьте это дело самому Сабиру Алиевичу. У вас предостаточно других дел. Если у нас с вами возникнут какие-то соображения относительно газеты, их можно высказать Сабиру Алиевичу. Но прямую ответственность за газету должен нести все же он.

По выражению лица Бурханова было заметно, что замечание ему пришлось не по нутру. Он нахмурил брови, но возражать не стал. Сказал только:

— В последнее время газета сделалась неинтересной. Стали появляться устаревшие материалы.

— Вы имеете в виду фельетон насчет женщин? — улыбнулся Усманов.

— Есть и другие материалы, — еще более насупился Бурханов.

— Фельетон я прочел, — сказал Усманов. Он и в самом деле во время одного из ночных бдений перелистал всю подшивку газеты, прочел и этот фельетон, написанный живо и остро. Главное, в нем приводились серьезные факты, хотя читать о них без улыбки было невозможно. Автор показал женщин, которые когда-то учились, получили образование, специальность, но превратились в домохозяйек, в женушек своих мужей и только омецанились. — Если факты верные, то сказано о них своевременно, а автор достоин всяческой хвалы.

— Простите, но в этом я с вами не могу согласиться, — запротестовал Бурханов. — Правильно меня поймите. Здесь речь идет не только о женщинах... Нетрудно заметить и прозрачный намек на мужчин. Фельетон унижает многих авторитетных людей района, нельзя этого допускать...

— А если авторитетные люди сами дали повод для такой критики?.. Хотя фельетон и был оценен как неправильный, но свое дело он, если я не ошибаюсь, сделал. Жены тех авторитетных людей, о которых вы изволили упомянуть, стали работать. Правильно? Не все, конечно. Но некоторые...

Бурханов не ответил. Лишь хмыкнул. И, чтобы скорее покончить с неприятным для него разговором, добавил:

— Хорошо. Я скажу Сабиру Алиевичу. Пусть занимается он.

Значит, сказал.

Передовица. «Залог высокого урожая». Наверное, на основе материалов актива, предположил Усманов. «Культурная хроника» — под этой рубрикой шли пять-шесть небольших заметок. Следующая страница под шапкой «Передовики нашего района». Очерк, несколько зарисовок, фотографии. Так... А это что? «Обычный день». Рассказ. Чей же? Усманов взглянул в конец материала. Мирхайдар Барат. Он улыбнулся. Ох и молодежь! Опубликуют одно-два стихотворения или рассказ и уже стараются придать своим фамилиям поэтический оттенок. Не Баратов, а Барат. Надо прочесть. Судя по фельетону, талантливый парень.

Усманов начал с передовой статьи. Но не прочел и половины, по селектору раздался голос Малохатхон:

— Дамир Усманович! К вам товарищ Мукимов, разрешите?..

— Пожалуйста.

Усманов сложил газету и положил на край стола, чтобы была на виду. Как бы не забыть, уходя.

Вошел Мукимов:

— Салам.

— Входите, Джура Мукимович! Алейкум салам.

— Пришел посоветоваться, — сказал Мукимов, подавая руку. И вздохнул, что свидетельствовало о серьезности предстоящего разговора.

— Чем смогу, пожалуйста... — Усманов жестом предложил ему сесть.

— На днях я был у Казима Бурхановича. По этому же делу. Но все обернулось не так, как я надеялся...

— А если поконкретнее?

Темный от загара, высокий, плечистый, с крупным крючковатым носом, Мукимов напоминал Полвонова. И взгляд у него такой же энергичный, острый, и голос басовитый, но помягче, пожалуй, даже какой-то ласковый. Слова, произносимые им, получались как смазанные маслом крендели:

— Дело в том, что поселок, который мы строили несколько лет, готов. Есть и детский сад, и кинотеатр, и библиотека, и магазин... Словом, все для нормальной жизни. В этом месяце подключим и газ...

— Поздравляю с новосельем, — сказал Усманов, гадая, что же последует за этим вступлением.

— Спасибо.— В голюсе Мукимова не было и тени радости.— Но мы оказались в затруднительном положении. Поселок был рассчитан для жителей Найманчи. Вы, наверное, знаете Найманчу?

Усманов кивнул.

— Глаза бы мои не смотрели на этот кишлак! — горячо выпалил Мукимов.— Ни кино, ни библиотеки. Дома не дома, а полуразвалившиеся хибары. Потолки из рогожи, полы земляные! И единственный колодец на весь кишлак. Как люди там живут, представить себе не могу. Я намеревался всех жителей Найманчи переселить в новый поселок. Разве же это плохо? Пусть, думаю, и название останется прежнее — Найманча. Нет, некоторые и не желают переезжать. «Почему?» — спрашиваю у них. «Нам и здесь хорошо!» — отвечают. Ну, думаю, коль вы не отличаете белого от черного, переселю силком. Решил согласовать с райкомом. Но товарищ Бурханов говорит, мол, не трогай тех, кто не хочет. А не желает кто? Преимущественно старые люди. Но если старики не переедут, то и молодежь не стронется с места. Молодежь в новом поселке, а старики в заброшенном, полуразваленном кишлаке? Одни?.. Какая же это будет жизнь?.. Да и кто из молодых согласится бросить там родителей, дедов, бабушек? Никто!.. Дамир Усманович, все должно быть в меру. Я уважаю наши обычаи, традиции. В них очень много хорошего. Взять хотя бы нежелание наших джигитов и девушек оставить стариков одних — это ли не прекрасный обычай, который прямо в крови у нас. Но до каких пор мы будем носиться с так называемыми обычаями, традициями, которые идут во вред? Совхоз затратил столько средств, построил современный поселок! Но из-за четырех-пяти отсталых людей будем всех лишать удовольствия жить в новых домах? Как хотите, но, по-моему, это неправильно. Надо переселить всех! Сразу! Тогда все население Найманчи опять будет в одном месте. А спустя две-три недели те, кто сейчас не решается переехать, привыкнут к новому месту.

— А молодежь? Что говорит молодежь? — поинтересовался Усманов.

— Что скажет молодежь?.. Молодежь готова хоть сегодня переехать. Только у большинства из них есть и родители, и деды, и бабушки... Они говорят: старики, мол, к нашим уговорам не прислушиваются, вот если бы руководство приняло решение...

— С товарищем Садыковым советовались?

— Советовался. Интересный человек Кудрат-ака, ей-

богу, — засмеялся Мукимов. — «Если б моя воля, говорит, я бы сейчас своими руками снес старый кишлак». Но стариков, мол, надо уговорить. «Чтоб не приходили ко мне жаловаться». Но зачем им ходить жаловаться? В каких домах они сейчас живут и какие дома им предлагают! Это же небо и земля!..

— Ладно, переселяйте, — сказал Усманов, решившись. — Если пожалуются, вдвоем как-нибудь найдем, что ответить. Найдем?

— Конечно, найдем! — обрадовался Мукимов. — Рахмат. Я был уверен, что вы меня поймете, Дамир Усманович! Сейчас же поеду в Найманчу и проведу собрание.

Нахлобучивая на ходу соломенную шляпу, Мукимов торопливо покинул кабинет.

Усманов позвонил Садыкову:

— Кудрат Саимович, не распространить ли почин Мукимова в районе? Мне кажется, он начал большое дело.

— Хорошее дело, вы правы, — ответил Садыков. — То же самое и в «Правде». Видели, наверное, вдоль дороги новый поселок? Только Сатыбалды-ака не спешит переселять людей.

— Надо поторопить, — посоветовал Усманов. — Чем скорее люди переедут в новые дома, тем благоустроеннее станет район.

— Оно-то верно, — согласился Садыков. — Только, сдается мне, переселение будет не таким уж легким, Дамир Усманович. Во всяком случае, оставить землю, где человек родился, очень трудно. Особенно старикам...

Слова председателя райисполкома заставили Усманова задуматься. Не поторопились ли они с Мукимовым? Что, если переселение — все равно что выдергивание корней из родной почвы? Растения, пересаженные на новое место, долго болеют, выживают не все. Да, мероприятие это действительно необычное и трудное. Но кто медведя боится, тот в лес не ходит. Так говорят в народе.

— Посмотрим... Пусть Мукимов начнет первым, — сказал он Садыкову и положил трубку.

Обеденный перерыв Усманов решил использовать для посещения Мамашарифа-ота. Еще при первой встрече со стариком ювелиром он загорелся желанием купить для Хафизы браслет в виде змеи. Сейчас как раз кстати. Хотя Хафиза не бог весть какая охотница до всяких украшений, такому подарку будет рада. Не очень дорогой браслет, но красивый. Усманову он тогда среди поделок мастера по-

правился более всего. В свое время на раскопках Дальверзина-тепа они нашли немало драгоценностей. И среди них был в точности такой браслет. Позже его снимок Пугаченкова поместила даже в своей книге. Браслет, изготовленный стариком, как две капли воды похож на тот. Неспроста же Усманов, как только увидел, сразу и вспомнил те далекие счастливые дни, когда еще учился, а летом уезжал на раскопки в составе археологической экспедиции.

Усманов миновал центральные улицы и свернул в переулок, ведущий в старую часть поселка. Дом Мамашариф-ота располагался в конце узкой кривой улочки и был ветх, как сам хозяин. Небольшие воротца отворены настежь. Небольшой зеленый дворик. Дорожки подметены — ни соринки. Перед домом традиционный просторный айван. Усманов поднялся на айван, чтобы постучать в узорчатую дверь, украшенную, словно кружевом, ажурной резьбой. «Видимо, и это сделал сам», — подумал Усманов, звякнув металлической цепочкой, прилаженной вместо ручки. В углу айвана стояли две глиняные амфоры в рост человека. А рядом медный таз и узкогорлый кувшин.

Мамашариф-ота оказался дома. Усманова узнал сразу. Тепло поприветствовал, повел в дом.

— Вот, сынок, по одному вашему слову я обрел спокойствие, — сказал он, усаживая гостя на новый узкий матрац, посланный на полу вдоль стены. — И дела мои пошли на лад. Учеников дали. Теперь десять учеников у меня. Все славные ребята.

Усманов высказал свою просьбу. Старик всплеснул руками и покачал головой:

— Ах, какая досада! Какая досада! Я же отдал его кому-то... Вспомнил. Ко мне приезжала артистка. Из Ферганы. В театре оперы и балета работает. Имя запомнил. Вот она и купила. Ладно, сынок, не огорчайся, для моей невестушки я сделаю еще лучше. Сколько витков сделать, три или четыре?

— Поскромнее, — ответил Усманов.

— Ладно. Сделаю три... с глазком из яхонта. В темноте будет гореть. А вы знаете, как появились браслеты, напоминающие змей?

Усманов отрицательно покачал головой.

— О-о, это интересная история! — Мамашариф-ота налил в пиалу немного горячего чая, подал гостю, прижимая левую руку к груди в знак особого почтения. — Дав-

ным-давно это было, когда Искандер Зулькарнайн¹ завоевал Мавераннахр... Люди этих земель не желали покориться ему. То в одном месте, то в другом восставал народ, завоеватели безжалостно расправлялись со всеми... Одно из самых крупных восстаний возглавил батыр по имени Аспирух. Много он врагов побил... И повсюду за Аспирухом следовала его жена по имени Зебонасаб. Она была столь прекрасна, что женщины, равной ей по красоте, не существовало ни на земле, ни во всех семи небесных сферах. Ловок был Аспирух и смел, но враги были коварны. Однажды заманили они Аспируха в узкое ущелье и зажали с двух сторон. Бились воины Аспируха, словно барсы. Бились, пока хватило сил. И полегли все, как один. Последним упал смертельно раненный Аспирух. Схватила его меч Зебонасаб и бросилась на врагов. Увидел ее предводитель вражьего отряда, удивился несравненной красоте женщины и ее смелости. Повелел взять ее живой, чтоб сделать своею наложницей. Не десяток и не два нападавших воинов уложила Зебонасаб своим мечом. Но враги обступили ее со всех сторон, как туча. Меч Зебонасаб зазубрился и наконец сломался. Кинулись к ней враги, чтобы схватить и отвести в шатер своего предводителя. Но в этот миг прекрасная Зебонасаб увидела у своих ног свернувшуюся в кольцо змею. Миг — и обмотала ее вокруг руки. Не успели враги коснуться красавицы... она была уже мертва... С тех пор женщины и носят змееподобные браслеты, которые символизируют супружескую верность. В прежние времена эти браслеты так и назывались — зебонасаб. Сейчас древнее название забыто. Помнят о нем только такие старые мастера, как я... Через четыре дня, самое большее через пять, браслет для моей невестушки будет готов. Не возражаете, сынок?

Довольный и услышанной легендой, и обещанием мастера, Усманов распрощался с хозяином. Мамашарифота в знак особого расположения к нему объявил, что принесет свое изделие сам, но Усманов, не желая утруждать старого человека, пообещал зайти к нему во вторник.

Уже у самого райкома у него ни с того ни с сего тоскливо защемило сердце. «Вот тебе и на,— подумал он.— Не рановато ли? Мотор начинает пошаливать...» Но это была не боль. Какая-то необъяснимая и странная тревога сдавила грудь. О чем он подумал минуту назад? Замедлив шаги и незаметно для окружающих стараясь вдохнуть

¹ Искандер Зулькарнайн — Александр Македонский.

поглубже, перебрал в памяти свои сегодняшние дела. Вспомнил стариков Найманчи. Все они сейчас казались ему похожими на Мамашарифа-ота, такими же мудрыми и искусными во всем, за что ни возьмутся. Не доставит ли им чересчур больших переживаний и хлопот переселение? Поймут ли, что никто им не желает ничего худого? А, напротив, заботятся об их спокойной старости... И Мукимов, и Усманов хотят, чтобы каждый их день был светел и полон радости.

Из подъезда райкома, распахнув дверь, выбежала Малохатхон. Сердце Усманова упало. Он ускорил шаги. Увидев его, девушка бросилась навстречу:

— С вас суюнчи! Хафиза-апа родила сына!

Не обращая внимания на прохожих, Усманов обнял ее, расцеловал:

— Когда?

— И получаса не прошло. Позвонила Хамида-апа!

— Скажи Рустаму, пусть подаст скорее машину!

...Высочив из машины, Усманов быстрыми шагами направился в больницу. В руках у него был букет роз — Малохатхон ради такого случая нарвала с клумбы перед райкомом. Навстречу вышли мать и Хамида Усмановна. Обе в белых халатах.

— Поздравляю с сыном! — сказала Хамида Усмановна.

А Мастура-апа обняла сына:

— Ну в точности как ты! Копия! Богатырь!.. Три килограмма четыреста граммов!

— Такой маленький? — изумился Усманов, вспомнив большой, прямо огромный, как ему казалось, живот Хафизы.

— Очень хороший вес, — сказала Хамида Усмановна. — Матери было очень тяжело, бедняжке.

— Как она?

— Устала. Отдыхает.

— Можно ее увидеть?

— Нет. Сейчас нельзя. А завтра к вечеру, думаю, она сама подойдет к окну.

— Передайте, пожалуйста, ей цветы...

...Однако Хафиза не дожила до завтра. Она умерла вечером того же дня, прижимая к лицу переданные мужем свежие розы. На полу валялись осколки вазы, из которой она, видно, успела выхватить букет, почувствовав приближение конца...

Врачи признали инфаркт.

Усманов, когда ему сообщили, вначале не поверил. Похолодел. И сразу почувствовал страшную слабость, как при тяжелой болезни. Хотел кинуться в больницу... к мамой, дорогой, ненаглядной Хафизе... но не было сил пошевелиться... Он словно бы окаменел. Видел, как возле него суетятся люди в белых халатах, колют в руку, что-то говорят, и почти не сознавал, что происходит...

На следующий день он сам спустился в могилу, чтобы своими руками уложить в ней Хафизу. Это должен был сделать самый близкий покойной человек. Потом бросил первую горсть земли. Все делал машинально, как во сне, будто весь одеревенел, а в движение его приводит какая-то закрученная до предела пружина. Кажется, собралось много народу, но он не различал лиц... Только возвратясь домой, вспомнил, что там, похоже, были Искандер Гаипович, Пулатов, Муслим-ака Салиев. А он и словом с ними не обмолвился. Кажется, и не поздоровался даже. Они что-то говорили... Должно быть, успокаивали. Но сердце его сделалось как камень, а глаза как высохший от суховея родник — ни слезинки...

И, только возвратясь в осиротевший дом, он вдруг сразу почувствовал всю боль утраты. Будто сердце враз обрело чувствительность, к нему вернулась способность плакать.

— Мама! Как же это, мама! Я бы и тысячу детей не поменял на одну Хафизу!

Мастура-апа, прижимая голову сына к груди, пыталась его утешить:

— Не говори так, сынок. Пусть долго живет наш ребеночек.

Она и сама не в силах была сдержать слез.

XVI

Бурханов принял участие в расширенном заседании бюро обкома, продлившемся до полуночи. Пообедал вместе со всеми в обкомовской столовой и решил вернуться домой. Он уже садился в машину, когда его кто-то окликнул. Обернувшись, увидел инструктора Тешабая Далимова, торопливо направляющегося к нему:

— Извините за беспокойство, Казим Бурханович. У меня к вам дело. Не могли бы вы подняться ко мне на пять минут?

— Пожалуйста.

Пришлось вслед за Далимовым вернуться в обком.

Поднялись на второй этаж и направились вдоль прохладного коридора, застланного плюшевой дорожкой. Далимов семеня мелкими, перепелиными шажками впереди, то и дело оборачиваясь, и, встречаясь с напряженным взглядом Бурханова, странно улыбался. Впрочем, этот человек улыбался всегда, даже когда его ругали. «Что у него за дело ко мне?» — подумал Бурханов. На сердце было неспокойно. Неужто по поводу письма? Успел он его прочесть или нет? Конечно, успел. Сколько дней прошло? Бурханов почувствовал ломоту в суставах, казалось, что вот-вот подломятся колени. Письмо-то он отправил, но только и после этого ему не полегчало, а, наоборот, стало еще хуже. Тревога не покидала его все последующие дни, началась бессонница, чего никогда с ним не случалось. Выглядел он больным. А с того дня, как у Усманова случилось несчастье, Бурханов и вовсе не находил себе места. Ни дома не знал, куда себя деть, ни на работе. Справедливо сказано: «Если твоя желчь кипит от гнева — побудь на кладбище». Большая мудрость заключена в этих словах. Вместе со всеми, кто был на похоронах жены Усманова, пришел на кладбище и Бурханов. Странно он себя почувствовал там. Как правоверные, входя в мечеть, снимают перед порогом обувь, так словно бы и он оставил за пределами кладбища все, что угнетало его совесть. Сейчас Бурханов не помнит, какие мысли навеяли ему в те минуты и каменные надгробия, и еле приметные бугорки забытых могил, поросших травой. Да и вряд ли он думал о чем-то другом, постороннем — он искренне разделял горе Усманова. А когда начали бросать в могилу горсти земли, он подошел к Усманову и, переполненный волнением и скорбью, даже всплакнул, поднеся к глазам платок. Забылись тревоги. Забылись заботы и обиды. Все забылось, что грызло его беспокойную душу до последнего дня. И вдруг, будто электрический ток, пронзила мысль об этом письме. Он утирал слезы и едва сдерживал себя, чтобы не сказать: «Простите меня, Дамир Усманович! Я совершил по отношению к вам подлость...» Нет, он, конечно, не сказал этого. Но на душе было отвратительно. В эту минуту, у разверстой могилы женщины, которая только вчера еще была жива, весело смеялась, строила планы на много лет вперед и вдруг угасла, словно свеча от порыва ветра, не успев осуществиться и малой доли того, о чем мечтала, он представил себе собственную жизнь... «Странен мир, странен... — думал Бурханов, покидая кладбище. — Неужели же понимание самого себя достигается ценой чьей-то

смерти?..» Ему хотелось немедленно помчаться на почту, заполучить письмо обратно и разорвать его на мелкие кусочки. Увы, было поздно. Письмо, вероятнее всего, уже давно находилось в руках адресата...

Далимов занял место за столом. Бурханов сел напротив. Далимов испытующе посмотрел на него и почему-то до кончиков ушей залился краской. Но тут же принял деловой вид, спросил:

— Как там Дамир Усманович? Трудно ему сейчас? На работу еще не вышел?

Бурханов прокашлялся, желая оттянуть время и успокоиться, унять волнение. Он бы сейчас многое дал, чтобы Усманов и впрямь оказался в опасности, дабы защитить его и тем самым оправдаться. Нет, не перед Усмановым. Перед совестью. Перед собственной совестью.

— Работает, — негромко ответил он, досадуя, что голос выдает его волнение. — На следующий же день вышел на работу. Дела у него идут хорошо. Как только район закончил сев, взяли дополнительное обязательство. Восемь тысяч тонн. Это точный подсчет. По инициативе Дамира Усмановича собрания на местах проводили, в колхозах...

— Слышал. Очень хорошо, очень хорошо, — проговорил Далимов, продолжая с улыбкой разглядывать Бурханова.

«Он мне хочет что-то сказать», — подумал Бурханов, скользнув взглядом по его красным, просвечивающим ушам.

Далимов, поразмыслив, посмотрел на дверь и, убедившись, что она плотно закрыта, вновь устремил на собеседника цепкий взгляд.

— Казим Бурханович, мое уважение к вам беспредельно. Вы опытный работник, с большим стажем. Потому я и выбрал вас, чтобы посоветоваться. Но разговор наш сугубо конфиденциальный.

— Понимаю. Пожалуйста, — ответил Бурханов, еле приметно кивнув.

Далимов опять бросил взгляд на дверь и сунул руку в ящик стола.

— На мое имя поступило одно странное письмо...

Бурханов почувствовал, как кровь отливает от сердца.

— Какое письмо? — спросил он, и голос с трудом пробился сквозь перехваченное волнением горло.

— Вот, прочтите...

Далимов положил перед ним письмо. То самое, что написал Бурханов, подделав почерк. «Неужели догадывается, что я?.. Нет, не может быть...»

Чтобы не дрожали руки, он облокотился о стол, вынул из конверта листок и начал читать. При этом краем глаза видел белые блестящие зубы Далимова. «Ну какого черта скалится?..»

— Автора не установили? — как можно спокойнее спросил Бурханов, кончив читать.

А голову сверлила мысль: «Подлость это! Подлость!..»

— В том-то и дело, — ответил Далимов, не спуская с него глаз. — Автора я не установил. Да и невозможно...

Бурханов облегченно вздохнул, закинул ногу на ногу.

— Мне показалось несколько странным... — продолжал Далимов, изобразив на лице удивление. — Почему это письмо адресовано мне?.. Какое отношение я имею к секретарю райкома, тем более к первому? Они должны были адресовать его в орготдел. Или на имя одного из секретарей.

— А... оно зарегистрировано?

— Еще нет. Письмо на мое имя, вручили лично мне. Вот уже три дня не знаю, что с ним делать.

— Тогда порвите и дело с концом.

— Ну что вы!.. — усмехнулся Далимов. — Я сегодня собирался показать его Надырхану Салиевичу.

— По-моему, — сказал Бурханов, задумчиво потирая лоб, — в этом нет необходимости... Во-первых, поверьте мне на слово, письмо от начала до конца ложь, клевета. Во-вторых, оно же адресовано, гм... не в обком, а лично вам...

— Я тоже считаю так, — согласился Далимов. — Я же знаю Дамира Усмановича. Он чист как стеклышко. Тут и другие о нем такого же мнения. И я не могу, естественно, без причины обидеть человека. Но одно все же меня тревожит... Авторы письма по истечении срока могут же написать и секретарю обкома. А если они сообщат — дескать, в свое время мы сигнализировали, писали на имя товарища Далимова?

Опасения Далимова, конечно, справедливы. Бывает и так. Разумеется, Далимов тогда оказался бы в неловком положении. Но как Бурханову сказать ему, что другого такого письма не последует, как заверить, что автор письма вторично подобной подлости не сделает?.. Или все же сказать? Вот, мол, автор письма, сидит перед вами! Нет, у него на это не хватит духу!

— По-моему, они этого не сделают, — сказал Бурханов, напустив на себя солидность. — Дамир Усманович в первые дни работы, возможно, и не понравился кому-то. Однако люди изо дня в день все лучше и лучше узнают, что это за человек. И уважение к нему растет. Нет, я убежден, что другой такой глупости никто себе не позволит. Кто знает, может, авторы письма уже сейчас раскаиваются... А что касается того, что адресовали именно вам, так это тоже понятно. Вы давний друг Усманова. Вместе работали, сидели в одной комнате, плохого ему не желаете. Думаете, люди об этом не знают? Знают.

— Вы думаете? — недоверчиво проговорил Далимов, взглянув искоса. — Вместе работали, это верно. Однако дружба наша... Значит, больше писать не будут?

— Не напишут! — твердо сказал Бурханов. — Я бы на вашем месте, гм... ради старой дружбы порвал и выбросил...

— Спасибо, Казим Бурханович.

Далимов поднялся и вышел из-за стола. Бурханов тоже встал, протянул на прощанье руку. И легко, словно человек, сбросивший тяжелую ношу, поспешно покинул кабинет.

Однако Далимов в этот день не порвал письма. Он показал его заведующему отделом Надырхану Салиевичу. Тот прочел и брезгливо швырнул письмо на стол:

— Какие все же есть еще низкие люди! Пригласите Усманова, пусть прочтет. Не повредит... Потом напишите заключение отдела и снимите с учета.

— Письмо не зарегистрировано.

— В таком случае с заключением отдела вручите самому Усманову.

Далимов так и поступил. На другой день позвонил в Бадамсай и попросил Усманова, чтобы тот, когда приедет в обком, постарался встретиться с ним.

Усманов приехал уже в конце дня. Он хотел повидаться с Искандером Гайповичем, чтобы поговорить с ним о Саидмураде Ишимове, показать его документы для представления к награде. Исмаилджан сдержал обещание. В республиканской газете «Совет Узбекистони» вышел его большой очерк, написанный совместно с Мирхайдаром Баратом. В этом очерке, озаглавленном «Биография подвига», рассказывается об Ишимове, о том, как он партизанил в годы Великой Отечественной войны, о его сегодняшнем труде. Исмаилджан связался с обществом ветеранов войны и собрал богатый материал о боевых действиях

югославских партизан, о сражавшихся в их рядах советских воинах. И даже получил письмо от бывшего командира партизанского соединения в Черногории генерал-лейтенанта Антонова-Ристича, где тот подробно рассказывал об Ишимове.

Усманов решил сначала заглянуть к Далимову, полагая, что там долго не задержится.

Далимов встретил его приветливо, как старого друга.

— Еще раз примите мои искренние соболезнования, Дамир Усманович, — сказал он, крепко пожимая его руку.

Усманов кивнул и, сев, посмотрел на него вопросительно.

— Да нестоящая вещь... — сказал Далимов, разводя руками. — Но мы посоветовались с Надырханом Салиевичем и нашли целесообразным все же передать вам...

— Что это? — спросил Усманов, глядя на конверт, который Далимов положил перед ним.

— Письмо. Не стоит придавать особого значения, но все же... Не принимайте близко к сердцу...

Далимов говорил искренне. Увидев осунувшееся лицо Усманова, его поседевшие волосы, он в самом деле проникся к нему сочувствием. Нет, он ни за что не хотел бы оказаться на его месте: целый район, постоянные тревоги, заботы о незнакомых людях... Сотни глаз следят за каждым твоим шагом, а в награду анонимка... Нет, кому что, а Далимову это все не подходит. Лучше жить себе спокойно, как он живет. Вот скоро завершит свою диссертацию. Потом защитится... Хм, а ведь было время, когда он Усманову завидовал.

— Имеется и заключение отдела, — сказал Далимов и протянул Усманову лист бумаги с отпечатанным текстом.

Усманов взглянул на него и грустно улыбнулся:

— В первый раз в жизни читаю такое о себе.

— По-моему, и в последний... Я не хотел вам показывать. Но Надырхан Салиевич сказал: пусть, мол, прочтет. Пожалуй, он прав. Такие письма настораживают, заставляют человека всегда быть начеку. Конечно, вы в этом не нуждаетесь, и все же...

— Кто писал заключение?

— Я.

— Благодарю. — Усманов встал. — Никак не выходит из головы... — проговорил он задумчиво. — На первой

партконференции двое проголосовали против меня. Почему? Кто они? Не знаю.

— Не исключено, что и письмо от них же...

— Кто знает... — пожал плечами Усманов.

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал Далимов. — Начали вы хорошо. Сезонные работы проходят быстро, напряженно. Здесь о вас все очень хорошего мнения. Словом, собака лает, а караван идет!..

Усманов попрощался с Далимовым и, поднявшись этажом выше, зашел в приемную Искандера Гаиповича. Секретарша сидела одна и чистила пилкой ногти.

— Здравствуйте, Валентина Ивановна!

— Здравствуйте, Дамир Усманович! — Валентина Ивановна встала и подала руку. — Мы все знаем о вашей горе и все соболезнуем вам. Будьте мужественны.

— Стараюсь... У себя? — Усманов кивнул на обитую черным дерматином дверь.

— Да. У него человек из Ташкента. Из Минводхоза. Уже давно зашел. Посидите немного.

Но посидеть Дамиру Усмановичу не пришлось — ташкентский гость вышел. Усманов посмотрел на Валентину Ивановну.

— Пожалуйста, — кивнула она.

Усманов, стараясь не спешить, медленно вошел в знакомый кабинет. Ничего здесь не изменилось. Те же портреты, те же часы в рост человека с медленно двигающимся из стороны в сторону огромным маятником... Искандер Гаипович, как обычно, когда принимал посетителей, сидел не за своим письменным столом, а за столом заседаний возле ряда окон, откуда виден весь город.

— А-а, заходите, Дамир Усманович! — Искандер Гаипович встал из-за стола, вышел навстречу Усманову и обнял его одной рукой. — Дополнительные обязательства не слишком велики, а?

— Мы подсчитали. — Усманов сел на крайний стул, рядом с Гаиповым. — Выполним.

— Дела в вашем районе, в общем, пошли лучше, — сказал Гаипов, постукивая о ладонь длинным красным карандашом. — Спасибо. И хорошо сделали, что поддержали Пулатова. Я рад... И... его просьбу насчет Каримова... удовлетворите. Я этого парня знаю. Коль уж решился, пусть идет. Но помните — из него выйдет превосходный ответственный работник.

Усманов без традиционных вступлений сказал, зачем зашел. Показал очерк и документы Ишимова. Гаипов от-

ложил газету в сторону — видимо, читал уже, а документы внимательно просмотрел.

— Хорошо,— сказал он.— Прибавьте итоги работы Ишимова за этот год и внесите предложение. Поддержим. Этот человек заслуживает звания Героя Социалистического Труда.

Усманов, хотя иного ответа и не ожидал, обрадовался. Но тут же отвел глаза.

— Что еще? — спросил Гаипов, заметив, что по лицу его пробежала тень.

— В обком на меня поступило письмо...

— Какое?

Усманов вынул из нагрудного кармана письмо вместе с заключением отдела и протянул.

Гаипов не спеша прочитал и письмо и заключение. Положив на стол, небрежно отодвинул от себя кончиками пальцев и задумался.

— Мы еще не полностью избавились от клеветников, человеконенавистников,— сказал он.— Они еще долго будут пытаться мешать нашей работе, отнимать у нас время. Однако... Никто не сможет нас свернуть с правильного пути, не заставит поколебаться. Только не таите на людей в душе обиду. Вы не первый, кто попадает в такие переплеты,— засмеялся Гаипов.— На меня тоже писали.

— На вас? — удивился Усманов.

— Писали,— повторил Искандер Гаипович.— И не раз. Прямо в ЦК КПСС. Эх-ха... В чем только не обвиняли меня! Но если человек на правильном пути, на пути, предначертанном партией, то все это че-пу-ха!.. Правильное заключение написали товарищи из отдела.

— Спасибо, Искандер Гаипович!

Усманов встал. Попрощавшись, направился к двери. Гаипов, как бы неожиданно вспомнив, бросил вслед:

— Стариков Найманчи оставьте в покое, Дамир Усманович. Такие дела нельзя вершить администрированием. Пусть переезжают молодые. За ними потихоньку и остальные потянутся.

Усманов остановился. Да, он, кажется, поторопился. Ошибся. Бурханов был прав.

— Хорошо, Искандер Гаипович,— сказал он.— Я это исправлю.

Гаипов удовлетворенно кивнул. Встав, приблизился к нему, положил руку на плечо:

— Как сын? Растет Улугбек?

— Спасибо.

— Небось с рук не спускаете? Я все понимаю. Это чувство мне знакомо...

— Да, конечно...

Усманов поймал себя на том, что говорит неправду. С тех пор как умерла Хафиза, за весь месяц он даже не взглянул на малыша. Никак не мог избавиться от мысли, что в смерти Хафизы виноват ребенок.

XVII

К Бадамсаю Усманов подъезжал в хорошем настроении. Солнце еще не село, повисло над темными силуэтами далеких тополей огромным красным шаром. Усманов намеревался зайти в райком и оттуда позвонить Мукимову, но передумал. Лучше прямо сейчас поехать в Найманчу. Если старики на него в обиде, он соберет их и публично извинится... К этой затее Усманов с самого начала отнесся без особого энтузиазма. Но хотелось поддержать Мукимова, его инициативу и то новое, что может быстро изменить лицо района. Но как только дал свое согласие, его не покидало беспокойство. Значит, сердце прежде рассудка почувствовало, что ошибся... Поспешил... Прав Искандер Гаипович — приказами нельзя совершенствовать культуру. Да и необходимости в этом нет никакой. У старых людей своя культура, вросшая корнями в века. И она заслуживает уважения. Многое у них можно перенять и многому научиться. Существуют у людей и обычаи, связанные с тем местом, где они родились. Невозможно же от них отказаться лишь по желанию Мукимова или Усманова. Почему он сразу не подумал об этом и не вник в проблему глубже? Ведь приблизительно такие же мысли приходили в голову, когда он беседовал со старым ювелиром Мамашарифом-ота!..

— Рустам! Давай в Найманчу.

Шофер тормознул, медленно развернул машину и погнал ее в обратную сторону. Лишь уточнил:

— Через колхоз имени Горького? Так ближе...

— Можно.

Усманов посмотрел вправо, потом влево, на проносящиеся по обеим сторонам дороги густо-зеленые поля. Хлопчатник уже цвел.

— В этом году хлопок хороший, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, — сказал Рустам, словно угадав его мысли.

— Кстати, Рустам... — обратился к нему Усманов, решив наконец выведать то, что давно хотел. — Вам нравится ваша работа?

— Нравится, — сказал Рустам и скользнул по нему быстрым взглядом. Он, кажется, понял, чем вызван вопрос секретаря райкома. Минуту помолчав, добавил: — Уже после демобилизации ногу покалечил... Носир Пулатович узнал и взял к себе... шофером... Я в протезе... Ступня...

— Простите меня, Рустам, — Усманов легонько коснулся его плеча.

— Ничего.

— Просто вы мне нравитесь.

— Благодарю...

По левую сторону замелькали дувалы — глинобитные дома.

— Колхоз... Минут через пятнадцать будем на месте, — заметил Рустам.

Впереди на самой середине дороги показался гусеничный трактор. Рустам взял правее и слегка нажал на тормоз.

— Что-то тащит...

Поравнявшись с трактором, он остановил «Волгу». Тракторист, совсем молодой парень, нервно переключал рычаги, резко двигая окутанный пылью трактор то вперед, то обратно, и при этом, высунувшись по пояс из кабины, глядел назад, что-то негодуя кричал; чумазое лицо было искажено от напряжения. Однако голоса его сквозь рев мотора почти не было слышно. Стальной трос, зацепленный за крюк позади трактора, то натягивался как струна, то, слабея, падал на дорогу. Трактор снова, взревев, устремлялся вперед, и его гусеницы, пробуксовывая, вспарывали землю.

Усманов проследил взглядом, куда вел натянутый трос. Он был привязан к одному из кряжистых тополей, растущих в ряд вдоль арыка. Раскаленное солнце било в глаза, слепило, и Усманов не сразу заметил прижавшегося к тополю старика. В развевающихся на ветру длинной белой рубахе и белых шароварах, он стоял, распластавшись по толстому пепельно-серому стволу дерева, сливаясь с ним, обхватив его руками, словно пытаясь удержать, не дать ему упасть. Усманов понял, что здесь происходит что-то странное, и поспешно вышел из машины.

— Стой! Стой!.. — закричал он трактористу, направляясь к дереву.

Однако уже было поздно. Тракторист, видимо, решил поскорее покончить с делом и надал газу. Трос натянулся. И через мгновение вывороченный с корнями кряжистый тополь, с треском ломая ветви, рухнул на дорогу. Не успел Рустам оправиться и добежать до трактора, чтобы предупредить водителя, как и старик и Усманов исчезли под обрушившейся кроной.

— Дамир-ака! Дамир-ака! — не своим голосом закричал Рустам, раздвигая ветви поверженного дерева.

— Иди сюда, Рустам, — слышался наконец снизу глухой голос Усманова.

— Он здесь, — сказал кто-то.

Это был тракторист. Бледный как полотно, он дрожал так, что у него клацали зубы.

— У-у, г-га-ад!.. — заорал на него Рустам и бросился на голос секретаря.

Усманов лежал, придавленный упругими толстыми ветвями, и упирался руками в землю, пытаясь встать.

— Быстрее, подо мной старик, — сказал он, увидев подоспевшего Рустама.

— Иди сюда! — крикнул Рустам трактористу.

Но тракторист и без того уже был рядом. Они вдвоем раздвинули ветви, протянули Усманову руки.

— Берите старика. Я сам... — Усманов, приподнимаясь, отогнул спиной ветку; когда из-под него вытащили потерявшего сознание окровавленного старика, он рывком поднялся с земли. Тополь покачнулся, завалился набок, и его тяжелый ствол, ломая ветви, ухнул на то место, где только что был Усманов.

— Ничего?.. С вами ничего?.. — ощупывая его, спросил Рустам.

— Кажется, ничего, — улыбнулся Усманов и принялся отряхиваться. У него был порван рукав, щека оцарапана. — Как старик?

Не ответив, Рустам кинулся к арыку, на берегу которого тракторист уложил старика; черная воду пригоршнями, смачивал ему голову и грудь.

— Живой?

— Дышит... Чокнутый старик, — процедил тракторист сквозь зубы.

— Сам ты чокнутый! — не выдержал Рустам. — Видишь человека и валишь!..

— А что же мне оставалось делать, если он не отходит? Тысячу раз просил его отойти! А он знает свое: «Сынок,

сын!..» — и хватается за дерево. А у меня распоряжение! Попробуй не выполни...

— Чье распоряжение? — спросил Усманов.

— Раиса! Чье же еще... — буркнул тракторист, готовый расплакаться.

— Давайте положим в машину... — распорядился Усманов и, просунув руку под шею старика, приподнял его. — Помогите... И быстро в больницу! Скажите, я направил. Пусть хорошенько осмотрят. Я подожду вас здесь.

— Хоп!

Рустам круто развернул машину и на предельной скорости помчался в районный центр.

Привлеченные шумом, собрались жители кишлака. Многие выбежали из домов, прослышав, что «Шакира-ота придавило деревом!». Эта весть в одну минуту облетела весь кишлак. Сваленное дерево обступила толпа. Многие узнали Усманова. Кто-то принес из дома йод и смазал его ссадину на щеке. Тракторист растерянно стоял в сторонке. Люди с негодованием поглядывали в его сторону.

— Есть кто-нибудь из близких Шакира-ота? — спросил Усманов у собравшихся.

Шагах в пятнадцати от тополей возвышался глинобитный дувал, и за ним через отворенную калитку виднелся обширный двор.

— Дочь есть, — сказал кто-то. — Учительница. Утром повезла школьников в город на экскурсию. Еще не вернулась.

— Было у него пятеро сыновей, — мрачно заметил средних лет мужчина. — Все пятеро погибли на войне. Эти тополя он посадил в память о них. А этот... что свалили, был им посажен в честь первенца, Мирбилала.

— Первенец не Мирбилал, а Мирджалал! — поправила его стоявшая рядом пожилая женщина.

Сердце Усманова дрогнуло, запершило в горле. Чтобы люди не заметили слез на его глазах, он перепрыгнул скорее через арку и направился в сторону открытой калитки, уверенный, что тут и живет Шакир-ота. Вошел во двор. Лохматый черный щенок, лежавший в виноградной беседке, сорвался с места и, как видно приняв Усманова за своего, стал кидаться, ласкаясь и повизгивая, ему на ноги. За беседкой, вокруг которой ярко цвели розы, простирался ухоженный сад.

— Ну ступай, ступай!.. — сказал Усманов щенку, легонько отстранив его ногой.

Поднялся на айван. Дверь в дом отворена настежь. У окна, выходящего на айван, низенький столик, застланный скатеркой, и на нем чайничек и пиала с недопитым чаем. «Наверное, сидел и пил чай, — подумал Усманов. — Услышал шум трактора, скрип раскачиваемого тополя и бросился на улицу...»

В комнате ничего лишнего. В нишах в полумраке сверкает посуда. На полу лежат одеяла — курпачи. Противоположная стена завешана старым красивым ковром, а поверх висят в одинаковых рамках пять портретов. Усманов подошел поближе, чтобы рассмотреть. По-видимому, сыновья Шакира-ота. Все пятеро в гимнастерках, один острижен наголо, без головного убора, а остальные в лихо заломленных пилотках со звездочками. И все похожи друг на друга. И брови, и глаза, и взгляд... Лишь младший тем только отличается, что оставил под носом квадратик усов, как видно, для солидности...

На айване послышались торопливые шаги. В комнату вступили, шумно дыша, Султанов и Кабулов. Усманов ощутил прилив бешеного гнева и, стараясь сдержаться, спросил тихим напряженным голосом:

— До каких пор будете увечить людей?

Кабулов виновато потупился, поглядывая с неприязнью на раиса. Султанов растерянно вытирал лицо и толстую шею огромным, с полотенце, платком, а пот, не переставая, лил с него.

— Хотели расширить дорогу, Дамир Усманович... — виновато проговорил раис. — И старик вроде бы согласился... Портреты его сыновей мы повесим в музей... А тополя... какой же это памятник?

Усманов прошел мимо них к двери. Спускаясь с айвана, через плечо бросил:

— Завтра бюро. Приезжайте оба.

В этот день он так и не попал в Найманчу. Вернулся в райком и позвонил из своего кабинета Мукимову, передал ему разговор, состоявшийся с Искандером Гаиповичем. Затем отправился в больницу. Главный врач сказал, что Шакир-ота оправился от шока. Он просто сильно ушибся, да к тому же еще и перепугался. Кости, самое главное, целы. А царапины быстро заживут. Завтра вернется домой...

У Усманова будто гора с плеч свалилась. Он успокоился, но злость не прошла. Домой не хотелось. И он более часа бродил по темным опустевшим улицам...

На заседании бюро, состоявшемся утром, выяснилось, что Султанов и на этот раз пренебрег советами членов правления колхоза, которые предостерегали его, говорили, что не стоит трогать деревья, поскольку Шакир-ота категорически против. По предложению Усманова бюро вынесло решение освободить Султанова от работы. Председателем колхоза был рекомендован Хайдарали Кабулов.

Вечером в клубе колхоза имени Максима Горького состоялось общее собрание колхозников. Собрание единогласно поддержало решение бюро райкома.

Домой Усманов возвратился в полночь. Мастура-апа сидела возле кровати внука. Усманов в первый раз после смерти Хафизы не прошел мимо в свой кабинет, а сначала заглянул в комнату, где находился сын.

— Еще не спит? — спросил тихо.

— Только что уснул, — ответила мать.

Усманов склонился над кроватью и впервые внимательно взгляделся в мальчика. Пухленький, белолицый, совсем как Хафиза. Бровей еще нет, а ресницы уже длинные, черные. Такие же, как у Хафизы... Словно почувствовав взгляд отца, Улугбек зачмокал во сне, вздохнул. Усманов улыбнулся. Ему захотелось погладить редкие темные волосы ребенка, но он этого не сделал, побоялся разбудить. В самом деле, при чем ребенок? Что он сделал плохого? Разве он виноват, что родился?

— Днем приходила какая-то девушка... — робко заметила Мастура-апа. — Принесла Улугбеку игрушку. Долго играла с ним, пока я хлопотала по дому. А он словно ее понимает, смеется, гугукает...

— Кто это? — без капли интереса спросил Усманов, не сводя с ребенка глаз.

— Халида. Сказала, что вы знакомы...

Да, глупо и жестоко винить ребенка. И потом, Улугбек все же ее ребенок, Хафизы...

XVIII

Осень выдалась щедрая и теплая. За весь сентябрь и первую половину октября небо ни разу не заволакивали облака, и под жаркими лучами солнца хлопок быстро зрел, коробочки на кустах лопались и раскрывались, как кукуруза на сковородке. Первыми в Бадамсае приступили к уборке в колхозе «Правда». А уже через неделю началась страда по всему району. В райкоме наметили завер-

шить сбор хлопка к ноябрьским праздникам. Однако, если весь октябрь продержится такая погода, не только план, но даже и социалистическое обязательство район сможет выполнить уже к первому ноября.

Сатыбалды Полвонов, Хайдарали Кабулов и еще два-три председателя пришли в райком с ходатайством: дескать, чтобы хлопок был почище и шел первым сортом, а главное, чтобы собрать урожай, пока стоит погода, неплохо бы привлечь к сбору школьников хотя бы дней на двадцать, не более. Райком не пошел на это. Раисам напомнили, что решение не отрывать школьников от занятий было принято в начале года единогласно. А всякое решение бюро райкома, безусловно, должно выполняться. Правда, поначалу твердо стоял на своем только Усманов. А Бурханов под натиском раисов спасовал, готов был поддерживать их. Даже попытался уговорить Усманова, намекая на то, что, если привлечь школьников, можно выйти в передовые не только по области, но и по республике. Дети ведь, они как муравьи: несут вроде бы по пригоршне, а в результате горы собраны. Вон, мол, если поглядеть на соседние районы...

— Казим Бурханович, зачем нам смотреть на других? А мы что, лыком шиты?.. — спросил Усманов.

— Да... Конечно... — смутился Бурханов. И в конце концов принял его сторону.

Однако в выходные дни все трудящиеся района, и рабочие и служащие, выезжали в колхозы и собирали хлопок. Работники райкома тоже трудились со всеми на поле от зари до зари.

В колхозе «Шарк юлдузи» сбор начался дней на десять позже, чем в других передовых хозяйствах. Сказались последствия затяжных весенних дождей. На большинстве полей пришлось сеять повторно. Но, несмотря ни на что, урожай был выращен хороший. Уже к середине октября колхоз догнал соседей. Работники райкома чаще всего работали на полях этого колхоза.

— Вот видите, Сатыбалды-ака, а вы просили школьников. Каждый работник райкома стоит десяти учеников! — пошутил Усманов.

— Работников райкома лучше слушать, чем заставлять работать, — ответил шуткой на шутку Полвонов. — Наши мужчины скоро поднимут бунт.

— Почему? — удивился Усманов.

— С тех пор как вы появились тут, подавая личный пример, в поле выходят все до одного. Ни в одном доме не

осталось даже человека, чтобы приготовить обед. Моя разлюбезная жена тоже собирает вон за тем арыком. Я из-за этого не только не могу пригласить вас к себе в гости, но и сам хожу голодный...

Усманов засмеялся. Ему куда больше нравилось обедать вместе с колхозниками на полевом стане, черпать из алюминиевой миски пропахшую дымком наваристую шурпу. Раис это знал, потому и шутил.

Настроение Усманова в последнее время заметно улучшилось. Жизнь, полная забот и тревог, втянула его как водоворот. Теперь он не чувствовал себя таким несчастным, таким потерянным, что хотелось бежать из Бадамсая. Правда, ни один человек, кроме него самого, не знал об этих недавних его мыслях. Даже матери ни словом не обмолвился. Но месяца два назад в нем не раз просыпалось желание махнуть на все рукой и вернуться в город... Потом постарался собрать все свое мужество — надо было жить. Жить здесь. Ради памяти Хафизы. Она верила в него. Ему часто слышался ее голос. Сидит, бывало, в кабинете, работает, и вдруг... «Дамир, хочешь чаю?» Вздрагивает, оборачивается. Никого. Или идет по улице и вдруг слышит: «Не спеши, мне же за тобой не угнаться!..» Ее голос... А иногда, увидев вдалеке похожую женщину, он принимал ее за Хафизу, и его будто окатывало кипятком... Ему казалось, он сходит с ума... Но человек есть человек. Иногда, наверное, железо не выдержит — согнется, сломается, а человек выдерживает. Для этого нужно работать. Работать, не отдыхая... А отрешиться от всего, оторваться от людей, погрузиться в боль — это проще простого. Поступить так — все равно что зажмуриться, когда в тебя летит камень. Нет, Усманов должен работать. И за себя, и за Хафизу. И пусть лучше никто не узнает, что за мысли бродили недавно в его голове...

В тот день, когда колхоз «Шарк юлдузи» должен был выполнить план, Полвонов пришел на поле к райкомовцам:

— Дамир Усманович, сегодня после сбора вы все остаетесь у нас.

— Зачем? Сегодня же мы решили уйти пораньше, чтобы ваши мужчины не подняли бунт! — сказал Усманов.

— Сегодня кое-кому из мужчин привалило счастье. Вы слышали про нашу Машрабхон? Она в этом году славно поработала на хлопкоуборочной машине. Уже двести тонн

хлопка собрала. Обещает еще семьдесят тонн собрать. Так вот, сегодня ее свадьба!

— Поздравляю, — сказал Усманов. — А кто жених?

— Свой. Мирзагани. Тоже механизатор. «Сумеешь обскакать во время сбора хлопка свою невесту, разрешу ей выйти за тебя и благословлю вас!» — сказал я ему...

— И обскакал?

— Обскакал! — хохотнул Полвонов. — Ух как старался! Сегодня получит свою награду.

Усманов вспомнил, что об этой свадьбе еще весной говорила Халида.

— Свадьбу справляют в новом доме? — спросил он.

— В новом, — удовлетворенно подтвердил Полвонов и спохватился: — Откуда вы знаете?

— Халида говорила. Помните, когда я привез ее обратно?.. У Сатыбалды-ака все учтено заранее — так она сказала. Даже свадьбе Машрабхон наметил срок!

Полвонов засмеялся:

— Сейчас она и сама без точного расчета не делает и шагу. В руках счеты, блокнот... Я вам тогда сказал, что она и сама вернулась бы. Но то, что ее привезли вы, получилось хорошо. Она это оценила. А если говорить начистоту, то вы и мне показали тогда ее настоящую цену. Я даже побаивался, как бы она опять вам не пожаловалась. — Полвонов говорил вроде бы шутя, но лицо его и взгляд оставались серьезными. Помолчав, добавил: — Хорошая девушка. Дело свое знает. А когда я в отъезде, совсем не беспокоюсь о колхозе. И с председательскими обязанностями справляется.

Об этом Усманов услышал с удовольствием.

Как-то в середине лета у него был разговор с Сулаймоном-ота Юлдашевым, председателем колхоза имени XX партсъезда. Вот после этого разговора Усманов и стал все чаще вспоминать о Халиде.

Сулаймон-ота Юлдашев был одним из самых первых председателей в Ферганской долине, ветеран гражданской войны, дважды удостоивался ордена Ленина. В свое время во всех газетах упоминалось имя этого знатного человека. К нему в колхоз со всех концов республики приезжали молодые руководители хозяйств поучиться опыту. Но в последние годы разговоры о нем поутихли. Да и сам он стал редко показываться на слетах, на больших собраниях, где в прежние времена, бывало, сидел в президиуме.

Тогда, летом, Сулаймон-ота, седой и дебелий, некоторое время молчал, не зная, с чего начать разговор. Усманов не торопился, предложил ему пиалушку чаю, парварды¹. Сулаймон-ота выпил чай и, пристукнув доньшком пиалы о стол, неожиданно сказал:

— Освободите меня...

— Да что вы?.. Что-нибудь случилось? — спросил Усманов.

— То же самое, что со всеми в конце концов случается, — грустно улыбнулся Сулаймон-ота. — Постарел...

— Но у вас в колхозе все благополучно...

— Благополучно? — усмехнулся Юлдашев. — Конечно. Благополучно... Но разве таким он прежде был, наш колхоз? А настанет день... и могу не заметить, как окажемся позади всех... Вот чего я боюсь.

Усманов в замешательстве смотрел на него, не зная, отговаривать ли заслуженного председателя от выхода на пенсию, и будет ли сам он искренен, если сумеет склонить раиса остаться на прежней работе.

Сулаймон-ота разволновался, ему трудно было говорить. Он опустил глаза и мял в дрожащих руках тюбейку.

— Да, Дамирджан, сынок, не думал и я о старости. Не заметил, как подкралась она. Только теперь, когда то одного дела не успеваю сделать, то другого. «А-а, — подумал я. — Это она, дряхлость, меня за руки держит...» — Он поднес большие руки к глазам и с грустью посмотрел на свои ладони, покрытые бороздками, мозолями и шрамами: — Нет в них прежней силы, сынок. Раньше я вставал до петухов и не ложился, пока не угомонится весь кишлак и в последнем окне не погаснет свет. Сорок лет работал, не зная, что такое отдых, что такое болезнь. А позавчера, стыдно сказать... Позавчера на собрании я потерял нить своей речи. Как зайка умолк на полуслове, забыл, что хотел сказать. Мне кажется, и люди заметили. Но никто не смеялся, нет. Молча сидели, пока я не поймал за кончик нить разговора. Эх, сынок, что с меня спрашивать теперь, со старого человека? В таком состоянии я развалю хозяйство. Надеюсь, вы поймете меня и простите. Ведь в свое время я что мог сделал. А теперь... Если у вас есть подходящий человек, то замените меня.

— Так уж сразу? Может, с годик-другой еще порабо-

¹ Парварда — особый вид конфет.

таете? У вас же есть энергичные помощники, — сказал Усманов, чтобы хоть как-то поддержать старика.

Сулаймон-ота махнул рукой.

— Я много думал прежде, чем прийти сюда. Думаете, легко признать свою немощь? Прямо сердце разрывается. Но нет другого выхода...

— Ладно, — согласился Усманов, зная, что Сулаймон-ота относился к той категории людей, которые, приняв однажды решение, от него не отказываются. — А кого бы вы могли рекомендовать вместо себя?..

— Я знал, что вы об этом спросите, — ответил Сулаймон-ота. — Кандидатура есть... И не одна, а четыре-пять. Могут справиться и мой заместитель, и агроном, и парторг. И еще имеются. Но лучше взять со стороны, мне кажется. Если один из них станет раисом, то остальные подумают: «А почему не я? Разве я хуже?» Разлад начнется. Перестанут по-настоящему работать. Лучше, если все останутся на своих местах. Раис найдется. А людей, которые смогли бы в этом колхозе так же хорошо выполнять их работу, труднее подобрать...

Усманов отметил про себя, что в рассуждениях Сулаймона-ота присутствует опыт жизни. Видимо, не один день и не одну бессонную ночь размышлял мудрый старик.

— Ладно, Сулаймон-ота, — сказал Усманов. — Только у меня к вам просьба: подождите до осени. Соберем урожай, тогда и вернемся к нашему разговору.

— Хорошо, сынок, до осени подожду, — согласился Сулаймон-ота.

С той самой поры Усманов и подумывает все чаще о Халиде. Были у него на примете и другие люди. Но после долгих раздумий он пришел к выводу, что Халида, пожалуй, лучше остальных справится с обязанностями раиса. Образование есть. Землю знает и любит. Все ее мечты связаны с землей. Энергична. Настойчива. Капризы? Ну и что? На то ведь она и молодая женщина. Начнет работать самостоятельно — посерьезнеет...

Своими умозаключениями Усманов еще ни с кем не делился. Хотел посоветоваться с Бурхановым, но совершенно случайно заметил, что у того какое-то предвзятое отношение к Халиде. Как-то в присутствии Полвонова зашел разговор о современных методах агротехники; пришлось к слову, и раис принялся расхваливать своего агронома, Халиду.

— Э-э, ничего из этого попугая не выйдет! — перебил его Бурханов. — Рано или поздно она все равно сбежит

в город. В голове у нее одни только наряды да украшения.

Полвонов вскипел.

— Во-первых, она еще молода и не столь мудра, как некоторые из нас, — ответил он, покраснев от негодования. — А во-вторых, какая женщина не любит красивых нарядов и украшений? Пусть одеваются, пусть украшают себя! Это не мешает работе... Недавно я поехал проведать свою младшую дочь в город. Увидел и чуть не ахнул. Платье едва прикрывает бедра. Объясняет: сейчас такая мода. А что я мог сказать?..

Усманов промолчал, но был доволен ответом Полвонова. И сейчас, услышав от Полвонова столько хорошего о Халиде, он хотел было поделиться с ним своими планами, посоветоваться, но раздумал. Он заранее знал, что скажет Полвонов. Ни за что не захочет отпустить от себя Халиду. Начнет протестовать. И, чего доброго, у него испортится настроение перед свадьбой его подопечных. А поскольку он главный на всех застольях, от его настроения сегодня зависит многое...

Тот самый двор, в котором Усманов когда-то побывал, был заполнен людьми. Посередине полыхал традиционный костер, а вокруг него плясала молодежь. Вовсю гремела музыка, оповещая и ближние и дальние кишлаки о тое... Старики, подобрав под себя ноги, сидели на помостах — сури, застланных паласами, а молодежь расположилась за столами, составленными в ряд. Многие пришли прямо с поля. Возбужденные и веселые, они не чувствовали усталости. Шутили, смеялись, предлагали тосты. А управлял свадьбой сам Сатыбалды-ака. Он поздравил молодых, сказал много трогательных и ласковых слов, шутками заставлял всех смеяться и в разгар веселья обратился к Усманову, попросил пожелать что-нибудь молодым.

Усманов сразу почувствовал, что не по силам ему тягаться с раисом в красноречии, и просто, но от чистого сердца поздравил молодых, пожелал им счастья, здоровья и долгих лет совместной жизни. Все выпили. И он осушил рюмку. И подумал, что он на первой свадьбе в Бадамсае. Если бы жива была Хафиза, она сидела бы сейчас рядом с ним, видела бы радость на лицах жениха и невесты, радость всех людей, радость мужа и сама была бы весела...

Спустя некоторое время Усманов поднялся. Сидящие поблизости забеспокоились, стали уговаривать не спешить,

посидеть еще немного. Подошли Полвонов и жених, просили остаться — ведь веселье еще только началось, будет длиться до утра. Ведь это, мол, не просто свадьба, но и праздник урожая: на торжество собрались все колхозники.

— Казим Бурханович останется. А у меня еще дела, — сказал Усманов. — Да и мать забеспокоится. Одна весь день с внуком.

Халида, смущенно потупясь, сказала:

— Я сегодня была в райцентре, заходила к вам и предупредила вашу маму...

Но Усманов не остался. Бурханов и Полвонов проводили его до машины. Бурханов раскраснелся от выпитого, но был угрюм. Прощаясь, сказал:

— У меня к вам разговор... Давно хотел... Личный...

— Говорите, — Усманов вопросительно посмотрел на него.

Бурханов взглянул на Полвонова.

— Ладно, в другой раз... Не к спеху... Потом...

Усманов не настаивал. Но в дороге подумал: «Что за разговор у него ко мне?..»

За последнее время Бурханова словно подменили. Улыбчив, приветлив. Изменил отношение к нему, к Усманову? С чего бы вдруг?.. Во всяком случае, хотя и не часто, заходит к нему в кабинет, советуется. Что же с ним произошло?..

Они проезжали через кишлак, где жил Пулатов, и Усманов попросил остановить машину возле знакомых голубых ворот. Уже неделю Пулатов по настоянию врачей находился дома и лежал в постели. Вместо себя он оставил на новых землях Каримова.

Увидев Усманова, Носир-ака попытался встать.

— Нет, нет, лежите! — сказал Усманов и, придвинув к кровати стул, сел. — Из «Шарк юлдузи» еду. Дай-ка, думаю, зайду, хоть и поздно. Не надоел своими посещениями?

— Ну что вы, спасибо, — печально улыбнулся Пулатов. Выглядел он неважно. Белки глаз пожелтели, лицо осунулось, побледнело. — Ну как у них там план, скоро выполнят?

— Сегодня выполнили. Дня через три-четыре, думаю, и район выполнит.

— Хорошо. Поздравляю... Только я вот подвел вас, слег не вовремя.

— Ну, с кем не бывает, Носир Пулатович! Вы пере-

напряглись. Да и осень жаркая... Ничего, вот полежите и скоро подниметесь.

— Конечно, — обрадовался Пулатов. — И врачи так говорят. Самое большее еще дней десять проваляюсь. Я и сам чувствую. Вчера не мог и голову поднять, а сегодня ничего. Давеча добрался до айвана самостоятельно...

Они долго беседовали. Саида-апа принесла чай, сладости. Усманов несколько раз порывался встать, боясь утомить больного, но Пулатов клал легкую, как перышко, ладонь ему на колени и просил посидеть еще чуть-чуть. Он говорил о будущем совхоза, о людях, с которыми там работает, посвящал Усманова в свои мечты. Он разговаривал с учеными. Уже через четыре года совхоз окупит себя. Неподалеку от совхоза они построят санаторий. Грех не построить! Там же из-под земли бьет настоящий бальзам, а не вода! Люди смогут вылечиваться от желудочных, почечных заболеваний... Но минеральная вода при этом будет лишь вспомогательным средством, а не главным. Главным будут арбузы, виноград... Четыре гектара самых сладких на свете арбузов! А в теплицах они могут вызревать и зимой... И это еще не все. После того как вступит в строй консервный завод, совхоз в скором времени станет хозяйством-миллионером...

Усманов слушал, дивясь силе и увлеченности этого человека, восхищаясь им и от всего сердца желая, чтобы он поскорее выздоровел. Лежать дома для него мука. Если бы у всех людей старость была бы такой полной, насыщенной делом, как у него!..

Когда Усманов наконец встал и начал прощаться, Саида-апа обратилась к нему:

— Он с вами хотел поговорить кой о чем. Поговорил?

— Нет... О чем же?

Саида-апа обернулась к мужу:

— Вы же сказали, что непременно поговорите с Дамиром Усмановичем насчет Султанова, забыли?

— Хорошо, что ты напомнила, — спохватился Пулатов, приподнимаясь на локте. — Дамир Усманович, посидите, пожалуйста, еще минутку.

Усманов опять опустил на стул.

— Хайтбая правильно сняли с работы, — начал Пулатов, волнуясь. — Я ничуть не против... Он зазнался, начал возводить постамент для самого себя... Но тем не менее заслуги его перед Бадамсаем, да и перед всей Ферганой большие, и о них нельзя забывать. В годы коллективизации враги новой жизни его называли Хайтбаем-кафиром,

Хаитбаем-отступником. Отступником от веры, от законов, заповеданных якобы аллахом. И многие — те, кто не понимал смысла колхозов, — пугали Хаитбаем своих непослушных детей... Я смутно помню, когда тут был организован первый колхоз. Но в памяти осталось, что в тот год у нас выдался богатый урожай гранатов. Колхоз просто не знал, что делать с плодами. И как раз в эту пору в Бадамсай приехал товарищ Ахунбабаев. Увидел на кустах несобранные перезревающие гранаты и сказал: «Вам всего этого не съесть... А сколько людей, которые таких плодов и не видели! Надо повезти в Ленинград...» И по его совету двое колхозников — председатель Хаитбай и еще... не помню сейчас, как звали, а фамилия его была Исмаилов — повезли в Ленинград целый вагон гранатов... Теперешний Кировский завод прежде назывался «Красный путиловец». Вот на этот завод они и сдали оптом все плоды. Обоих принимал у себя сам Сергей Миронович Киров. Они целую неделю гостили в Ленинграде. А когда собрались в обратный путь, по совету Кирова, рабочие завода подарили им два трактора «фордзон», и еще с ними приехал с завода специальный человек, чтобы обучить колхозников управлять трактором. Но многие дехкане не решались и близко подходить к диковинной машине. И первым взялся за руль трактора сам Хаитбай... Эх, сколько раз враги пытались убить его, а трактор поджечь... А тот «фордзон» и до сих пор еще живой стоит... Так что же я хочу сказать этим?.. Может быть, он от жизни отстал, зазнался? Да... Правильно ли, что сняли? Правильно. Но... провожая его на пенсию, нельзя не вспомнить обо всем хорошем, что он сделал для колхоза. Я думаю, справедливо было бы дать Хаитбаю персональную пенсию республиканского значения. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

Усманов обещал похлопотать.

Уже сидя в машине, Усманов подумал, что было бы хорошо встретиться как-нибудь с Султановым и услышать от него самого о прошлых его делах. Доставивший ему немало неприятностей Султанов раскрылся вдруг перед ним с неожиданной стороны... Спасибо Пулатову! Внезапно в голову пришла мысль: этот самый ленинградский «фордзон» надо бы поставить на постамент у въезда в Бадамсай. Это же первый трактор, появившийся в Фергане! Подарок ленинградских рабочих. Нет, лучше всего построить музей. Музей истории революции и коллективи-

зации. Перед музеем установить этот трактор... Впрочем, такой музей, видимо, целесообразнее иметь в масштабах республики или хотя бы области. А для района это уж слишком... Хотя почему бы и нет?..

Размышляя, он не заметил, как доехали до райкома. Дежурил Алиев.

— Поздравляю, Дамир Усманович, с вашей помощью колхоз «Шарк юлдузи» завершил план! — сообщил он полушутя-полусерьезно.

— Да, и той справили! — в тон ему ответил Усманов. — Все в порядке?

— Вроде бы в порядке, — ответил Алиев, странно улыбаясь.

Усманов посмотрел на него вопросительно:

— Что?

— Тут одна женщина долго вас ждала. Всего за несколько минут до вашего прихода уговорил ее уйти домой, — засмеялся Алиев. — Муж привязал к урючине.

— Как так?..

— Пьянка до чего не доводит...

— Она?..

— Нет, муж! Вечером, говорит, вернулся пьяный и учинил скандал. А наутро, когда он протрезвел, жена пригрозила ему: уйду, мол, не буду с вами жить. Муж, видимо, поверил. Обманом подвел ее к урючине и привязал накрепко бельевой веревкой. Женщина не заметила, что у него в руках веревка. А когда он замелькал вокруг нее и дерева, словно паук, оплетающий паутиной, то уже было поздно. Если бы я, говорит, заметила у него веревку, то не стояла бы сложа руки, сама бы привязала его к дереву. В общем, муж привязал ее и ушел на работу. Женщина так и стояла, пока сын не вернулся из школы. Постеснялась соседей звать на помощь. Мужа ругает, а сама все время называет его на «вы». «Они спесалисом работают, потому так фордыбачат...»

— А-а, это Карамонова, — догадался Усманов. — Она еще придет?

— Сказала, придет утром. Мне, говорит, может помочь только товарищ Усманов. Вы, оказывается, уже однажды разговаривали с ее мужем. Хоть он и «спесалис», но надо его перевести на более скромную работу, иначе у него слишком много лишних денег, считает она.

«Не говорил. Но, видимо, все-таки надо поговорить с ее мужем», — подумал Усманов, а вслух сказал:

— Вы правильно заметили, она любит своего мужа.

Помолчали.

Усманов взял стул, сел и рассказал Алиеву все, что услышал от Пулатова и чем был так взволнован.

— Надо что-то придумать. Надо. Это же большое дело. Памятник или что-то другое, не знаю. Во всяком случае, нужно помнить о дружбе наших хлопкоробов с путиловцами.

Алиев обещал покопаться в архивах. Сообща что-нибудь придумают.

Улугбек все еще не спал. В прихожей, разуваясь, Усманов услышал его звонкий голос.

Мастура-апа и все колыбельные песни перепела, которые знала, и уговаривала внука закрыть глазки — все тщетно. Улугбек не желал засыпать — ожидал отца. Он первым услышал, как ключ повернулся в замке, завертел головкой, закричал. Увидев отца, протянул к нему ручки. Усманов взял его на руки.

— Почему не спишь, а? — строго спросил он, делая вид, что сердится, и одновременно целуя сына.

— Дождается отца,— сказала Мастура-апа.— Так и прислушивается, так и прислушивается, не раздадутся ли шаги...

— И опять новые игрушки, я вижу!..

— Да-а! — подхватила мать.— Одна надоест, другая уже готова! Халида сегодня принесла еще одну. Саблю. Рановато, но ничего, скоро наш малыш джигитом станет! Знаешь, как только твой сын видит Халиду, радуется, смеется, что-то лопочет. И она рассказывает ему всякие веселые сказки и тоже смеется. Разговаривают и вроде бы понимают друг друга...

Усманов понял, на что намекала мать. Она не в первый раз заводила разговор о Халиде, но слова эти не находили отзвука в его сердце. Халида хорошая девушка, что и говорить. Он уважает ее, как уважал бы одну из своих сестер. Она и поступила, как сестра, когда Мастура-апа спустя неделю после смерти Хафизы принесла Улугбека домой. Халида зашла к ним и сказала:

— Моя сестра умерла, когда ее дочери исполнился месяц. Племянницу растила я. Если разрешите, я буду время от времени заходить к вам и помогать...

С тех пор Халида и бывает у них. Правда, чаще всего в отсутствие Усманова. Но стала близкой их семье. Мать уже души в ней не чает, то и дело заводит с сыном разго-

вор о ней. Нехорошо, если девушка будет надеяться... Надо бы намекнуть ей... Снова обзаводиться семьей он не собирается. Хотя Хафизы нет, но она живет в его сердце, он слышит ее голос, не проходит ночи, чтобы она не приснилась ему. Не сможет он забыть ее...

Он хотел сказать об этом матери и только собрался с духом, как из другой комнаты донесся звонок телефона. Улугбек, словно боясь, что его опять уложат в постель, обхватил отца за шею ручонками. Усманов засмеялся и вместе с ним направился в свой кабинет. Включив настольную лампу, снял трубку.

Звонил Исмаилджан.

— Дамир! — послышался его голос. — Извини, что поздно. Я знаю, что ты раньше и не приходишь домой. Я тут кое-что сделал от твоего имени. Думаю, не обидишься.

— Что именно?

— Всесоюзное общество ветеранов войны пригласило группу участников партизанского движения Югославии. Среди них есть и Антонов-Ристич. Я включил в их программу посещение Бадамсая. От твоего имени. Ты слушаешь?

— Да, да, — ответил Усманов. — Хорошо сделал. Когда они приедут?

— В конце месяца.

— Превосходно. К тому времени справимся как раз с планом, — сказал Усманов и сразу переключился на другое: — Послушай! В твоей газете ничего не публиковалось о Султанове? Да, о бывшем председателе колхоза имени Горького. Нет, не фельетон. Просьба к тебе, побывай у него. Нет, сам. Сам побывай.

— Это заказ райкома? — смеясь, спросил Исмаилджан.

— Можно сказать и так. Биография у него интересная. Когда приедешь?

— Через недельку. Сейчас занят по горло. Улугбек как?

— Вот устроился у меня на руках и пытается отнять трубку. — Усманов нежно поцеловал сына, вцепившегося обеими ручонками в трубку. — Растет не по дням, а по часам, как князь Гвидон. Скоро станет женихом. Только не спит вот, мучает свою бабушку.

— Ребенок же, — сказал Исмаилджан. — Вспомни, сам каким был. Только теперь...

— Да, только теперь... — перебил его Усманов

и вздохнул.— Только теперь... Едва мы, дружище, с детством простились...

— Мирские заботы на нас навалились! — подхватил Исмаилджан.

— Так через неделю? — еще раз спросил Усманов.

— Обязательно! — заверил Исмаилджан.— Коль обещал, ты же знаешь...

Они простились, и Усманов положил трубку.

Он поиграл еще с Улугбеком, а потом, заметив, что у ребенка начинают слипаться глаза, прижал его к груди и стал тихонько укачивать.

Вошла Мастура-апа и взяла у него уснувшего ребенка.

Усманов выключил настольную лампу. Из темноты медленно проступил блеклый квадрат окна. Надо подумать о делах на завтрашний день. В сумерках как-то легче размышлять, ничто не отвлекает. За окном от поднявшегося ветра раскачивались голубоватые под луной тополя. Кружились в воздухе сорванные с ветвей голубоватые листья.

Еще только полгода он здесь.

И сколько было всего...